ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

6.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1898.

Записки Петра Кононовича Менькова въ трехъ томахъ. Спб. 1898. I. Дунай и Нѣмцы (Восточный вопросъ 1853—1855). II. Дневникъ. III. Сборникъ статей. 470, 370 и 368 стр. въ 8—ку. Издалъ В. Березовскій.

Нѣкогда академикъ Шлёцеръ восхищался нашими лѣтописями и отдавалъ имъ предпочтеніе передъ хрониками Западной Европы. Вопреки всевозможнымъ неблагопріятнымъ условіямъ, обиліе лѣтописей у насъ изумительно, и эта любовь къ старинѣ, это желаніе передать потомству повѣсть протекшей жизни, не изсякли въ Россіи до временъ новѣйшихъ. Многіе дѣятели нынѣшняго столѣтія оставляли свои записки на храненіе въ учрежденія общественныя. Императорская Публичная Библіотека богата этими исторіографическими сокровищами. Немало ихъ и въ Москвѣ, какъ напр. Записки Ѳ. В. Чижова и барона А. И. Дельвига, положенныя на извѣстные сроки. Въ 1895 году истекъ срокъ оглашенію Записокъ П. К. Менькова, отданныхъ имъ Севастопольскому Музею, комитетъ котораго поручилъ изданіе ихъ подполковнику Заіончковскому. Однако время еще не успѣло произвести своего всепримиряющаго дѣйствія на человѣческія страсти, изображенныя въ этихъ Запискахъ, и нѣкоторыя мѣста ихъ не могутъ доселѣ появиться на свѣтъ Божій. Но вполнѣ достопамятнаго, живаго и въ высокой степени занимательнаго осталось вдоволь, и г-нъ Заіончковскій могъ бы даже, безъ ущерба дѣлу, опустить въ печати повторенія одного и того же.

Сынъ инвалиднаго начальника и городничаго въ Кашинѣ, П. К. Кононовъ родился 2 Іюня 1814 году. Благодаря покровительству А. П. Ермолова, онъ воспитался на казенный счетъ въ первомъ Кадетскомъ Корпусѣ и сдѣлался артиллеристомъ. Вся его жизнь († 9 Окт. 1875) прошла въ военномъ вѣдомствѣ, которое въ правѣ имъ гордиться. Это былъ настоящій Русскій воинъ, съ неизмѣнною заботою о солдатѣ, съ безграничною преданностью благу родины, съ забвеніемъ личныхъ выгодъ, съ широтою души, въ добавокъ трудолюбивый и отмѣнно даровитый. Подъ перомъ его встаютъ какъ живые князь Паскевичъ, князь М. Д. Горчаковъ, М. А. Офросимовъ и этотъ себялюбецъ Коцебу, котораго кости должны ворочаться въ гробу отъ Записокъ П. К. Менькова. Онъ преслѣдовалъ Менькова узнавъ, что его подвиги передаются потомству даровитымъ и зоркимъ офицеромъ; по счастію нашлась ему поддержка въ Д. А. Милютинѣ. Сбереженныя Меньковымъ письма разныхъ лицъ, напримѣръ князя В. И. Васильчикова представляютъ собою драгоцѣнность. Особенно любопытны также выдержки изъ Записокъ графа Д. Е. Остенъ Сакена.

П. Б.

*

Въ 1-й книгѣ „Русскаго Архива“ 1895 года помѣщена статья баронессы В. А. Лепель: „Е. П. Глѣбова-Стрѣшнева. Разсказы ея внучки“. Нынѣ старшая изъ дочерей этой внучки, княгиня Е. Ѳ. Глѣбова-Стрѣшнева-Шаховская придала внутреннюю связь и психологичѣскую послѣдовательность этимъ разсказамъ и напечатала въ особой книжкѣ превосходную біографію своей прабабушки, подъ заглавіемъ „Mon Aïeule“ (Paris, H. Oudin. 1898. мал. 8-ка, 195 стр.). Въ сжатомъ, художественномъ очеркѣ дадаровитой писательницы изображена достопамятная женщина XVIII вѣка. Это настоящая историческая картина. Не даромъ въ тотъ вѣкъ было у насъ четыре царицы и одна правительница государства: видно, властность возбуждаетъ къ подражанію. Намъ кажется, что въ біографіи этой упущено изъ виду воздѣйствіе предковъ. Бабка Елисаветы Петровны Глѣбовой - Стрѣшневой была князь-игуменьей во всешутѣйшемъ соборѣ

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

I.

Городъ Иваново-Вознесенскъ.

(Бывшее село Иваново, графа Шереметева).

Около 30 лѣтъ тому назадъ, „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ печатно заявлялъ желаніе помѣстить на своихъ страницахъ „любопытную памятную книгу почтеннаго Ивановскаго жителя А. Ф. Полушина“. Это доброе желаніе, по нѣкоторымъ причинамъ, не могло быть тогда исполнено, но оно заставило меня написать *Очеркъ начала и развитія ситцевой промышленности въ селѣ Ивановѣ и посадѣ Вознесенскомъ*. Въ этомъ очеркѣ я коснулся нѣкоторыхъ случаевъ, о которыхъ отмѣчено въ памятной книгѣ моего отца. „Очеркъ“ мой помѣщенъ въ журналѣ „Вѣстникъ промышленности“ 1861 года, изданіи И. К. Бабста и Ѳ. В. Чижова. Передавая нынѣ въ печать всѣ подлежащія оглашенію выписи изъ нашей семейной книги, въ которую вписывалъ свои замѣтки и сообщенія сначала мой дѣдъ, а затѣмъ отецъ, я убѣжденъ, что этимъ принесу извѣстную пользу и исполню справедливое желаніе многихъ. Для цѣльности въ чтеніи и полноты послѣдующихъ выводовъ въ будущемъ, я просто передаю въ хронологическомъ порядкѣ всѣ выписи *слово въ слово*, сохраняя особенность выраженій и построеніе рѣчи, при чемъ поясняю передаваемое, по мѣрѣ надобности, моими примѣчаніями.

Н. А. Полушинъ.

Выписи изъ памятной книги А. Ф. Полушина.

1751 годъ. Первая фабрика (ткацкая) въ селѣ Ивановѣ завелась у Григорія Бутримова, и ткали становъ на сто. И оный Григорій Бутримовъ по вотчинѣ былъ человѣкъ непослѣдній. У него былъ сынъ Иванъ, который умеръ прежде отца своего, и онъ Григорій Бутримовъ привезъ въ наслѣдники младенца Евсея изъ Москвы: якобы сынъ его Иванъ, бывши въ Москвѣ, женился и прижилъ онаго Евсея.

Григорій Бутримовъ былъ крестьяниномъ графа Шереметева, но, не смотря на свою крѣпостную зависимость, пользовался, какъ видно изъ „записи“, немалой свободой въ своихъ дѣйствіяхъ, чему способствовало, а мо-

жетъ быть и служило главной причиной то нравственное и матеріальное положеніе Бутримова, которое выражено словами записи: *„И оный Григорій Бутримовъ по вотчинѣ былъ человѣкъ непослѣдній“*. Эта благопріятная для Бутримова исключительность, безъ сомнѣнія, и дала ему возможность привезти изъ Москвы младенца Евсея и объявить его своимъ наслѣдникомъ. Дальнѣйшая судьба Евсея неизвѣстна. Знаемъ только, что въ настоящее время среди ткацкихъ фабрикантовъ города Иванова-Вознесенска фамиліи „Бутримовыхъ“ не существуетъ. Хотя въ „записи“ и не указано, какого рода тканье производилось на станахъ фабриканта Бутримова, холстъ или миткаль (такъ какъ иного производства кромѣ этихъ двухъ родовъ тканья въ нашей мѣстности не было и нѣтъ), но можно съ большой вѣроятностью допустить что Бутримовъ работалъ и то и другое. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что выработанныя Бутримовымъ ткани шли, по разсказамъ старожиловъ Иванова, подъ „выбойку“, которая, какъ извѣстно, производилась сначала на холстѣ, затѣмъ вскорѣ перешла и на миткаль.

1751 годъ. Завелъ вторую фабрику Иванъ Ивановъ Грачевъ; было у него становъ ста три.

Грачевъ, Бутримовъ, равно и всѣ послѣдующіе піонеры фабричной и торговой дѣятельности нашего края, были крестьяне графа Шереметева. Долгъ справедливости и чувство глубокаго уваженія къ свѣтлой личности умершаго владѣльца села Иванова заставляютъ сказать, что такое быстрое и замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ развитіе хлопчато-бумажной промышленности и торговли, какое совершилось и упрочилось въ нашемъ краю во времена крѣпостнаго права, было возможно только при тѣхъ въ высшей степени гуманныхъ отношеніяхъ, какія существовали у графа Шереметева къ своимъ крестьянамъ. Въ послѣдствіи бывали нѣкоторые случаи, шедшіе какъ бы въ разрѣзъ съ нашимъ воззрѣніемъ, но это мнимое несогласіе уничтожается, какъ скоро мы вспомнимъ, что не всѣ распоряженія и другія административныя дѣйствія главной конторы графа Шереметева, управлявшей его многочисленными имѣніями, заключали въ себѣ *личную волю* графа и даже были ему извѣстны.

1766 годъ. При выборныхъ Иванѣ Гандуринѣ и Иванѣ Гарелинѣ раздѣлили въ близости села Иванова пахотную землю... и сѣнные покосы *повытно*.

Вытью назывался участокъ земли мѣрою 19 десят. 2010 саж. Такъ ли это было въ данномъ случаѣ, намъ неизвѣстно; изъ приведенной „выписи“ видно, что Ивановцы въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ держались *вытной* системы, самое широкое примѣненіе которой господствовало въ Рязанской и Новгородской губерніяхъ. Здѣсь должно упомянуть, что хлѣбопашество и вообще сельское хозяйство Ивановцевъ было далеко не въ цвѣтущемъ положеніи: этотъ умный и предпріимчивый народъ былъ плохой пахарь. Ткацкій ста-

нокъ, рѣзьба на деревѣ и набивка ткани фантастическими узорами какъ-то не уживались съ простотою пашни и покоса.

Точки, поставленныя мною въ этой „выписи", означають неразобранное мною слово.

1766 годъ. Была рожь цѣною 2 рубли 60 коп. четверть, государственная.

1767 годъ. Генваря 26. Возили (крестьянъ) въ Москву для отдачи въ рекруты по мірскому приговору и по указу графскому.

Какъ извѣстно, въ прежнее старое время эта мѣра частной администраціи примѣнялась, какъ со стороны обществъ, такъ и со стороны помѣщика, къ наиболѣе порочнымъ членамъ крестьянскаго общества и служила, такъ сказать, предохранительнымъ клапаномъ общественной безопасности и спокойствія. Разумѣется, наше примѣчаніе отнюдь не касается нравственной оцѣнки этой мѣры.

1767 годъ. Февраль 1. Цѣна ржи 2 руб. 80 коп. Овесъ 1 руб. 8 коп. Пшено 4 руб. 40 к. Крупа 2 руб. 60 коп. Горохъ 2 р. 60 коп. Конопляное сѣмя 2 руб. 60 коп. четверть.

1768 годъ. Май. По указу *ихъ сіятельствъ* брали съ дѣвокъ (оброкъ) пряжей: съ 18 до 20 лѣтъ 3 фунта, съ д. 20 до 25 лѣтъ 5 фунтовъ, съ 25 до 30 лѣтъ по 10 фунтовъ или деньги, за каждый фунтъ 20 копѣекъ.

1768 годъ. Мартъ 27. По смерти графини Варвары Алексѣевны по духовному ея завѣщанію отказано было село Павлово дочери ея Аннѣ Петровнѣ, которая была просватана за господина Панина, и Павлово отошло бы въ приданое, то графъ въ сыновнину вотчину, наше село Иваново, велѣлъ вывести слесарныхъ мастеровъ 6 семей, коихъ въ Павловѣ много; но по власти Божіей, графиня Анна Петровна, сосватанная, скончалась, и оныя семьи возвращены обратно въ Павлово.

Здѣсь говорится о генералѣ - аншефѣ, оберъ - камергерѣ императора Петра III, графѣ Петрѣ Борисовичѣ Шереметовѣ, умершемъ въ 1788 году. Село Павлово находится въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи и славится фабрикаціей стальныхъ издѣлій.

1774 годъ. Ноябрь 21. Нашли убитыхъ у кабака: Ивана Лоскутова и Михаила Нефедова, а кѣмъ убиты, неизвѣстно.

Убійства и грабежи случались въ Ивановѣ довольно часто и, не ослабѣвая, продолжались до болѣе позднѣйшихъ годовъ, что и вынудило Ива-

новцевъ сформировать собственную полицію изъ коренныхъ жителей села и дать имъ, по возможности, правильную организацію, съ чѣмъ мы познакомимся изъ послѣдующихъ выписей. Учрежденіе изъ своей среды охранителей порядка нельзя не отмѣтить, какъ явленіе, вытекавшее изъ желанія *обособить* жизнь своего родного гнѣзда и *упорядочить* ее безъ вмѣшательства и вліянія *чуждыхъ пришельцевъ*, которыхъ, кстати сказать, коренные Ивановцы и донынѣ называютъ *„натёками"*.

1775 годъ. Августа 21. Выгорѣло село Иваново *отъ Якова Сорычева*(?) Сгорѣло домовъ съ 400, а именно: сгорѣли улицы *Широкая*, *Кабацкая*, двѣ площади: большая и малая, двѣ голявы(?)—тожъ большая и малая; улицы: *Московская*, *Прислониха*, *Панская* и *Пахотная* за оврагомъ, *Посикуша* и ряды и многія лавки съ товаромъ, и два кабака; людей лишилось жизни 3 человѣка женскаго пола. Сгорѣла и часть овиновъ съ хлѣбными стогами и часть кузницъ, *приказная изба со всѣми дѣлами*; наипаче всего (здѣсь слово «наипаче» употреблено, какъ выраженіе сильнѣйшаго сожалѣнія) двѣ церкви: первая, деревянная «Воздвиженіе Честнаго Креста» съ придѣломъ «Іоанна Богослова», а вторая, каменная «Рождества Христова», съ придѣломъ «Парасковеи», нареченной «Пятницы»; только сгорѣли главы и верхъ, а въ ней (т. е. въ церкви), Божіей милостію, осталось сохранно; а въ колокольнѣ сгорѣли полы, колокола попадали и растопились; а церковь «Воздвиженія» стояла 73 года: была построена послѣ большаго пожара, бывшаго въ 1699 г.

Жестокія стихійныя бѣдствія, словно воинствующія полчища темной и злой силы, то и дѣло становились на пути нравственнаго и экономическаго развитія Ивановцевъ и причиняли имъ такіе громадные ущербы, которые для людей иного жизненнаго склада могли бы быть неотразимыми ударами рока, кладущаго свою огненную печать разрушенія на все созданное тяжкими усиліями людей, и такимъ образомъ убивающаго не только видимыя послѣдствія труда, но и отравляющаго источники, питавшіе этотъ трудъ: силу и энергію. Но въ глазахъ Ивановцевъ того времени эти бѣдствія были не болѣе какъ испытаніе Божіе, какъ отеческое наказаніе согрѣшившему сыну, который долженъ исправиться, вѣрить въ милосердіе Господа и опять работать въ потѣ лица своего. Сколько энергіи, вѣры и терпѣнія явили намъ здѣсь наши предки, эти гиганты труда, завоевавшіе себѣ то блаженное состояніе, которое давало имъ и „сапоги на ногѣ и перстень на руку".

1776 годъ. Генваря 31. Покупали муку пшеничную по 53 коп., а ржаную по 33 копѣйки пудъ.

1776 годъ. Въ Мартѣ. Стараніемъ Дмитрія Кокина привезенъ изъ Московской домовой канцеляріи указъ, что погорѣлыя лавочныя

мѣста и всей площади сборъ отдать на церковь, а не владѣть никому изъ крестьянъ.

Эта запись свидѣтельствуетъ, что указъ домовой графской канцеляріи былъ выданъ согласно желанію крестьянъ села Иванова и по ихъ собственному почину. Эта черта общественнаго настроенія Ивановцевъ, первой заботой которыхъ послѣ страшнаго пожара 1775 года было возстановленіе сгорѣвшаго храма, указываетъ на ту душевную силу, съ помощью которой простыя деревушки дѣлаются Русскими Манчестерами. При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ Ивановцевъ принадлежали къ такъ называемой *старой вѣрѣ*; но этотъ религіозный туманъ не имѣлъ никакого вліянія на частныя и общественныя дѣла Ивановскихъ крестьянъ и годъ отъ году терялъ свое слабое для Ивановцевъ значеніе.

1778 годъ. Май. Покупалась ржаная мука по 18 коп. пудъ, а пшеничную покупали по 35 копѣекъ пудъ.

1781 годъ. Августъ 20. Учинился пожаръ отъ *варенія красокъ* у Михаила Иванова Полушина въ улицѣ *Мастерской*, отчего сгорѣло домовъ съ десять.

Эта запись представляетъ большую цѣнность для будущаго изслѣдователя начала кустарныхъ производствъ въ Россіи. Она показываетъ, что ситцевая фабрикація въ селѣ Ивановѣ существуетъ не менѣе 150 лѣтъ: въ 1781 году, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, въ Ивановѣ *варили краски* и существовала цѣлая улица, носящая названіе „Мастерской“, которая не могла явиться съ быстротою дождевого гриба, а формировалась десятками лѣтъ. „Составы“ или, такъ называемые „секреты“ красокъ Ивановцы принесли изъ Шлиссельбурга, гдѣ на ситцевыхъ фабрикахъ они работали въ качествѣ простыхъ рабочихъ.

1781 годъ. Маія 27. Было заложеніе церкви «Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня» съ придѣлами «Іоанна Богослова» и «Николая Чудотворца». Бутъ бутить (начали). А рядили скласть цѣною 2800 рублей. Еще обѣщали сто рублей прибавить.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія свѣдѣніе о цѣнѣ на каменныя работы того времени. Жаль, что настоящее сообщеніе слишкомъ кратко.

1781 годъ. Іюня 20. Учинился пожаръ днемъ, во время *фабричной* гулянки, въ пятомъ часу за полдень въ улицѣ «Негорѣлой»; сгорѣло до 48 домовъ.

Въ теченіе 28 лѣтъ (1753—1781) улица „Негорѣлая“ горитъ три раза и теряетъ въ сложности 204 дома. Гулянка, во время которой произошелъ пожаръ, названа „*фабричной*“. Это выраженіе подтверждаетъ наше замѣча-

ніе о давности начала ситцеваго производства въ селѣ Ивановѣ. *Ткацкія фабрики были чуть ли не послѣдствіями ситценабивнаго производства и явились какъ извѣстный результатъ экономическаго расчета.*

1781 годъ. Іюня 28. Еще второй пожаръ случился чрезъ семь дней: загорѣлось за «Широкой» улицей, въ «Линіи», въ домѣ Семена Сорычева и метало (искры) въ разныя мѣста, и выгорѣло улицъ до девяти или 10-ти, домовъ сгорѣло до 260 или болѣе, въ (одинъ) день.

1793 годъ. Іюня 10. Случился пожаръ въ Воскресенье, въ Погорѣлочную гулянку, отъ Дмитрія Голованова, который жилъ въ улицѣ «Линіи», и сгорѣло съ полъ-села или болѣе, до 500 домовъ. Прошло срединою села до Ямановскаго завода.

Погорѣлочная гулянка получила свое названіе отъ мельницы Погорѣлки, вблизи которой и устраивались сельскія гулянья. Пожаръ начался въ „линіи", т. е. въ томъ ряду домовъ, который не получилъ оффиціальнаго названія, дѣлающаго его „улицей". Хотя между Ивановцами слово „Линія" допускалось какъ названіе улицы, но это дѣлалось исключительно для достиженія болѣе пояснительнаго указанія. Упоминаемый въ этой „записи" Ямановскій заводъ принадлежалъ богатѣйшему ситцевому фабриканту того времени, крестьянину Ямановскому, богатство котораго создало среди Ивановцевъ сравнительное выраженіе: „Богатъ, какъ толстый Яманъ!" Этотъ „толстый Яманъ" имѣлъ своихъ собственныхъ *крѣпостныхъ* людей. Такое прибавленіе новыхъ петель къ Гордіеву узлу составляло въ Ивановѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, очень обыкновенное явленіе, не порождавшее никакой аномаліи въ отношеніяхъ между дворяниномъ-помѣщикомъ и его полугосподами-крестьянами. Въ доказательство дѣйствительнаго существованія „купли" въ свою собственность крестьянами крестьянъ приведу здѣсь изъ той же памятной книги моего отца двѣ семейныя записи, не предназначенныя для печати: „1818 годъ Февраль 28, на 1-е Марта, въ ночи, скончалась *купленная мною* въ 1815 году женщина Катерина Александрова".—1821 года. Августа 23, скончалась старушка, моя няня Матрена Назарьевна, *купленная наша*; *схоронена въ бору*, подлѣ отца моего". Купившій Матрену Назарьевну въ няни къ отцу моему дѣдъ мой Филиппъ Ивановичъ Полушинъ принадлежалъ къ послѣдователямъ такъ называемаго „Спасова Согласія"; члены этого духовнаго общества имѣли въ Ивановѣ свое особое кладбище *въ бору*, гдѣ и хоронили своихъ усопшихъ собратій. Предокъ мой былъ, по выраженію того времени, „человѣкъ книжный" и пользовался общимъ уваженіемъ крестьянъ какъ за свою „начитанность", такъ и за строгій образъ жизни. По смерти отца моего осталась весьма цѣнная библіотека, состоявшая изъ 2000 томовъ различныхъ книгъ, между которыми были толстые фоліанты духовнаго содержанія, писанные *отъ доски до доски* рукою моего дѣда.

1809 годъ. Сентября 12. Строена *работная. Перестраивана.*

„Работной“ называлось зданіе, въ которомъ работали ситецъ. Предки мои были ситцевые фабриканты; а отецъ мой, кромѣ ситцевой фабрики, имѣлъ еще и химическій заводъ. Какъ *перестройка* работной въ 1809 году, такъ и свидѣтельство „записи“ 1781 года о „вареніи красокъ Михаиломъ Ивановымъ Полушинымъ“ указываютъ, что въ мануфактурномъ развитіи села Иванова фамилія Полушиныхъ принимала дѣятельное участіе въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ. Въ настоящее время представителемъ фабричной дѣятельности нашей фамиліи является племянникъ мой И. М. Полушинъ.

1810 годъ. Былъ прикащикъ (т. е. былъ приказникомъ или управляющимъ с. Иванова) Николай Родіоновъ; выборный—Иванъ Бабуринъ; полицеймейстеръ—Дмитрій Полушинъ; помощникъ (полицеймейстера) Варлаамъ Бубновъ.

Этотъ списокъ властей Ивановской крѣпостной администраціи подтверждаетъ наше мнѣніе о крайнемъ отвращеніи Ивановцевъ къ тѣмъ чуждымъ имъ пришельцамъ, которые были бы не прочь наградить коренныхъ жителей своимъ вмѣшательствомъ въ ихъ общественныя дѣла. Хотя изъ послѣдующихъ записей мы и увидимъ въ должностяхъ прикащиковъ или управляющихъ Ивановской вотчиной людей, не принадлежавшихъ къ коренному составу мѣстнаго населенія и не связанныхъ своими интересами, въ смыслѣ общности промышленныхъ стремленій, съ экономическимъ развитіемъ села; но это нисколько не помѣшало Ивановцамъ ввести для необходимаго равновѣсія въ административное управленіе вотчиной и свой родной элементъ, ежегодно составляемый изъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ своей энергіей и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Всѣ данныя, касающіяся самоуправленія крестьянъ села Иванова мы относимъ къ весьма важнымъ свѣдѣніямъ, стоящимъ на ряду съ крупными, выдающимися лѣтописными фактами нашего отечества, а потому считаемъ себя обязанными прослѣдить всѣ измѣненія, почему либо появляющіяся въ административномъ устройствѣ крестьянъ села Иванова, которое въ данномъ случаѣ является чуть-ли не единственнымъ источникомъ, дающимъ цѣнные факты изъ жизни крѣпостныхъ крестьянъ.

1811 годъ. Сентябрь и Октябрь. Было солдатство (наборъ) со 125 (т. е. одинъ рекрутъ со 125 человѣкъ или 8 съ тысячи). И брали 2000 рублей за квитанцію деньгами.

1812 годъ. Апрѣль и Май. Было солдатство съ 250 (т. е. 4 человѣка съ тысячи), въ которое, въ первый разъ въ моей жизни, отданы очередные: Федосей Шаровъ и прочіе.

„Очередныхъ“ лицъ Ивановцы оберегали и по возможности отдаляли отъ нихъ исполненіе роковой участи, замѣняя ихъ во время набора дру-

гими лицами, ранѣе намѣченными обществомъ. Такой порядокъ мы видимъ изъ записи 1767 года, Января 26.

1812 годъ. Былъ прикащикъ *его благородіе* Лазарь Мокеичъ Серебряковъ; выборный—Алексѣй Постниковъ; полицеймейстеръ—Иванъ Усовъ; помощникъ—Назаръ Кокинъ.

Видимое здѣсь измѣненіе въ управленіи селомъ Ивановымъ произошло по распоряженію Московской конторы графа Шереметева. Назначеніе Серебрякова управлять общественными дѣлами не могло быть особенно пріятно Ивановцамъ, привыкшимъ видѣть въ должности прикащика кого-либо *изъ своихъ*; но, покоряясь этому распоряженію, они все-таки сохранили за собой право выбора на всѣ остальныя должности, которыя и замѣстили своими выборными изъ крестьянъ.

1813 годъ. Былъ прикащикомъ Иванъ Иванычъ *Нѣмецъ*; выборнымъ—Василій Иванычъ Кубасовъ; полицеймейстеромъ—Михаилъ Григорьевичъ Полушинъ; помощникомъ—Петръ Васильевичъ Бурылинъ.

Назначенный графской конторой управляющій Серебряковъ что-то не поладилъ съ выборными и былъ вскорѣ уволенъ отъ должности, которую занималъ не болѣе года. На его мѣсто контора назначила какого-то Нѣмца Ивана Ивановича, фамилія коего такъ и осталась неизвѣстной. Нельзя не замѣтить, что въ дѣлахъ общественнаго управленія Ивановцы ежегодно мѣняли своихъ выборныхъ. Такое частое обновленіе состава выборныхъ не имѣетъ никакого отношенія къ критической оцѣнкѣ ихъ дѣятельности, а является только исполненіемъ разъ на всегда принятаго плана, сущность котораго есть результатъ слѣдующаго соображенія. Выбирая на общественныя должности лицъ, имѣющихъ свои значительныя торговыя и фабричныя дѣла, не должно удерживать ихъ на общественной службѣ *болѣе одного года*, въ рѣдкихъ случаяхъ *двухъ лѣтъ*, дабы не повредить ихъ фабричной дѣятельности, требующей, какъ извѣстно, личнаго внимательнаго участія самого фабриканта. Только при соблюденіи этого разумнаго условія составъ выборныхъ на общественной службѣ Иванова и могъ являть собой строго подобранный рядъ честныхъ, энергичныхъ и самостоятельныхъ дѣятелей, охотно идущихъ на непродолжительную службу. Упоминаемые въ этой записи выборные: Кубасовъ, Полушинъ и Бурылинъ имѣли въ Ивановѣ свои ситцевыя фабрики. „Кубасовскіе ситцы“ были извѣстны и въ Москвѣ и занимали въ свое время такое же почетное положеніе, какое имѣетъ нынѣ *пунцовый товаръ* Баранова.

1813 годъ. Ноябрь. Было солдатство съ 242 душъ-рекрутъ, а сдавали лошадьми: 4, 5 и 6 лошадей за рекрута; 4 лошади 2 аршина, 2 вершка; вторыя—2 аршина, 1 вершокъ, а третьи—2 аршина (т. е. число лошадей, замѣняющихъ рекрута, было опредѣлено сообразно ихъ

извѣстному достоинству). А на покупъ сихъ лошадей брали деньги: съ *одинцовъ и двойниковъ*, и съ меня взяли 500 рублей. Абрамъ Полушинъ.

1815 годъ. Складена церковь у Покрова въ оградѣ, на мѣстѣ деревянной, перенесенной на кладбище иждивеніемъ Ивана и Ермолая Гандуриныхъ. (Оба Ивановскіе жители).

1815 годъ. Выбранъ (А. Ф. Полушинъ) отъ вотчины для покупки квитанцій (рекрутскихъ), которыя и покупались по 3500 рублей и по 4000 и болѣе.

1815 годъ. Ноябрь. Былъ (я) *отдатчикомъ* рекрутъ; отдавалъ (сдавалъ) бывшее въ это время солдатство съ пяти сотъ по рекруту, и въ тоже время (т. е. въ этотъ же наборъ) было солдатство *уравнительное*: первая треть вмѣсто возвратившагося ополченія, бывшаго (въ) 1812 г.

1815 годъ. Куплена мною земля у Константина Дунаева рядомъ съ нашей за 425 рублей. Еще пошлинъ отдано 21 руб. 25 коп.

Въ настоящей „записи“ не показано количество купленной земли, почему и нельзя опредѣлить существовавшую тогда цѣнность земельныхъ участковъ. Дальнѣйшія записи удостовѣряютъ, что цѣны на землю въ селѣ Ивановѣ, не смотря на его экономическое развитіе, были не высокія. Причину тому должно искать въ томъ положеніи Ивановцевъ, которое, не смотря на сравнительную свободу дѣйствій, не могло не порождать нѣкоторыхъ опасеній. Какъ бы ни были плодотворны по своему существу стремленія Ивановцевъ, но безъ личной и имущественной свободы дѣятелей эти стремленія, какъ заключенныя въ извѣстномъ кругу, за черту котораго можно было переноситься только мыслію, не могли развиться до своего естественнаго роста.

1816 годъ. Складены каменныя лавки или гостинный дворъ противъ церкви Рождества Христова.

1816 годъ. Іюня 29. Утонулъ мальчикъ Ѳедоръ у Петра Аѳонасьевича Зубкова (т. е. сынъ Петра Аѳонасьевича Зубкова) семи лѣтъ у мельницы Погорѣлки, однако, Божію милостію, откачали.

Этотъ мальчикъ Ѳедоръ, возвращенный къ жизни самымъ первобытнымъ способомъ, былъ впослѣдствіи извѣстнѣйшимъ ситцевымъ фабрикантомъ въ Россіи. Вмѣстѣ съ отличнымъ знаніемъ своего мануфактурнаго дѣла, поставленнаго имъ, благодаря умѣлому сношенію съ иностранцами, на высшую степень развитія, Ѳедоръ Петровичъ Зубковъ отличался высокими гуманными чувствами, примѣрной честностію и такимъ свѣтлымъ и широ-

кимъ умомъ, что могъ бы занять непослѣднее мѣсто въ ряду замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ настоящее время ситцевая фабрика, устроенная Ѳ. П. Зубковымъ, принадлежитъ его внукамъ.

1816 годъ. Мая 10. Строенъ сарай и перестроена задняя изба цѣною за 110 рублей; еще прибавлено 20 руб.

Плотничьи работы всегда цѣнились въ Ивановѣ очень дорого, и приводимыя въ „записи“ цифры за постройку обыкновеннаго крестьянскаго сарая и поправку избы, гдѣ помѣщались фабричные рабочіе, достаточно говорятъ о цѣнности плотничьихъ работъ. Собственно въ Ивановѣ плотниковъ не было, и Ивановцы этого ремесла не знали; плотничьи артели приходили на заработки изъ Покровскаго уѣзда и частію изъ г. Плёса, Костромской губерніи. Хотя въ указанное время въ селѣ Ивановѣ уже существовали частныя каменныя постройки, но Ивановцы приступали къ нимъ весьма недовѣрчиво и не только свои дома, но и фабрики строили деревянныя. Имѣя въ виду одну желанную цѣль—выкупиться на волю, Ивановскіе фабриканты опасались, чтобы построенные ими каменные дома и фабрики не усложнили давно задуманнаго дѣла, что впослѣдствіи частію и оправдалось.

1816 годъ. Іюля съ 2-е на 3-е число. Въ ночи выгорѣло село Писцово: сгорѣло 426 домовъ. Еще того же лѣта и того же Іюля 24 дня, то-есть чрезъ 21 день (отъ перваго пожара) выгорѣло оставшее, да дровъ около 100 (саженъ). Сгорѣли: Тюринъ и Рыскинъ, за коими у меня денегъ болѣе 10,000 рублей.

Сосѣдство такого мануфактурнаго и промышленнаго центра, какъ Иваново, не могло не имѣть благотворнаго въ экономическомъ отношеніи вліянія на тѣ мѣстности, которыя составляютъ линію губернской границы. Города: Кинешма, Нерехта, и села: Писцово, Лежнево, Середа, Вичуга, Михалково и многія другія вошли такъ или иначе въ сферу экономическихъ интересовъ Иванова; а потому пожаръ села Писцова, равно какъ и другіе пожары пограничныхъ съ Ивановомъ селъ должны быть разсматриваемы, какъ причины, имѣвшія вліяніе на развитіе ситцеваго производства нашего края.

1816 годъ. Ноябрь и Декабрь. Было доимочное солдатство, послѣднія двѣ трети (смотри «запись» 1815 г. Ноябрь) вмѣсто возвратившагося ополченія, бывшаго въ 1812 году, кто какъ пожелаетъ: ставить людьми или деньгами (платить) по двѣ тысячи за рекрута. *Ивановскіе вся* (т. е. всѣ Ивановскіе жители) *отдали деньгами.*

„Запись“ эта даетъ намъ замѣчательное свидѣтельство о той плотной сомкнутости въ одинъ строго охраняемый кружокъ богатыхъ и бѣдныхъ членовъ крестьянскаго общества села Иванова. Надо помнить, что не одни *богатые* крестьяне должны были ставить рекрутъ, но и *бѣдные*, для которыхъ

2000 рублей, платимыхъ вмѣсто рекрута, составляли такую внушительную сумму, что они не смѣли и помышлять о ней. Съ другой стороны нельзя допустить, чтобы всѣ безъ исключенія Ивановскіе жители были богачи, и каждый изъ нихъ, не прибѣгая къ помощи другого, могъ располагать тысячами рублей, не стѣсняя своего собственнаго экономическаго положенія. Ивановцы составляли изъ себя такое тѣсно-сплоченное общество, которое, по извѣстнымъ причинамъ, не желало терять ни одной своей, даже самой ничтожной, лишь бы не явно порочной, единицы, доколѣ эта единица сама собой не оставляла своего мѣста. Весьма желательно, чтобы сообщаемый этой „записью" фактъ обратилъ на себя вниманіе такихъ знатоковъ политико-экономической жизни нашего народа, какъ достойнѣйшіе писатели наши К. П. Побѣдоносцевъ и И. И. Янжулъ.

1817 годъ. Іюля 30. Въ первый разъ ѣздилъ я въ Макарьевскую ярмарку, которая переведена отъ Макарья въ Нижній-Новгородъ, *по сю сторону Оки*, на Стрѣлкѣ, по причинѣ сгорѣвшаго у Макарья гостиннаго двора въ прошломъ 1816 году, послѣ ярмарки, въ Августѣ мѣсяцѣ, неизвѣстно отчего.

Хотя въ „записяхъ" и нѣтъ прямого указанія времени, когда Ивановскіе фабриканты стали ѣздить съ своими товарами на ярмарки, но по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что ярмарочная торговля, какъ вѣрнѣйшее средство къ болѣе быстрому развитію фабричной дѣятельности, была у Ивановцевъ въ числѣ мѣръ, стоящихъ на первомъ планѣ. Мнѣ извѣстно изъ разсказовъ старожиловъ, что задолго до 1817 года ситцевые фабриканты села Иванова ходили *пѣшкомъ* на нѣкоторыя ближайшія сельскія ярмарки, при чемъ свой товаръ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кусковъ выработаннаго ими ситца, *везли сами въ ручныхъ телѣжкахъ.* Въ 1817 году Ивановскіе фабриканты не только имѣли значительную торговлю съ Москвой и ѣздили на ярмарки въ Ростовъ и Нижній-Новгородъ, но посѣщали и такія дальнія окраины, какъ Симбирская губернія, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись, не вошедшая въ хронологическій порядокъ статьи: „1817 г., Мая съ 5-го на 6-е Василій Антоновъ Грачевъ (ситцевый фабрикантъ села Иванова) кончилъ свою жизнь дорогою въ Корсунь". Ярмарка въ Корсунѣ (Симбирской губерніи) бываетъ съ 10-го по 25 Мая. Сопоставляя эти числа съ числами „записи" о смерти Грачева, видимъ, что послѣдній имѣлъ цѣлью своей поѣздки Корсуньскую ярмарку.

1817 годъ. Заведена здѣсь сельская полиція управляющимъ Гофманомъ, состоящая изъ полицеймейстера, брантмейстера надъ пожарными инструментами, двоихъ частныхъ (приставовъ) и восьми человѣкъ квартальныхъ; первые четверо—благородные, а послѣдніе восемь отставные солдаты.

Это нововведеніе, придуманное управляющимъ Гофманомъ, отстраняло коренныхъ Ивановцевъ отъ личнаго участія въ полицейскомъ управленіи

селомъ Ивановымъ и вносило въ ихъ общественную жизнь не совсѣмъ сродный имъ городской характеръ. Насаждая эти сѣмена на крестьянской почвѣ и желая окультивировать ее полицейскими формами, управляющій Гофманъ нарядилъ, по разсказамъ старыхъ людей, всѣхъ новыхъ полицейскихъ чиновъ въ *треугольныя шляпы* и вооружилъ ихъ *шпагами*, что̀ окончательно поставило мѣстное населеніе въ крайне-враждебное отношеніе къ полицейскимъ властямъ и такъ обострило ихъ неизбѣжныя сношенія, что вскорѣ послѣ сформированія новой полиціи нашли одного *квартальнаго* убитымъ и посаженнымъ *въ своей полной формѣ и со шпагою въ рукѣ* на уличной лавочкѣ его квартиры. Общее неудовольствіе росло все болѣе и болѣе, и наконецъ, послѣ 1820 года, вынудило кого слѣдуетъ упразднить весь составъ полиціи и назначить въ селѣ Ивановѣ постоянную квартиру становаго пристава.

1818 годъ. Февраля 28. Куплена мною «заварка» на рѣкѣ «Уводи», близъ мельницы Погорѣлки, у Михайла Родіонова Мякотина, цѣною за 50 рублей, которую я на томъ же мѣстѣ сдѣлалъ совсѣмъ новую въ Маѣ мѣсяцѣ.

„Заваркой“ называлось, да и теперь называется, фабричное зданіе, въ которомъ находились котлы (нынѣ, при общемъ употребленіи пара, замѣненные деревянными ваннами) для *заваривані*я ситцевъ въ крапѣ или гарансинѣ, что̀, какъ извѣстно, даетъ наложеннымъ на миткаль краскамъ прочность, т. е. несмываемость. Этой записью доказывается, что Ивановскіе фабриканты въ самомъ началѣ своего ситцеваго производства работали преимущественно *заварной* товаръ. Съ примѣненіемъ къ ситцевому производству пара многія фабрики сократили выработку *заварнаго* товара и стали производить болѣе *запарной* ситецъ, не имѣющій прочности красокъ, за то дающій фабриканту огромную экономію въ производствѣ. Этотъ *линючій* товаръ, отличаясь отъ *заварного*, т. е. *нелинючаго*, дешевизной своего производства и яркостью колеровъ, принесъ Ивановскимъ фабрикантамъ большія матеріальныя выгоды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на столько поколебалъ довѣріе къ доброкачественности мѣстныхъ мануфактурныхъ издѣлій, что даже до настоящаго времени Ивановскіе ситцы пользуются весьма сомнительной репутаціей, хотя современное ситцевое производство Иванова-Вознесенска заслуживаетъ лучшаго отношенія.

1818 годъ. Мартъ. Куплены мною домъ и земля послѣ покойнаго дяди моего Василія Ивановича Полушина цѣною за четыре тысячи рублей. (Домъ находится) близъ церкви «Рождества Христова».

Покупки Ивановскими крестьянами домовъ и земель оказались впослѣдствіи весьма крупными экономическими ошибками: при послѣдующихъ выкупахъ на свободу Ивановскіе крестьяне должны были вторично платить графской конторѣ за свои дома, какъ пріобрѣтенные за наличныя деньги у

другихъ крестьянъ, такъ и за выстроенные на свои средства; въ противномъ случаѣ сказанные дома и земли отбирались при выкупѣ и передавались въ пользу вотчины. Такимъ образомъ крестьянинъ выходилъ на волю безъ всякой недвижимой собственности. Благодаря этому порядку, мой отецъ оставилъ въ пользу общества свою ситценабивную каменную фабрику и двухъэтажный домъ, тоже каменный, съ большимъ количествомъ земли и множествомъ надворныхъ построекъ. Но нѣтъ худа безъ добра. Безземельные, но свободные крестьяне кинулись покупать земли въ деревнѣ Иконниковой и въ пустоши Дмитріевской, гдѣ построили себѣ новые дома и фабрики. Такимъ образомъ положено было основаніе посаду Вознесенскому и слободѣ Дмитровкѣ, вошедшей въ составъ послѣдняго.

1818 годъ. Май. Съ 10-го на 11-е въ полночь, случился пожаръ: выгорѣла улица за оврагомъ, къ заводу Ямановскаго, называемая «Новая», сгорѣло 13 дворовъ; которую (т. е. улицу) первую *по указу выстроили*: по два двора въ рядъ и проулокъ (съ проулкомъ) въ 12 саженъ.

Частые и опустошительные пожары въ селѣ Ивановѣ вынудили контору графа Шереметева выработать обязательныя строительныя правила, которыя и были объявлены Ивановцамъ особымъ „указомъ". Но эта предохранительная мѣра мало помогла дѣлу, и Иваново продолжало часто горѣть.

1818 годъ. Мая. Выгорѣло село, Середа называемое, осталось дворовъ . . . . .

„Запись" не окончена. Село Середа (Костромской губ.) постоянно находилось въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ Ивановымъ, хотя и не имѣло большого значенія для производительности послѣдняго. Но никакъ не должно забывать, что всѣ лежащія окрестъ Иванова села, деревни и деревушки были тѣ маленькіе ручейки, которые, впадая въ одинъ общій бассейнъ, увеличивали его разливъ и, благодаря этому избытку, въ свою очередь питались его водами и даже сами дѣлались многоводными и обильными рѣками. Доказательствомъ сего могутъ служить села: Писцево, Лежнево, Кохма, Вичуга и другія.

1818 годъ. Май. Построена деревянная работная (фабрика) и нарублены сушила (зданіе для просушки и провѣтриванія ситца).

1818 годъ. Май и Іюнь. Былъ я выбранъ повѣрять ревизію (ревизскія сказки) съ товарищемъ Семеномъ Ѳедоровымъ Черновымъ.

Ревизія была въ 1811 году. Число жителей села Иванова не превышало 3.000 человѣкъ; въ 60-хъ годахъ доходило до 6.000, въ настоящее время въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ числится осѣдлыхъ жителей около 12.000 человѣкъ. Пришлыя рабочія силы, наполняющія Иваново и его окрестности, въ извѣстность не приведены.

1818 годъ. Августъ. Отведено кладбище старообрядцамъ, а именно: «покрещиванцамъ» и «Спасову Согласію» въ рядъ со старымъ кладбищемъ (и новому)—ширины 20, длины 30 саженъ; того же время (въ тоже время) и обрыто канавой.

Среди ситцевыхъ фабрикантовъ Иванова было нѣсколько семействъ, принадлежавшихъ къ различнымъ религіознымъ толкамъ; но и они всѣ вскорѣ примкнули къ „единовѣрію" и построили въ Ивановѣ единовѣрческую церковь, о чемъ будетъ сказано далѣе. Что же касается до „покрещиванцевъ", то эта секта находила себѣ послѣдователей только среди мелкихъ торговцевъ и фабричныхъ рабочихъ. Весьма важныя свѣдѣнія о раскольникахъ села Иванова были собраны и обработаны мѣстнымъ священникомъ Покровской церкви о. Василіемъ Былинскимъ, давно уже умершимъ. Этотъ почтенный и высокоуважаемый пастырь хотѣлъ напечатать свои изслѣдованія, но, кажется, не успѣлъ.

1819 годъ. Апрѣля 29. Принялись класть каменную работную (фабрику): длиною 21 аршинъ, ширины 10½ аршинъ (приписка). Склали того же лѣта.

1819 годъ. Іюнь 7. Выгорѣло село Писцово; сгорѣло домовъ до 150. Выгорѣли: Рыскинъ Александръ Михаиловичъ и Тюринъ, а Флягина отстояли. Еще чрезъ 12 дней, т. е. Іюня же 20-го, выгорѣло (Писцово) въ другой разъ и сгорѣло не менѣе перваго.

Рыскинъ, Тюринъ и Флягинъ были, такъ сказать, послѣдователями ситцевыхъ фабрикантовъ Иванова и обильно пользовались какъ нравственною, такъ и матеріальною поддержкою послѣднихъ. Замѣчательная взаимная помощь въ фабричномъ дѣлѣ и искреннее отношеніе другъ къ другу были, можно сказать, первыми, строго исполняемыми правилами нравственнаго кодекса старинныхъ Ивановцевъ. Взаимное довѣріе доходило до поражающей простоты, что̀ однако никому не помѣшало сохранить его во всей чистотѣ до самой смерти носителей этого качества. Благодаря такому нравственному настроенію среди зажиточныхъ Ивановцевъ, село Писцово быстро поправилось послѣ своихъ пожаровъ и опять возстановило свое промышленное значеніе.

1819 годъ. Іюля 11. Заложена колокольня на кладбищѣ. И складена (въ) 1820. Кирпича ушло 180 тысячь; за клажу (за работу) съ тысячи 12 рублей; кирпичъ покупали 26 рублей (тысяча), известь 50 коп. пудъ.

1819 годъ. Сентябрь Въ первыхъ числахъ выбранъ въ выборные или судьи Михаилъ Ивановичъ Ямановскій, въ помощники Меѳодію Ивановичу Гарелину, (приписка) и смѣнился 29-го Генваря 1820 года.

1819 годъ. Октября 20. Выбранъ я въ сборщики или сборные старосты сбирать рекрутскія деньги за отданныхъ въ рекруты *уличныхъ людей* по 800 руб. за каждаго.

Вѣроятно, подъ названіемъ „уличныхъ людей“ должно разумѣть различный, праздно-шатающійся сбродъ, которымъ замѣняли во время набора рекрутовъ, слѣдуемыхъ съ осѣдлыхъ семействъ. Семьи, освобожденныя такимъ образомъ отъ рекрутскаго набора, платили вотчинѣ по 800 рублей за рекрута. Этотъ сборъ предназначался въ пользу уличныхъ людей, отданныхъ въ солдаты, что̀ прямо указывается словами „записи“: „рекрутскія деньги“. Записи 1767 года, Января 26-го и 1812 года, Апрѣля и Мая, подтверждаютъ сущность нашего примѣчанія.

1819 годъ. Декабря 22. Пріѣхалъ въ наше село управляющій, его высокородіе, статскій совѣтникъ Андрей Алексѣевичъ Савичъ и вступилъ въ должность 23-го сего мѣсяца.

1820 годъ. Январь и Февраль. Покупалась ржаная мука 1 руб. 20 к. и 1 руб. 30 коп. пудъ; пшеничная—2 руб. пудъ; дрова—5 руб. 50 к. сажень (три аршина) сосновыя, а березовыя—8 рублей (ассигн.).

Въ настоящее время березовыя дрова въ Ивановѣ-Вознесенскѣ продаются не дороже 5 р. 50 к. сажень, между тѣмъ какъ потребленіе ихъ сравнительно съ 1820 годомъ возросло на сотни процентовъ; но это экономическое положеніе построено на крайне-непрочномъ фундаментѣ: безпощадная вырубка окрестныхъ рощъ и лѣсовъ даетъ возможность создавать обильные приливы лѣсного матеріала и тѣмъ поддерживать низкій уровень его цѣнъ; но, само собой разумѣется, что такое, вызванное искусственными мѣрами, явленіе долго продолжаться не можетъ, и Ивановскимъ фабрикантамъ должно позаботиться о скорѣйшей замѣнѣ деревяннаго топлива торфомъ или углемъ.

1820 годъ. Октябрь. Отмѣнена здѣсь полиція, а вмѣсто оной выбраны полицеймейстеръ и помощникъ: Михаилъ Ефимовъ Опаринъ и Михаилъ Ефимовъ Гарелинъ.

Это желательное для крестьянъ села Иванова возвращеніе къ старымъ порядкамъ слѣдуетъ приписать личной волѣ гуманнаго и незабвеннаго по своимъ высокимъ душевнымъ достоинствамъ владѣльца села, графа Д. Н. Шереметева, вступившаго въ этомъ году въ фактическое владѣніе своими имѣніями, находившимися до 1820 года по случаю несовершеннолѣтія графа, въ опекунскомъ управленіи, что̀ свидѣтельствуется слѣдующей записью моего отца, помѣщенной почти рядомъ съ записью объ отмѣнѣ полиціи: „*1820 г. Февраль 3. Его сіятельство, графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ вышелъ изъ-подъ опеки и вступилъ въ родительское наслѣдственное имѣніе*“.

1821 годъ. Были: управляющій тотъ же Савичъ, выборный Иванъ Ивановъ Бабуринъ, сборный староста *Акилей* Степановъ Удинъ, полицеймейстеръ Иванъ Михайловъ Ямановскій, помощникъ Діодоръ Андреевичъ Бурылинъ.

Съ любовію останавливаемся на фамиліи послѣдняго лица. Никто съ такою готовностью не посвящалъ себя на общественное служеніе, какъ Д. А. Бурылинъ, и никто такъ строго не относился къ своимъ дѣйствіямъ, какъ этотъ кроткій, честный и незлобивый человѣкъ. Устроенная имъ ситцевая фабрика существуетъ и теперь; она принадлежитъ его внуку и считается въ числѣ образцовыхъ.

1821 годъ. Февраля 14. Сегодняшній день переведенъ здѣсь, въ селѣ Ивановѣ, торгъ съ Воскресенья на Понедѣльникъ стараніемъ здѣшнихъ жителей, а наипаче Алексѣя Евдокимовича Постникова.

Перемѣна дней торга не вызывалась какими-либо комерческими разсчетами, а имѣла чисто-нравственный религіозный характеръ. Позднѣе Ивановцы имѣли уже два торга въ недѣлю: въ Понедѣльникъ и Четвергъ; въ эти базарные дни въ Иваново привозили изъ окрестныхъ селъ и деревень различнаго рода продукты и товары, начиная съ дровъ и миткаля и кончая деревянными ложками и чашками. Денежные обороты Ивановскихъ базаровъ усиливались съ каждымъ годомъ и доходили до полумилліоннаго итога въ каждый базарный день. Въ настоящее время эти торги значительно утратили свою силу: дрова, пряжа и миткаль вышли изъ рыночнаго круга; первые стали пріобрѣтаться крупными покупками лѣсныхъ дачъ, а вторые, пряжа и миткаль, доставляются по заказу прямо на фабрики, минуя базары.

1822 годъ. Мая 10. Въ полдень сгорѣло село Михалково все; осталось только три дома, а сгорѣло домовъ до 60. Ко всеобщему сожалѣнію *стопилась* (сгорѣла) церковь и колокольня (сгорѣла); колокола растопились, а изъ церкви ничего не вынесли (не спасли), ибо въ ней сперва загорѣлось, но по какой причинѣ, того неизвѣстно.

Село Михалково упоминается въ примѣчаніи къ записи отъ 2—3-го Іюля 1816 года.

1823 годъ. Февраль. Съ 4-го на 5-е въ ночи случилось похищеніе изъ церкви «Покрова Пресвятой Богородицы», вновь выстроенной Гандуринымъ: *влѣзено* въ окно отъ западной стороны выломанъ кругъ въ срединѣ рѣшетки и ободраны двѣ иконы: Казанская и Смоленская Божія Матерь, на коихъ было жемчугу до 2½ фунтовъ и (много) драгоцѣнныхъ камней, всего на 50,000 рублей, и разломана у старосты, (которымъ) въ то время былъ Яковъ Куваевъ, *казенка* (т. е. денежный и свѣчный ящикъ, или конторка) и похищено денегъ 50 рублей.

Въ тоже время, т. е. 5-го числа, поутру и взять (арестованъ) по сомнѣнію (недоразумѣнію въ кражѣ) проживающій здѣсь села Писцова плотникъ Иванъ Петровъ Хохловъ съ товарищемъ Васильемъ Вихоревымъ, который (т. е. Вихоревъ) 10-го числа сего мѣсяца сознался (въ кражѣ) и отвелъ (слѣдователя, понятыхъ и священниковъ) на мѣсто, гдѣ (были) спрятаны похищенныя вещи, зарытыя въ снѣгу по Писцовской дорогѣ, недалеко отъ Иванова; а 11-го числа сознался и Хохловъ (позднѣйшая приписка). Оба преступника того же года, Октября 3-го наказаны здѣсь на площади: Хохлову (дано) 60, а Вихореву 50 ударовъ кнутомъ, и оба клеймены и сосланы въ Сибирь.

Объ этомъ происшествіи сохранилось слѣдующее преданіе. Когда арестованный Вихоревъ лежалъ на койкѣ въ арестантской комнатѣ сельскаго правленія, въ это время раздался заунывный звонъ большого колокола Покровской церкви, въ которой совершено было похищеніе. Звонъ этотъ производился по распоряженію настоятеля храма и имѣлъ своею цѣлью собрать всѣхъ жителей села для объявленія имъ прискорбнаго событія; медленные удары колокола, вызывавшіе заунывный звонъ, произвели на преступника сильное впечатлѣніе: онъ началъ трястись всѣмъ тѣломъ и *похолодѣлъ*, лихорадочная дрожь перешла въ конвульсивныя судороги; его начало подбрасывать на койкѣ съ такою силой, что присутствовавшіе при этомъ пришли въ ужасъ. Это явленіе заставило повторять заунывн ый звонъ каждое утро, Вихоревъ не выдержалъ, горько заплакалъ и сознался во всемъ.

1824 годъ. Апрѣль. По приказу его сіятельства графа, смѣненъ управляющій г. Савичъ, а на мѣсто его избранъ изъ своихъ крестьянъ Меѳодій Ивановичъ Гарелинъ.

Назначеніе того или другаго лица управлять селомъ Ивановымъ замѣнено съ 1824 года *выборами*, предоставленными крестьянскому обществу. Эта система просуществовала до 1832 года, за тѣмъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, стала подвергаться измѣненіямъ и наконецъ создала *борьбу партій*, образовавшихся послѣ *выхода на волю* тѣхъ Ивановскихъ крестьянъ, которые вмѣстѣ со своимъ матеріальнымъ значеніемъ составляли и нравственную силу общества.

1824 годъ. Въ семъ году платилъ я оброку съ восьми тяглъ, съ каждаго по 55 рублей—всего 440 рублей.

Въ этомъ году въ семействѣ моего отца было только два члена обязанныхъ платить оброчный налогъ; а именно: отецъ мой и сынъ его Маркелъ 14 лѣтъ, которые составляли два оброчныя тягла; между тѣмъ изъ настоящей записи видимъ, что эти два лица обязаны были заплатить восемь тяглъ оброку, т.-е. не 110 рублей въ годъ, какъ бы слѣдовало по нормѣ постояннаго оклада, а 440 рублей. Такое отступленіе отъ опредѣленной цифры несли на себѣ только одни ситцевые фабриканты села. Сопоставляя сумму оброка, платимаго въ 1824 году Ивановскимъ фабрикантомъ-крестья-

виномъ, съ тѣми суммами гильдейскихъ повинностей по 3-му разряду, которыя уплачивалъ правительству вышедшій на свободу тотъ же Ивановскій фабрикантъ, мы увидимъ, что отъ происходившей въ семъ случаѣ разницы, добровольно принимаемой на себя правительствомъ въ продолженіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ (1824—1884), государственная казна потеряла не одинъ десятокъ милліоновъ рублей.

1824 годъ. Іюль. Складенъ мною каменный, двухъэтажный домъ въ улицѣ «Негорѣлой», на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ старый родительскій домъ.

Этотъ домъ сгорѣлъ въ большой пожаръ 1839 года; выстроенный же вмѣсто него новый домъ остался впослѣдствіи въ пользу вотчины безъ всякаго со стороны послѣдней вознагражденія владѣльцу (См. примѣчаніе къ выписи 1818 года, Марта мѣсяца). Крестьяне села Иванова, выкупаясь на волю, выговаривали себѣ право владѣть своимъ недвижимымъ имѣніемъ извѣстное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ имущество это должно быть продано графскимъ крестьянамъ. Подходило ли это условіе къ дому отца моего, построенному *послѣ выхода на свободу*, судить не берусь; но только отецъ мой послѣ пожара 1839 года выѣхалъ изъ Иванова и поселился въ слободѣ Дмитровкѣ, гдѣ и выстроилъ вновь и домъ, и фабрику.

1824 годъ. Ивановскіе фабриканты заплатили пошлину за свои фабрики, которая (пошлина) стоила по 1460 рублей (каждому фабриканту). Не всѣ (заплатили), а только человѣкъ 40, а послѣдніе, человѣкъ 150, работали, не заплатя ничего, *ибо строгость ослабла* (позднѣйшая приписка), а (въ) 1825 году вышло гильдейское дополнительное постановленіе.

Интересъ и значеніе этой записи не маловажны. Она даетъ ясное представленіе о тѣхъ же правительственныхъ мѣрахъ, которыя въ былое время, благодаря пропускамъ и недомолвкамъ, обильно украшающимъ торговый и фабричный уставъ, то и дѣло падали въ видѣ неожиданныхъ аэролитовъ на головы торговцевъ и фабрикантовъ. Впрочемъ, послѣдніе и не признавали эти, ничѣмъ не мотивированные, наскоки Департамента Мануфактуръ и Торговли за мѣры, установленныя закономъ, а прямо называли ихъ „строгостями", имѣющими чуть ли не карательное значеніе. Только въ 1824 году правительство обратило свое вниманіе на ситцевыхъ фабрикантовъ села Иванова и поспѣшило, уразумѣвъ свои ошибки, сорвать съ нихъ торговыя и фабричныя пошлины за нѣсколько прошедшихъ лѣтъ; но и это, неузаконенное обычнымъ порядкомъ, пополненіе государственнаго бюджета новою статьей прихода было совершено съ такою видимой распущенностью, что изъ общаго числа Ивановскихъ фабрикантовъ *три четверти* не заплатили никакихъ пошлинъ, „ибо строгость ослабла". Вышедшее въ 1825 году *дополнительное постановленіе* о гильдейскихъ пошлинахъ, о чемъ упоминается въ настоящей записи, было вызвано тѣмъ исключительнымъ случаемъ,

который здѣсь свидѣтельствуется. Благодаря этой же записи, устанавливается свѣдѣніе о числѣ ситцевыхъ фабрикъ въ селѣ Ивановѣ: въ 1824 году ихъ было 190. Теперь мы можемъ себѣ представить, какая громадная промышленная сила клубилась и развивалась въ этомъ крѣпостномъ крестьянскомъ гнѣздѣ, пріютившемся за дремучими Муромскими лѣсами, на темной узкой полоскѣ воды, именуемой рѣчкой Уводью.

1825 годъ. Былъ управляющій Неѳодій Ивановичъ Горелинъ, выборный—Абрамъ Филиппов Полушинъ; полицеймейстеръ или дозорный—Иванъ Дмитревъ Козыревъ; его помощникъ—Вонифатъ Фирсовъ Конопляниковъ; сборный староста—Василій Алексѣевъ Напалковъ; расходный—Василій Петровъ Дурденевскій. Управляющій Горелинъ съ 1-го Февраля былъ въ отлучкѣ, послѣ хворалъ и померъ Іюня 1-го въ Москвѣ, а управлялъ (вотчиной) одинъ выборный Полушинъ (авторъ настоящихъ записокъ) по 6-е Іюля, а съ того числа поступилъ въ управляющіе, вмѣсто Горелина, Яковъ Якимовъ Куваевъ.

1825 годъ. Съ весны стали расписывать живописью въ церкви у Покрова Пресвятой Богородицы; поряжены за 14.000 рублей, села Тейкова, Тимоѳей и Епифанъ Медвѣдевы.

Братья Медвѣдевы были довольно талантливые художники - самоучки; церковная и портретная живопись была ихъ любимымъ дѣломъ и давала имъ хорошій заработокъ. Въ массѣ портретовъ, исполненныхъ этими художниками, встрѣчаются произведенія, безусловно говорящія о крупномъ, хотя и не разработанномъ, талантѣ. Къ числу такихъ удачныхъ работъ можно причислить портретъ моего отца, рисованный однимъ изъ братьевъ Медвѣдевыхъ.

1826 годъ. Августъ. Началъ я строить заводъ для дѣланія матеріаловъ, а особливо (въ особенности) купороснаго масла на купленной сего года у Михаила Дурнова землѣ, лежащей близъ Вардинскаго протока (позднѣйшая приписка), на постройку котораго (завода) и производство получилъ я «указъ» Московскаго Горнаго Правленія въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1827 года.

Существованіе этого завода было непродолжительно, такъ какъ усиливавшееся годъ отъ году производство на ситцевой фабрикѣ моего отца отвлекало его вниманіе отъ этого предпріятія; но оно, все-таки, успѣло принести хорошій плодъ для всѣхъ ситцевыхъ фабрикантовъ села Иванова: слѣдуя примѣру моего отца, въ Ивановѣ появилось множество химиковъ-самоучекъ, изъ которыхъ многіе даже до позднѣйшаго времени снабжали своими матеріалами ситцевыя фабрики села и, такимъ образомъ, нажили себѣ хорошія состоянія. Популярнѣйшими изъ этихъ доморощенныхъ химиковъ было двое: *Горевъ и Николай Зосимычъ* (фамиліи послѣдняго не помню); перваго изъ нихъ отецъ мой величалъ въ честь Бальзаковскаго героя „старикомъ Горіо“. Позднѣе Московскій купецъ В. А. Лепешкинъ устроилъ въ

селѣ Ивановѣ (на Дмитровкѣ) большой химическій заводъ, существующій и до настоящаго времени.

1827 годъ. Въ семъ году платилъ я съ десяти тяглъ оброку, съ каждаго по 55 рублей, всего 550 рублей.

Число оброчныхъ тяглъ, платимыхъ моимъ отцомъ, увеличивалось, по свидѣтельству записей, слѣдующимъ порядкомъ: въ 1814 г. платилось оброку 2 тягла; въ 1817 г.—3 тягла; въ 1819 году—5 тяглъ; въ 1824 г.—8 тяглъ и въ 1827 г.—10 тяглъ. Этотъ порядокъ, близкій къ систематической точности, даетъ приблизительное понятіе о развитіи матеріальнаго достатка даннаго лица, такъ какъ никакія другія причины не служили основаніемъ видимыхъ здѣсь числовыхъ разницъ. Это опредѣленіе подкрѣпляется примѣчаніемъ къ выписи 1824 года и тѣми семейными записями отъ 1814 года по 1827 годъ, по свидѣтельству которыхъ число членовъ семьи моего отца, подлежащихъ оброчной повинности, было во весь этотъ періодъ времени одно и тоже. Разумѣется, эта система повышенія оброчныхъ повинностей была примѣняема и къ другимъ лицамъ по мѣрѣ видимой доходности ихъ дѣла.

1827 годъ. Выпустилъ на волю его сіятельство графъ Дмитрій Николаевичъ шурина моего Савву Кирилловича Шомова *перваго*; потомъ семей пять Юхотскихъ(?).

Подчеркнутое нами слово „перваго" означаетъ, что С. К. Шомовъ былъ первый по числу изъ Ивановскихъ крестьянъ, получившихъ свободу; за нимъ послѣдовалъ длинный рядъ Ивановскихъ фабрикантовъ. Періодъ времени отъ 1827 года по 1839 годъ можно назвать „періодомъ освобожденія". Въ эти 12 лѣтъ вышли изъ крѣпостной зависимости 34 семьи самыхъ крупныхъ Ивановскихъ фабрикантовъ. Выкупная сумма не превышала 20,000 р. съ семьи и въ большинствѣ случаевъ была значительно ниже этой цифры. Принимая въ соображеніе крупные денежные капиталы освобожденныхъ лицъ и ихъ громадное значеніе для экономическаго роста с. Иванова, мы видимъ, что та или другая величина выкупной суммы не имѣла въ данномъ случаѣ никакого уравнительнаго значенія и не только не составляла съ этой стороны *причину дѣйствія,* но прямо противорѣчила этой причинѣ. Фактъ крупный и небывалый въ исторіи крѣпостного права!

1827 годъ. Сего года, въ Мартѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ, съ дозволенія его сіятельства графа, отданы на поселеніе 12 человѣкъ плутовъ и распутныхъ людей.

Всѣ болѣе или менѣе строгія мѣры, направленныя противъ злонамѣренныхъ нарушителей общественнаго спокойствія и порядка, возникали по иниціативѣ самого крестьянскаго общества, тщательно вырывавшаго плевелы изъ своего поля. Предоставляя частной и общественной жизни своихъ крестьянъ полную свободу дѣйствій, графъ Шереметевъ только контролировалъ эти дѣйствія, никогда не нарушая ихъ своеобразнаго теченія. Благодаря такой гуманнѣйшей системѣ управленія, ни разу не измѣняемой ни

однимъ членомъ этой владѣтельной семьи, мы видимъ, что ни одно изъ помѣщичьихъ имѣній того времени не проявляло столько разумной жизни и энергіи въ своемъ развитіи и самоуправленіи, сколько явили того и другого крѣпостные крестьяне графа Шереметева и не только въ одномъ селѣ Ивановѣ, но и во всѣхъ его многочисленныхъ вотчинахъ (См. „Село Павлово“, статья г. Безобразова, „Наблюдатель“ 1855 г.).

1828 годъ. Уволены на свободу его сіятельствомъ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ братья Горелины: Петръ и Никонъ Меѳодьевы. Дома ихъ и фабрики предоставлены имъ (на условіи) пользоваться на 25 лѣтъ, а по истеченіи оныхъ позволено имъ все недвижимое имѣніе продать графскимъ крестьянамъ.

Впослѣдствіи это условіе было уничтожено; по новому соглашенію, дома и фабрики братьевъ Гарелиныхъ перешли въ ихъ полное потомственное владѣніе. Сынъ упомянутаго въ записи Петра Меѳодьевича Гарелина Яковъ Петровичъ Гарелинъ служитъ въ настоящее время городскимъ головой города Иванова-Вознесенска и имѣетъ большую, хорошо устроенную ситцевую фабрику, которую сдаетъ въ аренду. Самъ же Я. П. Гарелинъ производствомъ ситцевъ давно не занимается. Съ грустію вычеркиваемъ изъ списка Ивановскихъ фабрикантовъ эту даровитую и развитую личность.

1829 годъ. Сентябрь. Стали у меня на заводѣ (химическомъ) дѣлать квасцы.

Весьма жаль, что въ „Памятной книгѣ“ моего отца не сказано, подъ чьимъ руководствомъ выработывались на его заводѣ химическіе матеріалы. Можно предположить, что это дѣло велось съ нѣкоторымъ знаніемъ, такъ какъ сохранившіяся у меня книги, въ которыя вписывалась продажа матеріаловъ, указываютъ, что требованія покупателей были довольно частыя и крупныя. Такое положеніе дѣла можетъ создаться выработкой вполнѣ доброкачественнаго продукта, не иначе.

1829 годъ. Въ семъ году былъ прикащикъ по Пасху Ларіонъ Степановичъ Удинъ; выборный—Иванъ Ивановичъ Борисовъ; сборный староста—Афанасій Куваевъ; расходный Никандръ Александровичъ Бабуринъ; а по увольненію ихъ графомъ на свободу, на мѣсто прикащика выбрали Ефима Алексѣевича Дурденевскаго; выборнаго—Григорія Ивановича Каменева; сборнаго старосты—Ивана Петрова Веденева; расходнаго—Льва Иванова Дурденевскаго.

Новый составъ выборныхъ уже не имѣлъ того вліянія и того значенія, какими пользовались въ своей крестьянской средѣ уволенныя на свободу лица; нравственный цензъ новыхъ правителей села Иванова былъ безупреченъ, и половина изъ нихъ занимала уже ранѣе общественныя должности, хотя и менѣе значительныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ мы видимъ ихъ теперь; но общественное мнѣніе крестьянъ, привыкшихъ видѣть во главѣ своего управленія такихъ вліятельныхъ капиталистовъ, какъ „Толстый

Ямань" или гостепріимный Гарелинъ, не могло разумно помириться съ этой перемѣной и допустило въ средѣ своей тѣ пререканія и раздоры, которые по выходѣ на свободу послѣднихъ крупныхъ членовъ крестьянскаго общества не замедлили создать ожесточенную борьбу партій.

1830 годъ. Генварь. Куплена мною земля *гумённая* близъ моего купороснаго завода, шириною 14, длиною 59 саженъ (между гумёнными же землями Евстратія Степанова Леонтьева и Трифона Михайлова Зубкова) села Иванова у крестьянской вдовы Анны Алексѣевой Мелузовой за сто рублей.

Въ „купляхъ" и „продажахъ" подобнаго рода продавалась или покупалась никакъ *не земля,* въ точномъ смыслѣ этого слова (ибо она составляла неотъемлемую собственность помѣщика), а здѣсь уступалось или пріобрѣталось одно *право* владѣнія землей, право неустойчивое и неограждённое отъ случайностей и личнаго произвола, а потому сказанная въ сей записи денежная сумма не можетъ служить мѣриломъ дѣйствительной цѣнности земель Ивановской вотчины.

1830 годъ. Цѣна муки ржаной—1 руб. 5 коп.; пшеничной—1 руб. 60 коп. Дрова березовыя—7 рублей, сосновыя—4 руб. 50 коп. за сажень.

Сравнивая настоящую запись съ записью такого же рода 1820 года, Января и Февраля мѣсяцевъ, мы увидимъ, что цѣна дровъ сосновыхъ и березовыхъ понизилась на одинъ рубль въ сажени. Причина этого пониженія объясняется примѣчаніемъ къ Январьской записи 1820 года.

1830 годъ. Съ 1825 года по 1827, то-есть два года, платилъ я въ казначейство за свидѣтельство (право производства и торговли) по третьему роду, за которое сходило по 200 рублей (см. примѣчаніе къ четвертой выписи 1824 года), а 1827, 1828, 1829 и 1830 года платилъ по второму роду, за которое (т. е. за каждое свидѣтельство) сходило въ годъ по 1040 рублей монетою.

Вотъ эти-то торговыя и промысловыя пошлины и составляли сущность того „дополнительнаго гильдейскаго постановленія" 1825 года, о которомъ говорится въ припискѣ къ записи 1824 года. Заключительное слово этой записи—„монетою" поясняетъ, что торговыя пошлины, вносимыя въ казначейство, платились металлическими деньгами, а не бумажками, что̀ тогда не составляло той денежной разницы, которая появилась при новомъ биржевомъ курсѣ, введенномъ въ общее употребленіе въ 1839 году.

1831 годъ. Въ 1830 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, записался я въ Петровское купечество, въ 3-ю гильдію. Петровскъ 22 версты отъ Ростова. А на 1831 годъ во вторую гильдію.

Причина, почему авторъ замѣтокъ не записался купцомъ своего уѣзднаго города Шуи, отстоящаго отъ Иванова всего въ 30 верстахъ, а предпочелъ внести гильдейскія пошлины въ заштатный городокъ Ярославской губерніи, объяснялаcь страхомъ, порождаемымъ праздничными набѣгами на

Ивановскихъ фабрикантовъ Шуйскихъ чиновниковъ и частыми городскими выборами. Набѣги Шуйскихъ чиновниковъ врѣзались и въ мою память: живо помню, какая тревога и бѣготня поднимались въ домѣ моего отца, когда въ Рождественскіе праздники или Пасху на дальной дорогѣ изъ Шуи на Дмитровку показывалась длинная вереница разнообразныхъ экипажей, нагруженныхъ секретарями, столоначальниками, писцами и тому подобными дѣятелями Шуйскихъ присутственныхъ мѣстъ! При видѣ этой орды Сперанскихъ, Успенскихъ, Приклонскихъ, идущихъ и ѣдущихъ поздравлять Ивановскихъ купцовъ съ праздникомъ, всѣ окна въ домѣ занавѣшивались, двери запирались, и повсюду наступала такая поразительная тишина, что слова дворника, возвѣщавшаго отсутствіе всѣхъ жильцовъ дома, можно было принять за чистую, откровенную истину. Тоже самое творилось въ эти дни во всѣхъ купеческихъ домахъ Иванова; но не всегда этотъ единственный для всѣхъ способъ защиты имѣлъ надлежащій успѣхъ: какая-нибудь хитрая уловка, коварно подпущенная зацѣпой-секретаремъ, обнаруживала обманъ, и тогда несчастный купецъ платился сторицею.

1831 годъ. На сей годъ были начальники здѣшней Ивановской вотчины: прикащикъ—Ефимъ Алексѣевичъ Дурденевскій, выборный—Иванъ Александровичъ Бабуринъ, сборный староста—Константинъ Дмитріевичъ Бурковъ; расходный—Серапіонъ Филипповъ Журавлевъ, полицеймейстеръ или дозорный—Андрей Иванычъ Янчиковъ; его помощникъ Иванъ Архипычъ Хоринъ; волостой выборный д. Рылихи—Борисъ Никифоровичъ Боровенковъ.

Въ настоящемъ составѣ выборныхъ мы видимъ новое лицо съ новымъ представительствомъ: это *депутатъ* деревни Рылихи Борисъ Никифоровичъ Боровенковъ, допущенный въ число членовъ Ивановскаго волостнаго правленія. Это нововведеніе указываетъ, что Ивановское общество нашло новый источникъ индивидуальныхъ силъ, могущій постепенно пополнять уменьшавшееся годъ отъ году число выборныхъ. Хотя эта разумная мѣра и не создала *образа* прошлаго правленія, но дала Ивановцамъ нѣкоторое *подобіе его* Такое положеніе дѣлъ общественнаго управленія сохранилось до 1837 года, затѣмъ окончательно поколебалось и вызвало тотъ нежелательный порядокъ дѣйствій, о которомъ я говорилъ въ примѣчаніи къ записи 1829 года.

1831 годъ. Апрѣль. Покупали муку пшеничную—2 руб. 50 коп.; ржаную—1 руб. 5 коп. за пудъ; овесъ—6 рублей четверть, 8 мѣръ; дрова сухія: березовыя—5 рублей, разнолѣсокъ, то-есть: сосновыя, еловыя и осиновыя—3 руб. за сажень, не только Апрѣль мѣсяцъ, но и Мартъ и Февраль.

1831 годъ. Май. Построена мною деревянная рабочая изба на землѣ Кокуйской (т. е. на участкѣ земли, входящей въ линію улицы, называемой «Кокуйской» или «Кокуй»).

Изъ настоящей записи мы усматриваемъ, что крестьяне, получившіе свободу, могли арендовать у волостнаго правленія землю и возводить на

ней постройки, что, разумѣется, отдаляло время ихъ выселенія, постепенность котораго была въ прямыхъ интересахъ экономическаго положенія с. Иванова.

1831 годъ. Іюль. Въ селѣ Тейковѣ, отстоящемъ отъ Иванова въ 30 верстахъ, свирѣпствовала болѣзнь, называемая «холера», которой померло въ 5 недѣль до 150 человѣкъ, а всѣхъ въ Тейковѣ жителей до 1000 человѣкъ. Недѣлей или двумя попозднѣе была таже болѣзнь въ городѣ Шуѣ, гдѣ померло тоже до 150 человѣкъ, а въ Августѣ была здѣсь, въ селѣ Ивановѣ; но, благодаря Всевышнему, очень слабо дѣйствовала, и всего померло не болѣе 30 человѣкъ. Смотрителями (санитарами) были изъ благородныхъ: Гаврило Андреичъ Иконниковъ, изъ купечества Николай Иванычъ Бояркинъ, купецъ Ростовскій. Жителей же въ Ивановѣ и съ посторонними считается до 10.000 человѣкъ.

Строгія мѣры предосторожности, принятыя Ивановскими жителями, сохранили ихъ отъ страшнаго несчастія. Масса фабричныхъ, никогда неотличающихся чистоплотностію, отсутствіе больницъ и всякой медицинской помощи, наконецъ паническій страхъ жителей—могли превратить этотъ полный жизни, богатый разсадникъ промышленности въ одну громадную скудельницу. Сравнительно ничтожное количество жертвъ, выхваченное холерой изъ 10,000 человѣкъ, составлявшихъ въ то время коренное и пришлое населеніе села, не могло имѣть сильнаго угнетающаго впечатлѣнія на Ивановцевъ, почему и не отразилось губительными для всего края остановками въ ходѣ мануфактурныхъ и торговыхъ дѣлъ. Умершихъ отъ холеры Ивановцы хоронили на особомъ, заблаговременно отведенномъ для сего случая кладбищѣ, о чемъ упоминается въ одной записи слѣдующаго содержанія: *„1831 годъ. Августа 22. Померъ отъ холеры Петръ Алексѣевичъ Поповъ, или Новожиловъ; похороненъ на новомъ кладбищѣ, а не тутъ, гдѣ хоронились умершіе отъ холеры, т. е. между „Новымъ кладбищемъ“ и „Старообрядскимъ“.*

1831 годъ. Въ 1831 году большой былъ неурожай травѣ и яровымъ хлѣбамъ, отчего кормъ скотины былъ очень дорогъ.

Этой записью объясняется причина тѣхъ высокихъ цѣнъ на овесъ и муку, которыя мы находимъ въ выписи отъ Апрѣля мѣсяца сего же 1831 года.

1832 годъ. Генварь. Продавали муку ржаную—1 руб. 20 коп.; пшеничную, несѣянную—2 руб. 25 коп.; крупу—1 руб. 50 коп., говядину—3 руб. за пудъ; овесъ—6 рубл. четверть, въ 8 мѣръ; дрова аршинныя березовыя—6 рублей; сосновыя и разныя—3 руб. сажень.

1833 годъ. Генварь. Продавалась мука ржаная—1 руб. 80 коп.; пшеничная—2 руб. 50 коп.; крупа—2 руб. 10 коп.; говядина—4 руб. за пудъ; овесъ—5 руб. четверть; дрова аршинныя березовыя—7 руб. 50 коп.; разнолѣсокъ—4 рубля 50 коп. сажень.

Развитіе мануфактурной промышленности, привлекая въ село Иваново массы рабочихъ силъ, разумѣется, служило главной и постоянной причиной повышенія цѣнъ на главные жизненные продукты, что мы и видимъ изъ сравненія „записей“ свидѣтельствующихъ о состояніи рыночныхъ цѣнъ за весьма продолжительное время (1766—1833 года и далѣе); но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ цѣны на дрова, вызываемыя ненормальной постановкой дровяного дѣла, о чемъ мы упоминали уже, равно и цѣны на пшеничную муку и говядину, имѣющихъ своими покупателями болѣе зажиточный классъ населенія, не могутъ служить такими вѣскими данными о движеніи народонаселенія края и о степени его благосостоянія, какъ рожь и крупа.

1833 годъ. Октябрь. Продавалась мука ржаная—2 руб. 80 коп.; пшеничная—2 руб. 80 коп.; крупа—2 руб. 70 коп за пудъ. Пшено—4 руб. 50 коп; овесъ новый—6 руб. 50 коп.; старый—8 руб. четверть.

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на то, что цѣны ржаной и пшеничной муки уравновѣсились безъ малѣйшей разницы, что, вѣроятно, было вызвано новымъ неурожаемъ ржи. Это предположеніе подкрѣпляется, какъ мы увидимъ далѣе, записью слѣдующаго 1834 года. Сказанное равновѣсіе цѣнъ не имѣло въ себѣ ничего утѣшительнаго, такъ какъ переложить потребленіе ржаной муки на пшеничную не представлялось возможнымъ въ виду ограниченнаго привоза послѣдней.

1834 годъ. Апрѣля и Маія. Продавалась здѣсь (въ Ивановѣ) и въ окружности ржаная мука *3 рубля 70 коп.* за пудъ.

1834 годъ. Декабрь. Продавалась ржаная мука—2 руб. 20 коп. пудъ.

1836 годъ. Въ Мартѣ. Здѣшнимъ жителемъ, Московскимъ купцомъ Иваномъ Александровымъ Бабуринымъ, выстроенъ мостъ своимъ коштомъ (т. е. своими денежными средствами) чрезъ рѣку Уводь, называемый «Соковъ», стоющій ему, Бабурину, до 15.000 рублей.

Въ простомъ народѣ существуетъ весьма распространенное преданіе, что постройка моста избавляетъ его строителя отъ посмертныхъ адскихъ мученій, если таковыя было бы суждено испытать ему. Какъ жаль, что такая утѣшительная награда не связана съ постройкой школы!

1836 годъ. Декабрь. Была цѣна мукѣ ржаной—1 руб. 10 коп. Овесъ—5 рублей четверть, 8 мѣръ.

1837 годъ. Мая 13-го. Въ 9-мъ часу утра его императорское высочество, великій князь Александръ Николаевичъ при путешествіи своемъ по Россіи соизволилъ удостоить своимъ посѣщеніемъ село Иваново; отслушавъ литургію въ Покровской церкви и осмотря фабрику Юрьевецкихъ купцовъ, братьевъ Петра и Никона Меѳодьевыхъ Горелиныхъ, въ 12 часовъ изволилъ отправиться въ путь, въ Кострому, чрезъ село Писцово и г. Нерехту.

Маршрутъ наслѣдника-цесаревича, намѣчавшій ему путь чрезъ сёла Иваново, Писцово и городъ Нерехту, доказываетъ, что уже въ то время вниманіе правительства было достаточно обращено какъ на самое село Иваново, такъ и на весь окружающій его раіонъ фабричной дѣятельности. Упоминаемая здѣсь ситцевая фабрика братьевъ Гарелиныхъ была въ то время среди всѣхъ Ивановскихъ фабрикъ самой обширнѣйшей по количеству своего производства и самой лучшей по качеству издѣлій; впослѣдствіи это завидное первенство она уступила фабрикѣ Зубкова и другихъ.

1838 годъ. Съ 1-го Генваря указомъ учреждены по два въ уѣздѣ становые пристава изъ дворянъ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ первый станъ (назначенъ) въ с. Васильевскомъ, а 2-й въ Ивановѣ, и при нихъ учреждены канцеляріи, и всѣ дѣла поступили въ ихъ вѣдомство, а они ужъ должны относиться въ городъ (Шую) въ Земскій Судъ. Въ каждомъ станѣ назначены къ становому приставу въ помощники *тысячники*, выбираемые изъ крестьянъ. Въ Ивановѣ избранъ къ сей должности Никита Никитинъ Шаваевъ, а становой приставъ—Константинъ Иванычъ Бальмонтъ.

Назначеніе становыхъ приставовъ не уничтожило тѣхъ сельскихъ полицейскихъ должностей, которыя мы видимъ въ каждомъ составѣ выборныхъ. Должности дозорнаго или полицеймейстера и его помощника не были упразднены до 1842 года и исправлялись, какъ и въ прежніе года, выборными изъ крестьянъ; дальнѣйшее существованіе этого порядка намъ неизвѣстно, такъ какъ записи о выборахъ кончаются 1843 годомъ.

Первые по времени становые пристава села Иванова сидѣли на своихъ мѣстахъ *домо* и *крѣпко*; но затѣмъ, когда понятіе о такомъ „золотомъ днѣ", какъ Иваново, получило, гдѣ слѣдуетъ, надлежащее опредѣленіе, тогда *смѣна* становыхъ приставовъ получила характеръ какой-то періодической неустойчивости, напоминающей прилёты и отлёты жаворонковъ. Разумѣется, кромѣ этой, такъ сказать, господствующей, причины, здѣсь было немало и другихъ болѣе уважительныхъ.

1838 годъ. Генварь. Продавалась мука ржаная—1 руб. 25 коп.; крупа—1 руб. 90 к. пудъ; дрова березовыя—9 руб.; разнолѣсокъ—5 рублей сажень.

1838 годъ. Мартъ. Покупалась мука ржаная—1 руб. 25 коп.; крупа—2 руб. 80 коп.; масло льняное—9 рублей пудъ. Дрова березовыя аршинныя—9 рублей; разнолѣсныя—6 руб. сажень.

1838 годъ. Съ 31-го Марта на 1-е Апрѣля въ полночь сгорѣли лавки около ограды, построенныя лицомъ къ потоку, всего 48, и пригорѣло въ нихъ много муки и бакалейныхъ товаровъ; загорѣлось въ лавкѣ Ульяны Васильевой Мякотиной.

Въ теченіе 85 лѣтъ (1753—1838 г.) въ селѣ Ивановѣ было 19 пожаровъ, истребившихъ кромѣ церквей, лавокъ, фабрикъ и другихъ зданій, а равно и движимаго имущества, 1501 домъ. Громадный пожаръ 1839 года, уничтожившій почти все село Иваново, о чемъ будетъ сказано далѣе, не вошелъ въ этотъ итогъ. Чтобы имѣть достаточное понятіе о той гигантской борьбѣ съ роковыми случайностями, которая выпала на долю піонеровъ фабричнаго дѣла въ с. Ивановѣ, нужно вспомнить, что въ указанный періодъ времени, кромѣ гибельныхъ по своимъ послѣдствіямъ пожаровъ, Ивановскій фабрикантъ вынесъ на своихъ плечахъ восемь тяжелыхъ рекрутскихъ наборовъ, ополченіе 1812 года, сильный неурожай 1831 года, строгія карантинныя мѣры въ томъ же году по случаю появленія холеры, различныя денежныя лишенія при выкупѣ на свободу и такія же затраты капитала на покупку новыхъ *свободныхъ* земель, цѣнность которыхъ превышала 4000 рублей серебромъ за десятину.... Вотъ изъ какихъ жизненныхъ отмѣтокъ составился формуляръ стариннаго Ивановскаго фабриканта!

1838 годъ. Мая 19. Заложена старообрядческая, единовѣрческая церковь близъ села Иванова, возлѣ дороги, пролегающей отъ Иванова къ селу Николѣ-Талицамъ.

Позднѣе эта церковь обстроилась домами, которые своими улицами соединили ее съ селомъ Ивановымъ. Такимъ образомъ этотъ храмъ находится теперь въ чертѣ города. Главными строителями церкви были богатые ситцевые фабриканты Бурылинъ и Борисовъ, неоднократно упоминаемые въ настоящихъ записяхъ.

1839 годъ. Мартъ. Продавалась ржаная мука по 1 руб. 50 коп. за пудъ, дрова аршинныя березовыя по 8 рублей; разнолѣсокъ по 5 руб. 50 коп. сажень.

1839 годъ. Маія 13. Въ Субботу, во второмъ часу пополудни, въ селѣ Ивановѣ случился пожаръ: загорѣлось у Бакулина, живщаго въ *Поперечной* улицѣ отъ Поганаго пруда. Сгорѣли улицы: «Негорѣлая» и заднихъ улицъ пять, Покровскіе священники и со всѣмъ причтомъ (т. е. ихъ дома). Купеческихъ домовъ (сгорѣло): Матрены Ивановны Саладиной 3 дома, Афанасія и Ивана Яковлевыхъ Куваевыхъ, Виктора Алексѣевича Гречина, Афанасія Өедоровича Зубкова, нашъ Абрама Филиппова Полушина, фабричная свѣтелка Антона Ермолаевича Гандурина, домъ Петра Прохоровича Кокушкина, Ивана Аф. Сомова, Никона Мефод. Горелина, Константина Ефимовича Дурденевскаго, Ларіона Степановича Удина, Никандра Александровича Бабурина, Ивана Александровича Бабурина. У насъ (т. е. у Абрама Филипповича Полушина), у Горелина и Ивана Бабурина уцѣлѣли фабрики, у прочихъ же всѣ сгорѣли; жизни лишились 5 человѣкъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ началѣ записи пяти улицъ сгорѣли всѣ центральныя улицы правой стороны села со множествомъ ситцевыхъ фабрикъ.

Паника, произведенная этимъ пожаромъ, была настолько велика, что обезумѣвшій отъ страха народъ заставилъ священниковъ въ полномъ облаченіи съ пѣніемъ и хоругвями нести по пылавшимъ улицамъ села икону Божіей Матери, именуемую „Неопалимая Купина“. Жертвою этого пожара было болѣе 1000 домовъ и фабрикъ.

1839 годъ. Іюль. Постановлено указомъ быть единообразному курсу всей монеты; имперіалу 36 рубл. 5 коп., серебряному рублю, *цьлковому* и *мелкому* 3 руб. 50 коп., 10-ти золотому 5 руб. 25 коп.; 20-ти франковому—17 руб. 22 коп.. талеру Гишпан.—4 руб. 65 коп., піастру—4 руб. 67 коп., талеру Австрійскому—4 руб. 48 коп.

Указъ, устанавливавшій цѣнность звонкой монеты, былъ принятъ въ Ивановѣ съ величайшимъ вниманіемъ. Нечего и говорить, что знаніе установленнаго курса было необходимо для Ивановскихъ фабрикантовъ, привозившихъ съ Нижегородской ярмарки цѣлые мѣшки звонкой иностранной монеты, принимаемой ими до сказаннаго указа *по курсу взаимнаго соглашенія*, при чемъ различныя обстоятельства, неизбѣжныя въ каждомъ комерческомъ дѣлѣ, играли руководящую роль, часто гнетущую ту или другую сторону.

1840 годъ. Генварь. Мука ржаная продавалась 2 руб. 60 к.; крупа—3 руб. 30 к. пудъ; дрова березовыя—7 рублей; разнолѣсокъ—4 р. 50 к. сажень.

1840 годъ. Мартъ 21. Здѣсь, въ селѣ Ивановѣ трое молодыхъ мужчинъ: одинъ деревни Ясюнихи, второй деревни Калачева, третій села Иванова, наказаны кнутомъ по 50 ударовъ, заклеймены и сосланы за подорожный грабежъ около села Иванова.

1840 годъ. Іюль. Мука ржаная продавалась 3 руб. 40 коп. пудъ; крупа—4 руб. 50 коп.; пшено—6 руб. мѣра; масло льняное—11 руб. пудъ; овесъ—8 руб. 50 коп. четверть.

Увеличивавшійся годъ отъ году спросъ на ржаную муку въ связи съ недостатками урожая и монополіей хлѣбнаго дѣла на Ивановскомъ рынкѣ сильно подняли цѣну на этотъ необходимый продуктъ. Сопоставляя цѣны хлѣбнаго рынка за прошедшее пятилѣтіе, мы получимъ слѣдующія интересныя цифры: въ 1836 году цѣна на ржаную муку была 1 р. 10 к. пудъ, въ 1838 г. — 1 р. 25 к., въ 1839 въ Мартѣ — 1 р. 50 и въ Іюнѣ того же года 2 руб. пудъ; въ 1840 въ Январѣ 2 р. 60 к., въ Іюлѣ—3 руб. 40 коп. (См. записи сказанныхъ годовъ). Такимъ систематическимъ порядкомъ ржаная мука повысилась въ цѣнѣ въ продолженіе пяти лѣтъ на 2 р. 30 к. въ пудѣ, что составитъ около 180% на рубль. Таже степень повышенія и по тѣмъ же причинамъ замѣчается въ цѣнахъ на овесъ, пшено и крупу.

1841 годъ. Ноябрь. Мука ржаная здѣсь продавалась 2 р. 80 к.; крупа—3 руб. 40 коп. пудъ. Дрова березовыя—8 руб., разнолѣсокъ—5 руб. сажень.

Указанное сей записью пониженіе цѣнъ на ржаную муку и крупу не повело къ нормальнымъ границамъ рыночныхъ цѣнъ, а составило только еще бо́льшую видимость ихъ колебанія. Такое нежелательное состояніе рынка продолжалось до 1846 года, съ котораго рыночныя цѣны получили нѣкоторую устойчивость, не допускающую дальнѣйшаго повышенія.

1842 годъ. Мартъ. Мука ржаная продавалась по 3 руб. пудъ; крупа гречневая—4 р. пудъ; овесъ—10 руб. четверть; дрова березовыя—8 рублей, разнолѣсокъ—5 рублей сажень.

1845 годъ. Генварь. Продавалась мука ржаная 95 копѣекъ; крупа—1 р. 50 к. пудъ. Дрова березовыя—12 рублей, разнолѣсокъ—8 руб. сажень. Овесъ 5 руб. четверть.

1846 годъ. Генварь. Продавались дрова 14-ти вершковыя березовыя 8 рублей, разнолѣсокъ—6 руб. ассигн. сажень; овесъ—6 руб. 25 коп. четверть—8 мѣръ; сѣно—65 коп. пудъ; мука ржаная—1 р. 20 коп. пудъ ассиг.

1849 годъ. Складена церковь въ слободѣ Вознесенской (составляющей нынѣ лучшую и болѣе благоустроенную часть города Иваново-Вознесенска) иждивеніемъ и стараніемъ Петровскаго купца Петра Афанасьевича Зубкова, Московскихъ (купцовъ) Ивана Александровича Бабурина и Василія Петровича Дурденевскаго.

1850 годъ. Октябрь 14. Въ шестомъ часу утра у моего сосѣда и двоюроднаго брата Петра Афанасьевича Зубкова случилось несчастіе: на его ситцевой фабрикѣ разорвало паровой котелъ въ 20 силъ, и паромъ у него обварило работающихъ тутъ людей 35 человѣкъ, изъ коихъ въ теченіе 12 часовъ померло 27 человѣкъ.

Этотъ величественный храмъ, созданный жертвами и трудами многихъ *свободныхъ* Ивановскихъ крестьянъ, долженъ служить для ихъ потомства символическимъ памятникомъ, составляющимъ грань прошедшаго и указывающимъ начало новой свѣтлой эры въ многотрудной жизни предковъ.

*

Послѣ этой записи, на той же страницѣ, гдѣ она находится, написано рукою моей матери слѣдующее: „1852 года, 13 Февраля, въ 11-мъ часу пополудни, скончался любезный супругъ мой Абрамъ Филиппповичъ Полушинъ“.

Н. А. Полушинъ.

ЧЕГО ДОСТИГЛИ И ЧЕГО ДОМОГАЮТСЯ ВПЕРЕДЪ ДОСТИГНУТЬ ФИНЛЯНДЦЫ ПО ПУТИ ОТПАДЕНІЯ ИХЪ ОТЪ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ [1])

Первый Гельсингфорскій сеймъ 1863 года.

Когда почва была такимъ образомъ подготовлена укрѣпленіемъ въ сознаніи Финляндцевъ ученія объ особомъ Финляндскомъ государствѣ со своими собственными основными законами, тогда было приступлено къ практическому осуществленію этого ученія. Въ 1861 году, съ высочайшаго разрѣшенія, было офиціально объявлено въ Финляндіи, что предположено созвать сеймъ по образцу Боргоскаго; но на самомъ дѣлѣ Финляндскіе руководители имѣли въ виду придать предположенному сейму полную конституціонную обрядность и закрѣпить за нимъ соотвѣтственныя права. Одинъ изъ чиновниковъ Финляндскаго Сената былъ отправленъ въ Швецію для изученія въ Шведскихъ архивахъ старыхъ сеймовыхъ актовъ и постановленій, чтобы знать, какъ слѣдуетъ поступать на предполагаемомъ Финляндскомъ сеймѣ, чтобы сдѣлать изъ него точную копію прежнихъ Шведскихъ риксдаговъ. Въ 1863 году, по распоряженію Сената, былъ обнародованъ въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго составленный на основаніи справокъ упомянутаго чиновника «Сводъ дѣйствующихъ постановленій и принятыхъ обычаевъ, имѣющихъ примѣненіе къ ландтагамъ въ Финляндіи». Въ этомъ сводѣ Форма правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 г. уже офиціально называются дѣйствующими основными законами Финляндіи, и даже прямо были указаны §§ 40—43 и 57 Формы правленія и § 5 Акта соединенія и охраненія, какъ постановленія, примѣнимыя къ Финляндскимъ сеймамъ [2]). Такимъ

---

[1]) См. выше стр. 147.

[2]) Въ § 40 Формы правленія постановлено, что король не можетъ издать новаго закона, ниже уничтожить стараго, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ. Въ § 41 сказано, что государственные чины не могутъ издать, либо отмѣнить, закона безъ воли и согласія короля. Въ §§ 42 и 43 установленъ порядокъ, которому долженъ слѣдовать король при предложеніи сейму новыхъ законовъ, а также сеймовые чины при предложеніи королю новаго закона (право предложенія было отнято отъ сейма Актомъ соеди-

образомъ Финляндскій Сенатъ собственною властью предрѣшалъ измѣненіе существовавшаго дотолѣ образа правленія въ Финляндіи. Согласно этому предрѣшенію, созванный въ томъ же 1863 году первый Гельсингфорскій сеймъ явился уже не совѣщательнымъ собраніемъ, какъ Боргоскій сеймъ 1809 г., а настоящимъ законодательнымъ. На его разсмотрѣніе предлагались отъ имени Императора законопроекты, и если онъ дѣлалъ въ нихъ какія-либо измѣненія или дополненія, то узаконенія эти издавались въ такомъ точно видѣ, какъ они были редактированы сеймомъ. Это правило соблюдалось съ тѣхъ поръ и при послѣдующихъ сеймахъ, а многія узаконенія начинались даже словами: «Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи, признали Мы за благо утвердить» и т. д. Только въ 1889 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе не употреблять этихъ столь неумѣстныхъ словъ во вступленіи къ законамъ, а замѣнить ихъ выраженіемъ: «по всеподданнѣйшему представленію земскихъ чиновъ». Сказанное коренное измѣненіе въ отношеніяхъ верховной власти къ одной изъ областей Русскаго государства явилось какъ бы само собою, не бывъ установлено никакимъ законодательнымъ актомъ, освященнымъ утвержденіемъ Монарха. Даже въ Сеймовомъ Уставѣ 1869 года, явившемся уже послѣ двухъ сеймовъ 1863 и 1867 гг., редакторы его рѣшились примѣнить требованіе о согласіи сословій только къ основнымъ законамъ и сословнымъ привилегіямъ (§ 71 Сеймоваго Устава), и то въ выраженіяхъ весьма уклончивыхъ и двусмысленныхъ, дающихъ поводъ къ двумъ различнымъ толкованіямъ.

Въ рѣчи, произнесенной Императоромъ при открытіи сейма 1863 года и редактированной, по словамъ Финляндскаго историка Берга, Финляндскимъ сенаторомъ Снельманомъ *), помѣщены были такія слова: «Plusieurs des stipulations *des lois fondamentales* du Grand-Duché ne sont plus applicables à l'état des choses survenu depuis sa réunion à l'Empire; d'autres manquent de clarté et de précision. Désirant remédier à ces imperfections, Mon intention est de faire élaborer un projet de loi qui contiendra des explications et des supplémens à ces stipu-

ненія 1789 г., но Финляндскій Сенатъ почелъ болѣе удобнымъ умолчать объ этомъ). Въ § 57 говорится о томъ, что въ случаѣ какой-нибудь неясности въ законѣ, слѣдуетъ поступать, какъ предписано относительно изданія новаго закона. Въ § 5 Акта соединенія сказано, что относительно назначенія податей на содержаніе государства Шведскій народъ имѣетъ неоспоримое право съ королемъ совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе.

*) См. книгу Берга „Наше управленіе и наши сеймы“, т. II, стр. 15. Для изложенія рѣчи правильнымъ Французскимъ стилемъ, Снельману былъ приданъ Русскій дипломатическій чиновникъ г. Гамбургеръ.

lations pour être soumis à l'examen des états lors de la prochaine diète, que Je pense convoquer dans trois ans. Et maintenant le principe monarchique constitutionnel inhérant aux moeurs du peuple finlandais et dont toutes ses lois et ses institutions portent le caractère, Je veux faire admettre dans ce projet un droit plus étendu que celui que possèdent déjà les états, quant au règlement de l'assiette des impôts, ainsi que le droit de motion qu'ils ont anciennement possédé, Me réservant toutefois celui de prendre l'initiative dans toutes les questions qui touchent au changement *de la loi fondamentale.* Въ этой рѣчи въ первый разъ отъ лица самой верховной власти признано существованіе *основныхъ законовъ* Финляндіи. Что же это за основные законы, о которыхъ здѣсь говорится? Въ теченіе 54 лѣтъ со времени завоеванія Финляндіи не было упоминанія ни о какихъ основныхъ ея законахъ; ибо Финляндія, какъ область, «состоящая въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской», не можетъ имѣть иныхъ основныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые установлены для всей Россіи*).

*) Для предупрежденія ложныхъ толкованій, слѣдуетъ упомянуть, что въ двухъ законодательныхъ актахъ въ царствованіе императора Николая I употреблено выраженіе „основныя постановленія сего края", именно: въ упомянутомъ выше манифестѣ 17 Марта 1826 г. объ учрежденіи Финляндскаго Статсъ-Секретаріата и въ высочайшемъ постановленіи 2 Іюня того же 1826 г. о приносимыхъ на высочайшее имя прошеніяхъ о помилованіи. Но изъ самаго содержанія этихъ актовъ видно, что подъ выраженіемъ „основныя постановленія сего края" разумѣются здѣсь не какіе-либо политическіе основные законы относящіеся къ государственному праву, въ родѣ Шведскихъ узаконеній 1772 и 1789 гг., а постановленія, изданныя или подтвержденныя для Финляндіи уже при Русскомъ владычествѣ, каковы прежде всего учрежденіе Правительствующаго Совѣта и Общее Уложеніе Швеціи 1734 года. Это видно, вопервыхъ, изъ того, что въ основныхъ Шведскихъ законахъ 1772 и 1789 годовъ власти короля не предоставлялось тѣхъ предметовъ, которые въ манифестѣ 17 Марта 1826 года отнесены къ непосредственному распоряженію Императора, „сообразно съ утвержденными (нами какъ тамъ сказано) коренными законами и основными постановленіями сего края". Было бы противно всякой логикѣ предполагать, что императоръ Николай ссылался на основные Шведскіе законы въ томъ самомъ актѣ, который находится въ полномъ противорѣчіи съ сими законами. Да и все учрежденіе Статсъ-Секретаріата, о которомъ говорится въ этомъ манифестѣ, было учрежденіемъ исходившимъ непосредственно отъ самодержавной воли Русскаго императора и не имѣвшимъ себѣ подобнаго въ Шведскомъ королевствѣ, а потому ссылка на основные Шведскіе законы не имѣла бы здѣсь смысла. Въ высочайшемъ постановленіи 2 Іюня 1826 года выраженіе „законы и основныя постановленія сего края" прямо относится къ учрежденію Правительствующаго Совѣта (тогда уже переименованнаго въ Сенатъ), какъ видно изъ всего содержанія этого постановленія. Одно уже то обстоятельство, что выраженіе „коренные законы и основныя постановленія сего края" употреблено въ актахъ, исходившихъ отъ императора Николая, достаточно свидѣтельствуетъ, что въ то время это вы-

Истина эта одинаково сознавалась какъ Русскимъ правительствомъ, такъ и населеніемъ Финляндіи, не помышлявшимъ въ теченіе двухъ царствованій ни о какихъ ограниченіяхъ правъ Самодержца того государства, въ составъ котораго Финляндія была включена по праву завоеванія. Упоминаніе въ императорской рѣчи объ этихъ таинственныхъ основныхъ законахъ, гдѣ-то дотолѣ скрывавшихся въ неизвѣстности и не признававшихся ни императоромъ Александромъ I-мъ, ни императоромъ Николаемъ, было только приготовительнымъ маневромъ со стороны редактора этой рѣчи къ тому, чтобы выдвинуть потомъ на сцену Шведскіе законы 1772 и 1789 гг. подъ видомъ законовъ, будто бы признанныхъ Александромъ I-мъ за основные для Финляндіи, и потомъ сдѣлать ихъ «plus applicables à l'état des choses» и придать имъ «plus de clarté et de précision», отсутствіемъ которыхъ они дѣйствительно страдаютъ въ высокой степени. Съ этого момента начинается уже положительное осуществленіе въ законодательствѣ и управленіи Финляндіи придуманнаго тамошними законовѣдами ученія о Финляндскомъ государствѣ съ его особыми основными законами. Затѣмъ въ рѣчи Императора обращаютъ на себя вниманіе слова: «Я желаю расширить въ этомъ проектѣ *принадлежащее уже сейму право* опредѣлять размѣръ налоговъ». До этого времени въ Финляндіи никакимъ закономъ не было установлено право сейма опредѣлять размѣръ нало-

---

раженіе не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ Шведскимъ конституціоннымъ узаконеніямъ, хотя противное сему силятся теперь доказать Финляндскіе законовѣды. Равнымъ образомъ и въ царствованіе Александра I-го въ нѣкоторыхъ манифестахъ и узаконеніяхъ встрѣчаются слова: „древнія установленія, странѣ сей свойственныя", и „коренные законы Финляндіи", напр., въ манифестѣ къ жителямъ Финляндіи отъ 5 Іюня 1808 года, въ грамотѣ 15 Марта 1809 года, въ высочайшей инструкціи Финляндской Комиссіи отъ 26 Октября 1811 года, и въ высочайшемъ постановленіи 24 Января 1812 года о представленіи кандидатовъ на судейскія должности. Изъ самаго содержанія этихъ документовъ явствуетъ, что подъ „древними установленіями и коренными законами" здѣсь разумѣлись издавна существовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ законы церковные, гражданскіе, уголовные и прочіе, вошедшіе въ Общее Шведское Уложеніе 1731 года и въ Церковный Уставъ, а отнюдь не Шведскія политическія узаконенія, извѣстныя подъ именемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія 1789 года. Въ этихъ двухъ законодательствахъ не только не было ничего древняго и кореннаго, но, напротивъ того, они, какъ мы видѣли, были новѣйшимъ и эфемернымъ порожденіемъ борьбы королевской власти со Шведскою олигархіей и испарились изъ Шведскаго законодательства въ самый годъ завоеванія Финляндіи Русскимъ оружіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ томъ же значеніи старинныхъ коренныхъ законовъ, а отнюдь не въ смыслѣ Шведскихъ политическихъ узаконеній конца 18-го вѣка, употреблено было и выраженіе „vos lois fondamentales" въ рѣчи императора Александра I-го при открытіи Боргоскаго сейма, что, впрочемъ, подтверждается всѣми дальнѣйшими дѣйствіями этого Государя.

говъ, и самое даже существованіе сеймовъ, какъ непремѣнныхъ органовъ законодательства, нигдѣ не узаконялось. Напротивъ того, какъ мы видѣли изъ регламента Правительствующаго Совѣта и изъ высочайшаго манифеста 17 Марта 1826 г., всѣ узаконенія и распоряженія о налогахъ, какъ и всѣ вообще законодательныя постановленія, исходили непосредственно отъ самодержавной власти Императора. Очевидно, это было скрыто отъ Императора, а редакторъ этой рѣчи, приписывая Финляндскому сейму право назначать налоги, выводилъ это право изъ Шведскихъ конституціонныхъ законовъ, какъ бы продолжавшихъ непрерывно дѣйствовать въ Финляндіи и послѣ 1809 г., но назвать прямо эти законы не рѣшался, вѣроятно изъ опасенія, что Императоръ можетъ потребовать для прочтенія самый текстъ ихъ. Что же касается до словъ рѣчи: «Я желаю ввести право предложенія законовъ, которымъ сеймъ пользовался прежде», то слѣдуетъ замѣтить, что въ эпоху присоединенія западной Финляндіи къ Россіи Шведскій сеймъ не пользовался уже правомъ непосредственнаго предложенія законовъ, такъ какъ это право было у него отнято Актомъ соединенія и охраненія (§ 6 Акта). Слѣдовательно, здѣсь редакторомъ рѣчи допущена двойная неправильность: кромѣ ссылки на старые Шведскіе законы, какъ бы на дѣйствующіе въ Финляндіи въ силу никогда несуществовавшаго признанія ихъ императоромъ Александромъ I-мъ, редакторъ ссылается на постановленіе Формы правленія, уничтоженное позднѣйшимъ закономъ—Актомъ соединенія. Во всякомъ случаѣ отождествлять импровизованный Финляндскій областной сеймъ, еще даже не имѣвшій при произнесеніи этой рѣчи никакого устава, съ риксдагомъ самостоятельнаго Шведскаго королевства и говорить, что Финляндскій сеймъ пользовался когда-то правомъ самостоятельныхъ предложеній—все это было весьма смѣлою перестановкою историческихъ фактовъ и перенесеніемъ правъ одного учрежденія на другое, имѣвшее съ нимъ только наружное сходство. Не менѣе грѣшатъ противъ исторической истины и тѣ слова рѣчи, гдѣ говорится, что принципъ конституціонной монархіи присущъ нравамъ Финляндскаго народа. Это можно было бы сказать только о Финляндскихъ Шведахъ, составлявшихъ всегда въ Финляндіи ничтожный процентъ населенія, въ видѣ высшаго класса, и жителей узкой прибрежной полосы вмѣстѣ съ островами. Но простой Финскій народъ не игралъ въ конституціонной жизни Швеціи никакой роли. Хотя Финляндія и пользовалась номинально одинаковыми политическими правами съ прочими частями Шведскаго королевства, но на самомъ дѣлѣ всегда была заднимъ дворомъ Швеціи и содержима, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ, вслѣдствіе рѣзкой племенной разницы обоихъ народовъ, низкаго культурнаго уровня Фин-

новъ, ихъ тогдашней бѣдности, дикости и даже самаго географическаго положенія ихъ страны, оторванной половину года отъ Швеціи непроходимыми льдами и снѣгами. Короли и принцы Шведскіе по цѣлымъ столѣтіямъ не показывались въ Финляндіи. Природные Финны не имѣли участія въ высшемъ управленіи королевствомъ и не получали высшихъ должностей въ войскѣ; они рѣдко даже производились въ офицерскіе чины. Въ самой Финляндіи всѣ сколько-нибудь значительныя должности ввѣрялись исключительно Шведамъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія Финляндцы ходатайствовали предъ Шведскимъ риксдагомъ о томъ, чтобы на должности въ Финляндіи опредѣлялись только природные Финляндцы, въ виду того, что уроженцы собственной Швеціи незнакомы съ Финскимъ языкомъ. Риксдагъ отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, а вмѣсто того сеймовая комиссія, обсуждавшая этотъ вопросъ, предложила принять мѣры къ тому, чтобы Финское населеніе отдавало своихъ дѣтей для обученія Шведскому языку въ Шведскія семейства, и раздавать на казенный счетъ Шведскія азбуки, катихизисы и пр. (Коскиненъ, «Исторія Финскаго народа», на Финскомъ языкѣ, стр. 428—429). Финская народность и Финскій языкъ были въ презрѣніи между Шведами. Поэтому сказать, что конституціонный принципъ присущъ нравамъ Финляндскаго народа значитъ утверждать фактъ, никогда несуществовавшій въ исторіи. Созваніе перваго Гельсингфорскаго сейма и произнесеніе вышеприведенной рѣчи относятся къ эпохѣ Польскаго мятежа 1863 г., когда Императоръ былъ озабоченъ Польскими дѣлами и враждебными Россіи заявленіями западныхъ державъ. Этимъ моментомъ и воспользовался графъ Армфельтъ, чтобы поднести Государю сказанную рѣчь и заложить операціонный базисъ для послѣдующихъ дѣйствій Финляндской тактики.

Учрежденіе перваго комитета (Норденстама) для кодификаціи такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи.

Согласно съ выраженнымъ въ приведенной рѣчи намѣреніемъ Государя о составленіи объясненій и дополненій къ основнымъ законамъ Финляндіи, Императору была представлена программа для руководства тому комитету, которому будетъ поручена эта работа. Программа сія высочайше утверждена 7 Декабря 1864 года. Офиціально она не была обнародована, а напечатана (на Шведскомъ языкѣ) въ частномъ изданіи—въ книгѣ Берга «Наше правительство и наши сеймы». Документъ этотъ поражаетъ смѣлостью пріемовъ его составителей. Здѣсь уже прямо ставится въ обязанность исполнителямъ предположенной кодификаціонной работы, «чтобы не только Форма правленія 1772 года и Актъ соединенія и безопасности 1789 года были соединены въ одинъ

актъ или основной законъ подъ названіемъ Уложенія для великаго княжества Финляндскаго, но чтобы законоположенія, вносимыя изъ прежнихъ (т. е. Шведскихъ) законовъ въ новый актъ, были съ точностью сохраняемы, сколь это возможно, при необходимомъ уясненіи выраженій». Программа предписываетъ, что «великое княжество управляется согласно съ *его формою правленія* и законами»; что «относительно порядка престолонаслѣдія, срока совершеннолѣтія наслѣдника, управленія во время несовершеннолѣтія Императора, для Финляндіи должно имѣть силу все, что̀ установлено или впредъ будетъ установлено для Россіи, и что отношенія Финляндіи къ иностраннымъ державамъ зависятъ отъ отношеній Россійскаго государства и съ ними одинаковы». Однимъ словомъ, Финляндія, бывшая дотолѣ одною изъ провинцій Россіи, признается здѣсь самостоятельнымъ государствомъ, имѣющимъ собственную форму правленія и соединеннымъ съ Россіею только въ лицѣ общаго государя, на условіяхъ такъ называемой реальной уніи, какъ наприм. Норвегія соединена со Швеціею. Такимъ образомъ превращеніе Русской провинціи въ самостоятельное государство, съ коренным изменѣніемъ существовавшаго въ ней дотолѣ образа правленія, предрѣшалось программою, составленною Финляндскими законовѣдами, въ которой они, подъ видомъ существующихъ узаконеній (на кодификацію которыхъ собственно и дано было согласіе Императора), подставили прежніе Шведскіе законы, завѣдомо для нихъ не только никогда не утверждавшіеся Русскими монархами, но непримѣнимые къ Финляндіи, какъ къ нераздѣльной части Русскаго государства, и даже въ высшей степени оскорбительные для достоинства Русскаго монарха и для патріотическаго чувства Русскаго народа*). Этою же программою возлагалось на комитетъ, долженствующій кодифицировать такъ называемые основные законы Финляндіи, составленіе сеймоваго устава, при чемъ ему вмѣнялось въ обязан-

*) Въ королевскомъ увѣреніи, сопровождающемъ Форму правленія 1772 г., король обязывался утвердить оную „личною своею присягою“ и при этомъ объявлялъ дословно слѣдующее: „Мы наисильнѣйшимъ образомъ симъ увѣряемъ, что имѣемъ намѣреніе управлять государствомъ по принятому нынѣ основному закону и, отвергая навсегда, какъ то нами уже учинено, *ненавистное королевское самовластіе* (förhateliga Konungsliga Enwäldet) *или такъ называемое самодержавіе* (Souverainitéten), мы почитаемъ всегда за величайшую для себя честь быть первымъ согражданиномъ среди вѣрнаго и вольнаго народа“. А въ самомъ текстѣ Формы правленія государственные чины, ее утвердившіе, объявляютъ: „Имѣя величайшее отвращеніе къ королевскому самодержавію, или такъ называемому неограниченному правленію, мы почитаемъ за превосходнѣйшее счастіе наше, честь и выгоду, что живемъ вольными, независимыми, законодательными, но законоповинующимися чинами“ и т. д.

ность внести въ этотъ уставъ примѣнимыя узаконенія изъ Шведскихъ сеймовыхъ уставовъ 1617 и 1723 гг., для собранія свѣдѣній о которыхъ и былъ, какъ сказано, командированъ въ Стокгольмъ особый чиновникъ (замѣтимъ, что Сеймовый Уставъ 1723 г. составленъ въ періодъ вольницы). Преобразовывая управленіе Финляндіи по Шведскимъ законамъ XVII и XVIII вѣка, составители этой программы вовсе оставили въ сторонѣ, какъ бы несуществующіе, тѣ законы, которыми дѣйствительно управлялась Финляндія съ 1809 года, на томъ основаніи (какъ это потомъ прямо было высказываемо составителями проектовъ Финляндскихъ основныхъ законовъ), что эти законы, какъ неутвержденные сеймомъ, не имѣютъ для Финляндцевъ обязательной силы. Чтобы обезпечить Финляндцамъ и на будущее время возможность проводить свои планы безпрепятственно, составители программы включили въ нее требованіе, чтобы министры статсъ-секретари, докладывающіе Государю дѣла, требующія высочайшаго разрѣшенія, назначались изъ Финляндскихъ уроженцевъ, хотя въ высочайшемъ манифестѣ 17 Марта 1826 г. объ учрежденіи Статсъ-Секретаріата ничего подобнаго не находится.

Для кодификаціи такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи образованъ былъ комитетъ, составленный изъ однихъ Финляндцевъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Норденстама. Комитетомъ симъ составленъ въ 1865 году проектъ, озаглавленный въ Шведскомъ подлинникѣ «Форма правленія великаго княжества Финляндіи», а въ Русскомъ текстѣ, назначенномъ для поднесенія Императору, названный болѣе скромнымъ титуломъ: Уложеніе великаго княжества Финляндіи». Въ этомъ проектѣ образъ правленія Финляндіи преобразовывается на основаніи двухъ главныхъ началъ: вопервыхъ, Финляндія разсматривается какъ самостоятельная часть Россійскаго государства, соединенная съ нимъ лишь единствомъ царствующаго дома, и вовторыхъ, власть Русскаго императора въ Финляндіи ограничивается согласіемъ сейма по всѣмъ предметамъ законодательства. Единоличной власти Императора предоставляется только опредѣленіе количества пошлинъ и вознагражденій за употребленіе принадлежащихъ казнѣ способовъ сообщенія, за пользованіе общественными заведеніями, за исходящія отъ служащихъ лицъ бумаги, за частныя служебныя дѣйствія сихъ лицъ, наконецъ назначеніе таможенныхъ пошлинъ на Русскія издѣлія, ввозимыя въ Финляндію (§ 49). Самыми существенными мѣстами всего проекта являются §§ 39 и 40; они же имѣютъ особенное значеніе и для уясненія важнѣйшихъ параграфовъ будущаго Сеймоваго Устава. Въ § 39 сказано: «Земскіе чины

Финляндіи имѣютъ право сообща съ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ постановить основной законъ, а также общія гражданское, уголовное, церковное и морское уложенія и измѣнить или прекратить таковые прежде изданные законы. Слѣдовательно ни Государь Императоръ не можетъ безъ согласія земскихъ чиновъ, ни земскіе чины не могутъ безъ согласія Государя Императора постановить какіе-либо подобные законы или отмѣнить прежніе. Основными законами Финляндіи считаются сіе Уложеніе и Сеймовый Уставъ» (составлявшійся одновременно съ симъ Уложеніемъ). Въ § 40 сказано: «Основной законъ можетъ быть постановленъ, измѣненъ или прекращенъ только по предложенію Государя Императора. Вопросы объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ общаго гражданскаго, уголовнаго, церковнаго и морскаго уложеній могутъ, кромѣ таковаго предложенія, быть возбуждаемы также и чрезъ предложенія сословій. Одинаковое право предложенія предоставлено земскимъ чинамъ также по всѣмъ другимъ вопросамъ, зависящимъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и земскихъ чиновъ». Послѣдній, 67-й параграфъ проекта гласитъ: «Сіе Уложеніе имѣетъ во всѣхъ его частяхъ силу неизмѣнимаго основнаго закона для Государя Финляндіи и земскихъ чиновъ до тѣхъ поръ, пока оно единогласнымъ ихъ рѣшеніемъ не будетъ измѣнено или отмѣнено». Составители проекта не только надѣялись, примѣняя къ Финляндіи заднимъ числомъ Шведскіе законы прошедшаго столѣтія, вырвать у Русскаго монарха его исконныя права, но и позаботились въ § 67 закрѣпить за Финляндіею это пріобрѣтеніе, если оно удачно будетъ достигнуто.

Императоръ Александръ II-й не соизволилъ однако принять этотъ проектъ. По этому случаю, при открытіи слѣдующаго сейма 1867 года, въ тронной рѣчи было указано, въ прямую противоположность упомянутой выше программѣ, «на утратившуюся силою обстоятельствъ совмѣстность коренныхъ законовъ Великаго Княжества съ положеніемъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи». При этомъ Императоръ заявлялъ, что работа по необходимымъ поясненіямъ и дополненіямъ сихъ законовъ, «по своей многосложности, въ настоящую минуту еще не созрѣла до того окончательнаго вида, который бы далъ Его Величеству возможность предложить оную на обсужденіе настоящаго сейма». Затѣмъ вопросъ о составленіи свода такъ-называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи не получилъ въ царствованіе императора Александра II-го дальнѣйшаго хода. Посягательства на ограниченіе монархической власти и на созданіе для Финляндіи политической самостоятельности, выразившіяся въ сказанномъ проектѣ, очевидно из-

мѣнили образъ мыслей Императора относительно такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи, тѣмъ болѣе, что уже на первомъ дарованномъ ей конституціонномъ сеймѣ 1863 года обнаружились выходки со стороны депутатовъ, особенно въ средѣ дворянскаго сословія, доказывавшія ихъ враждебное настроеніе противъ Россіи. На эти оппозиціонныя попытки сейма было указано даже въ рѣчи, произнесенной отъ высочайшаго имени генералъ-губернаторомъ при закрытіи сейма 1863 года. «Не могу не сожалѣть о томъ, говорилось въ этой рѣчи, что нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Ясное пониманіе пользъ Финляндіи должно склонять васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіею, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины».

Сеймовый Уставъ 1869 года.

Одновременно съ проектомъ Уложенія былъ составленъ тѣмъ же комитетомъ и проектъ Сеймоваго устава, опредѣлявшій только внѣшнюю процедуру сеймовыхъ собраній, не касаясь существа основныхъ конституціонныхъ законовъ, которые подробно были изложены въ Уложеніи или въ Формѣ правленія. Соотвѣтственно двумъ приведеннымъ выше параграфамъ (39-му и 40-му) проекта Уложенія, въ Сеймовомъ Уставѣ, въ §§ 71, 72, 73 и 74, былъ изложенъ порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія на сеймѣ вопросовъ, относящихся какъ къ основнымъ, такъ и къ общимъ законамъ, подлежащимъ совокупному рѣшенію сейма и Императора. Относительно *основныхъ* законовъ § 71-й требовалъ, чтобы «изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона могли послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій»; въ параграфахъ же 72—74 говорилось, по какимъ законодательнымъ вопросамъ считается достаточнымъ согласіе только трехъ сословій, чтобъ ихъ рѣшеніе признавалось рѣшеніемъ сейма, и какъ слѣдуетъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда сословія дадутъ столь разногласныя заключенія, что изъ нихъ нельзя составить требуемаго уставомъ большинства. Но какъ скоро §§ 39-й и 40-й Уложенія, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ Уложеніемъ, были отвергнуты Императоромъ, то, очевидно, слѣдовало измѣнить и редакцію § 71-го Сеймоваго Устава въ такомъ смыслѣ, что вопросы, касающіеся основныхъ законовъ, могутъ быть обсуждаемы на сеймѣ только въ томъ случаѣ, если они будутъ предложены Государемъ Императоромъ, а сеймовое по нимъ заключеніе только тогда должно считаться состоявшимся, когда

послѣдуетъ согласное рѣшеніе всѣхъ четырехъ сословій сейма. Такая редакція установила бы ясное различіе въ способахъ внесенія и рѣшенія вопросовъ, относящихся къ основнымъ законамъ, и тѣхъ, которые принадлежатъ къ общимъ законамъ, для рѣшенія каковыхъ, по § 73-му Сеймоваго Устава, требуется только согласное рѣшеніе трехъ сословій. Но Финляндскій Сенатъ почелъ болѣе удобнымъ для своихъ цѣлей оставить прежнюю редакцію § 71-го Сеймоваго Устава, именно: «Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій», хотя изъ такой редакціи прямо вытекаетъ заключеніе, что будто бы безъ согласія сейма Русскій Императоръ не въ правѣ издать основного закона собственною самодержавною властью. Такое заключеніе не имѣетъ, конечно, смысла послѣ того, какъ Императоромъ было отвергнуто Уложеніе комитета Норденстама, самые капитальные параграфы котораго, именно §§ 39-й и 40-й, заключали именно сказанное ограниченіе самодержавной власти Русскаго Монарха. Во всякомъ случаѣ подобное коренное измѣненіе образа правленія въ одной изъ областей Русскаго государства не могло быть выражено въ трехъ строкахъ Сеймоваго Устава, имѣющаго чисто-процессуальный характеръ, устава, «устанавливающаго (какъ сказано во вступленіи къ оному) правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ».

Очевидно, § 71-й Сеймоваго Устава могъ въ глазахъ Императора имѣть только тотъ смыслъ, что если Его Величество признаетъ нужнымъ предложить проектъ основнаго закона на предварительное обсужденіе сейма, то заключеніе сейма только тогда должно считаться состоявшимся, когда послѣдуетъ согласное рѣшеніе всѣхъ четырехъ сословій. Одно уже помѣщеніе узаконенія такой первостепенной важности въ столь несоотвѣтственномъ мѣстѣ даетъ понять, что при этомъ имѣлось въ виду ввести въ Бозѣ почившаго Императора въ заблужденіе и скрыть отъ него дѣйствительную цѣль, имѣвшуюся въ виду при помѣщеніи здѣсь этой статьи.

Но Финляндскій Сенатъ и министръ статсъ-секретарь, подносившій этотъ уставъ на утвержденіе Императора, справедливо разсчитывали, что кто не искусился въ законодательной кодификаціи и не предупрежденъ быть насторожѣ, тотъ едва-ли обратитъ вниманіе на эти три строки, втиснутыя и затертыя въ массѣ статей чисто-процессуальнаго характера, не имѣющихъ никакой принципіальной важности. На случай же, если бы Императоръ остановилъ свое вниманіе на сказанныхъ трехъ строкахъ, ему можно бы отвѣтить, что онѣ хотя, быть-можетъ, выражены и не совсѣмъ удачно, по недостаточному знакомству Финлянд-

скихъ законовѣдовъ съ Русскимъ языкомъ *), но тѣмъ не менѣе ни мало не посягаютъ на верховныя законодательныя права Монарха, и даже какъ бы подкрѣпляютъ ихъ требованіемъ, чтобы основные законы обсуждались на сеймѣ не иначе, какъ по предложенію Императора; что вся цѣль этихъ строкъ установить необходимое единогласіе всѣхъ четырехъ сословій при рѣшеніи вопросовъ этого рода. Но какъ только Сеймовый Уставъ былъ утвержденъ и подписанъ Императоромъ, Финляндскія власти не обинуясь стали уже провозглашать, что § 71-й Сеймоваго Устава обязываетъ Императора вносить на рѣшеніе сейма всякій вопросъ, касающійся основныхъ законовъ. Было уже доказано, что эти мнимые основные законы внезапно появились въ Финляндскомъ законодательствѣ съ 1863 года, въ противность государственному праву Россіи и наперекоръ всей исторіи Финляндскаго законодательства въ теченіе 54 лѣтъ. Такое превратное пониманіе этого параграфа стало съ тѣхъ поръ мало-по-малу вводиться въ сеймовую практику и теперь въ глазахъ Финляндцевъ окрѣпло до степени безусловной истины. Такимъ образомъ, посредствомъ хитро придуманной редакціи сказанныхъ трехъ строчекъ и благодаря тому, что до послѣднихъ годовъ минувшаго царствованія (до почтовой реформы 1890 года и высочайшихъ повелѣній о пересмотрѣ Финляндскаго уголовнаго уложенія въ 1890 г. и Устава о воинской повинности въ 1891 году), Финляндцы были полными и безконтрольными хозяевами въ дѣлахъ мѣстнаго законодательства. Они достигли того, что сказанныя три строчки, умышленно запрятанныя въ массу статей чисто-процессуальнаго содержанія, обратились въ основной законъ, ограничивающій власть Русскаго Монарха надъ Финляндіей. По совершенной неизвѣстности у насъ того, что творилось въ Финляндіи, Русское образованное общество, читая въ газетахъ отрывочныя корреспонденціи о тамошней конституціи, недоумѣвало, какимъ законодательнымъ актомъ, какимъ органическимъ уложеніемъ, или хотя бы простымъ манифестомъ, осуществлена была столь великая реформа въ политическомъ быту одной изъ областей Россіи. Образованнымъ Русскимъ извѣстна была, хотя въ общихъ чертахъ, исторія завоеванія Финляндіи въ 1809 году и тотъ порядокъ, который существовалъ въ ней при императорахъ Александрѣ I-мъ и Николаѣ I-мъ, абсолютныхъ самодержцахъ надъ всѣми подвластными Россіи областями. Откуда же вдругъ явилась Финляндская конституція? Конституція, какъ и всякая другая коренная реформа въ политиче-

---

*) Такой именно предлогъ выставили Финляндскій Сенатъ и министръ статсъ-секретарь, когда были уличены въ тенденціозно искаженномъ переводѣ на Шведскій языкъ высочайшаго рескрипта Финляндскому генералъ-губернатору отъ 28 Февраля 1891 года. (См. мою книгу „Финляндскій современный вопросъ“, стр. 225).

скомъ быту того или другого народа, не прокрадывается въ лазейку, не боится свѣта и не ищетъ укрыться отъ постороннихъ глазъ, прячась за двусмысленныя выраженія и прибѣгая къ завѣдомому обману. Конституція входитъ большими вратами и открыто заявляетъ о себѣ міру, будетъ ли она дарована народу милостію монарха, или будетъ вызвана событіями и въ силу необходимости. Мы, Русскіе, и доселѣ ищемъ и не находимъ этихъ широкихъ вратъ, которыми вошла въ міръ Финляндская конституція, этого органическаго уложенія, гдѣ опредѣлены предѣлы власти и образъ дѣйствій обоихъ верховныхъ факторовъ конституціоннаго правительства, монарха и народнаго представительства.

Проектъ Сеймоваго Устава, по изготовленіи его комитетомъ Норденстама, былъ по высочайшему повелѣнію внесенъ на разсмотрѣніе сейма 1867 года, которымъ былъ окончательно редактированъ въ формѣ договора между земскими чинами и Русскимъ Императоромъ. Въ такомъ видѣ онъ и былъ утвержденъ государемъ Александромъ II-мъ 3 Апрѣля 1869 года. Во вступленіи къ Уставу говорится, что Императоръ призналъ за благо утвердить принятый земскими чинами Сеймовый Уставъ; самый же Уставъ начинается словами: «Мы, нижеподписавшіеся земскіе чины великаго княжества Финляндскаго, графы, бароны, епископы, рыцарство и дворянство, духовенство, горожане и крестьяне, объявляемъ чрезъ сіе, что, по высочайшемъ предложеніи Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, принимаемъ къ руководству Сеймовый Уставъ слѣдующаго содержанія». Въ концѣ Устава сказано, что ландмаршалъ и тальманы сословій «для вящшаго удостовѣренія засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили сіе подписью своихъ именъ и приложеніемъ своихъ печатей». Затѣмъ слѣдуютъ подписи ландмаршала и тальмановъ, и послѣ нихъ подпись Императора и скрѣпа графа Армфельта. Все это слишкомъ рѣзко противорѣчило положенію Финляндіи, какъ провинціи, входящей въ составъ государства, не допускающаго по своимъ основнымъ законамъ подобныхъ отношеній между государемъ и подданными. Исторія Европейскихъ государствъ не представляетъ другаго примѣра, подобнаго этому событію. Тамъ конституціи или являлись древними учрежденіями, сложившимися вѣками, какъ въ Англіи, Голландіи, Швеціи, или же были послѣдствіемъ народныхъ революцій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ между государемъ и народными представителями составлялся договоръ, на основаніи котораго законодательная власть раздѣлялась между монархомъ и народными представителями. Но не было еще примѣра, чтобы ограниченіе монархической власти являлось,

какъ осуществленіе придуманнаго профессорами и публицистами политическаго ученія и какъ выполненіе никогда несуществовавшаго договора, будто бы, назадъ тому 60 лѣтъ, заключеннаго между завоевателемъ и завоеванными.

Въ первыхъ же строкахъ Сеймоваго Устава выражается косвеннымъ образомъ отрицаніе законности того порядка, который дѣйствовалъ въ Финляндіи въ теченіе двухъ предшествовавшихъ царствованій, и признаніе имѣющими въ ней дѣйствующую силу Шведскихъ конституціонныхъ законовъ прошедшаго столѣтія, какъ бы вовсе не существовало факта завоеванія Финляндіи Русскимъ оружіемъ. Уставъ начинается слѣдующими словами: «Принимая во вниманіе, что *дѣйствующія въ Финляндіи*, состоявшіяся въ прежнія времена узаконенія и правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ въ разныхъ частяхъ, не имѣютъ надлежащей полноты, ясности и точности, а также во многихъ отношеніяхъ непримѣнимы къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, Мы признали за благо» и пр. Далѣе: «Мы, нижеподписавшіеся земскіе чины великаго княжества Финляндіи, графы, бароны, епископы, рыцарство и т. д., объявляемъ чрезъ сіе, что *съ отмѣною* Сеймоваго Устава отъ 24 Января 1617 года, а также всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ законовъ, уставовъ и опредѣленій, изданныхъ касательно сеймовыхъ собраній», и т. д. Такъ какъ Русскими государями никогда не были признаны прежніе сеймовые уставы Швеціи, вслѣдствіе чего и самые сеймы не были собираемы въ теченіе болѣе полустолѣтія, то наименованіе Шведскихъ сеймовыхъ уставовъ *дѣйствующими въ Финляндіи* есть очевидный подлогъ и отрицаніе законности дѣйствій двухъ монарховъ. А какъ скоро Шведскіе сеймовые уставы не были никогда признаны Русскими монархами, то Финляндскіе графы, бароны, епископы, рыцари и пр. не имѣли никакого основанія и отмѣнять эти уставы.

Въ § 83 сказано, что «Сеймовый Уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ *основнымъ* закономъ для Монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ ихъ рѣшеніемъ». Эти строки составляютъ почти буквальное повтореніе § 67 отвергнутаго проекта Уложенія. Тогда не удалось провести этого Уложенія и придать ему значеніе и неприкосновенность основнаго закона; теперь удалось достигнуть этого, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ, весьма существенныхъ, постановленій несостоявшагося Уложенія, повторенныхъ только въ иной, замаскированной формѣ, въ Сеймовомъ Уставѣ и составляющихъ всю его важность, такъ какъ процессуальныя его подробности не настолько важны въ глазахъ Финляндцевъ, чтобы возводить ихъ на степень «ненарушимаго основ-

наго закона». Вотъ первый, дѣйствительно признанный для Финляндіи *основной* законъ, не принадлежащій къ основнымъ законамъ Россіи, и о которомъ притомъ положительно сказано, что онъ можетъ быть измѣняемъ или отмѣняемъ не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Монарха и земскихъ чиновъ. Замѣчательно, что въ этомъ Уставѣ нигдѣ прямо не сказано, что сеймовыя постановленія только тогда получаютъ силу закона, когда будутъ утверждены Государемъ, а сказано только, что рѣшенія сейма по сообщаемымъ ему высочайшимъ предложеніямъ и сеймовыя представленія на имя Государя (то-есть петиціи) повергаются на высочайшее *обсужденіе* (§ 76), и что сеймовыя рѣшенія издаются особо въ печати и включаются въ собраніе дѣйствующихъ въ краѣ общихъ постановленій (§ 81). Наконецъ, высочайшему утвержденію этого Устава предпосланы такія строки: «Сохраняя за собою принадлежащее намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ правленія отъ 21 Августа 1772 года и въ Актѣ соединенія и охраненія отъ 21 Февраля и 3 Августа 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, мы высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей Уставъ, какъ ненарушимый основной законъ». Опять новая загадка и новое широкое поле для толкованій. Никакой законовѣдъ не былъ бы въ состояніи распутать смыслъ этихъ загадочныхъ строкъ. О какомъ это говорится здѣсь правѣ Россійскаго Монарха, которое онъ сохраняетъ за собою въ томъ именно видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ правленія и Актѣ соединенія? По юридической терминологіи, всякія права нераздѣльны съ соединенными съ ними обязанностями, и именно въ сихъ послѣднихъ получаютъ свое точное опредѣленіе и границы. Признавая первыя, тѣмъ самымъ выражается признаніе и послѣднихъ. Но вѣдь сказанными двумя Шведскими узаконеніями установлено, между прочимъ, что «король долженъ управлять государствомъ по королевскому отдѣлу, земскому уложенію и сей Формѣ правленія (§ 2 Формы правленія), что король не можетъ издавать не только основныхъ, но никакихъ вообще законовъ, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ (ib. § 40), что онъ не можетъ наложить на подданныхъ какіе-либо новые налоги безъ вѣдома и добровольнаго согласія государственныхъ чиновъ (§ 45 Формы правленія и § 5 Акта соединенія), что если король боленъ или находится въ отсутствіи, то управленіе ведется тѣми государственными совѣтниками, которыхъ онъ для того назначитъ (§ 37 Формы правленія), и пр. и пр. Слѣдуетъ-ли изъ приведенныхъ выше выраженій въ высочайшемъ утвержденіи Сеймоваго Устава заключить, что всѣ сказанныя обязательства, относившіяся къ Шведскимъ королямъ, ложатся отнынѣ и на Русскаго Императора? Очевидно, имѣлась въ виду именно такая

цѣль. Когда впослѣдствіи успѣхъ, превзошедшій ожиданія Финляндцевъ, придалъ необыкновенную смѣлость Финляндскимъ руководителямъ, они прямо уже стали заявлять, что «все, что̀ постановлено относительно короля въ Шведскихъ основныхъ законахъ, которые въ 1809 году утверждены были для Финляндіи, послѣ 1809 года, разумѣется, примѣняется къ Императору и Великому Князю» (см. брошюру Мехелина «Противорѣчатъ-ли права Финляндіи интересамъ Россіи», стр. 5). Но во время составленія Сеймоваго Устава Финляндскіе руководители не рѣшались еще выразить прямо такое требованіе, помня только-что отвергнутый Государемъ проектъ Уложенія: поэтому придуманы были такія туманныя выраженія, которыя, не выдавая имѣющейся въ виду скрытой цѣли, могли бы быть впослѣдствіи истолкованы въ томъ смыслѣ, что самъ Русскій Монархъ согласился на такое же ограниченіе своихъ правъ, какое примѣнялось въ прошломъ столѣтіи къ Шведскимъ королямъ. Мы увидимъ потомъ, что именно въ этомъ смыслѣ воспользовались сказанными выраженіями въ высочайшемъ утвержденіи Сеймоваго Устава всѣ Финляндскіе законовѣды, составлявшіе проекты основныхъ законовъ Финляндіи и участвовавшіе въ разныхъ по этому случаю комитетахъ и совѣщаніяхъ. Правда, имъ можно бы замѣтить, что для того, чтобы быть послѣдовательными, они должны бы требовать примѣненія къ Русскому Императору не нѣкоторыхъ только, по ихъ выбору, статей Формы правленія и Акта соединенія, но всѣхъ условій, постановленныхъ тамъ для Шведскаго короля, не исключая и обязанности приносить присягу, «навсегда отвергая ненавистное королевское самодержавіе». Но, какъ мы видѣли изъ проекта комитета Норденстама и какъ увидимъ изъ слѣдующихъ подобныхъ же проектовъ, Финляндскіе законовѣды предоставили самимъ себѣ право выбирать, какія изъ требованій Формы правленія и Акта соединенія должны примѣняться къ Русскимъ монархамъ, и отъ какихъ можно ихъ освободить. Отъ императора Александра II-го, несомнѣнно, было скрыто содержаніе этихъ двухъ Шведскихъ законодательствъ, которыя въ то время никому въ Россіи не были извѣстны до напечатанія ихъ въ Русскомъ переводѣ въ классической книгѣ Ордина «Покореніе Финляндіи», вышедшей въ свѣтъ въ 1889 году. Упоминаемая вставка въ высочайшее утвержденіе Сеймоваго Устава своею искусственностью и неумѣстностью должна поразить всякаго читателя, даже непредупрежденнаго о цѣляхъ и пріемахъ Финляндской системы. Назначеніе послѣднихъ строкъ Сеймоваго устава должно состоять единственно въ его утвержденіи высочайшею властью. Все, что̀ не входитъ въ самый Уставъ, не можетъ быть и предметомъ высочайшаго утвержденія. Уставъ касается исключительно состава и образа дѣйствій сеймовыхъ собраній. Какимъ же

образомъ въ утвержденіи его вдругъ явилось общее опредѣленіе правъ и обязанностей Русскаго Императора относительно Финляндіи, о которыхъ дотолѣ нигдѣ не было упоминаемо, и притомъ опредѣленіе, выраженное въ столь отрывочной и загадочной формѣ? Эта неумѣстная и неоправдываемая никакою законною цѣлью вставка, очевидно, сдѣлана единственно для того, чтобы, воспользовавшись случаемъ, поднести на подписаніе Императора хотя бы только косвенную ссылку на Шведскіе конституціонные законы, которыхъ не удалось провести въ проектѣ Уложенія, составленномъ комитетомъ Норденстама. Весьма вѣроятно, что Императору, при представленіи Сеймоваго Устава на утвержденіе, былъ указанъ только § 1-й Акта соединенія и охраненія, который дѣйствительно усвоивалъ королю почти самодержавныя права. Сказанный пріемъ, употребленный въ заключительныхъ строкахъ Сеймоваго Устава, будетъ употребляемъ Финляндцами, какъ мы увидимъ дальше, всякій разъ, когда нельзя достигнуть желаемой цѣли открытымъ путемъ: они прибѣгаютъ тогда къ недомолвкамъ, неясностямъ, или къ частнымъ ссылкамъ на Шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ, чтобы потомъ неясныя мѣста истолковать въ желаемомъ ими смыслѣ, а частнымъ ссылкамъ придать значеніе признанія этихъ Шведскихъ законовъ въ полномъ ихъ объемѣ.

Однако обѣщанное Императоромъ сейму право непосредственнаго предложенія законовъ было исключено изъ Сеймоваго Устава, по той вѣроятно причинѣ, что изъ враждебныхъ Россіи заявленій, обнаружившихся уже на первомъ Гельсингфорскомъ сеймѣ, государь Александръ Николаевичъ убѣдился, что нельзя разсчитывать на признательность Финляндцевъ и что право непосредственнаго предложенія законовъ можетъ повести къ чрезмѣрнымъ требованіямъ и раздражительнымъ словопреніямъ на сеймахъ.

Уставъ о воинской повинности 1878 года.

Второй рѣшительный шагъ къ ограниченію правъ Монарха и къ политическому разъединенію Финляндіи отъ Россіи былъ сдѣланъ изданіемъ Устава о воинской повинности, высочайше утвержденнаго 6 Декабря 1878 г. Манифестомъ, того же числа изданнымъ, повелѣно всѣ существеннѣйшія статьи этого Устава, «въ виду особеннаго ихъ значенія и отчасти заключающихся въ нихъ измѣненій основныхъ законовъ», считать законами основными, т. е. такими, которые, по принятому Финляндцами толкованію § 71-го Сеймоваго Устава, не могутъ уже подлежать дальнѣйшимъ измѣненіямъ и дополненіямъ безъ согласія сейма. Здѣсь опять вставлено упоминаніе о прежнихъ основныхъ,

т. е. Шведскихъ законахъ, наперекоръ тому факту, что дотолѣ Русскіе императоры, въ теченіе 70 лѣтъ, не признавали для себя обязательными никакихъ Шведскихъ законовъ о воинской повинности.

При разсмотрѣніи проекта Устава о воинской повинности бывшимъ военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Милютинымъ произошло слѣдующее, достойное упоминанія, обстоятельство. Еще въ 1871 г. 12 Февраля генералъ - адъютантъ Милютинъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о предположенномъ тогда формированіи Финскихъ войскъ. «Великому княжеству Финляндскому, писалъ онъ, даровано монаршею волею полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе Финляндія, присоединенная къ Россіи силою оружія, составляетъ нераздѣльную часть Имперіи Россійской и слѣдовательно, пользуясь своимъ особымъ *мѣстнымъ* управленіемъ, особыми *мѣстными* законами, не можетъ однакоже домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства. Необходимая и неопровержимая связь Финляндіи съ Имперіею Россійскою должна выражаться прежде всего въ единствѣ верховной власти, а затѣмъ въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными. Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, также какъ и отдѣльной вооруженной силы. Не разъ уже въ прежніе годы былъ возбуждаемъ вопросъ объ учрежденія въ Финляндіи особой военной системы, на подобіе Прусскаго ландвера. Къ счастію, эти проекты оставались безъ послѣдствій». Предположивъ однако, что существованіе отдѣльнаго Финскаго войска будетъ допущено, генералъ-адъютантъ Милютинъ находилъ, что слѣдуетъ по крайней мѣрѣ положить въ основаніе «нѣкоторыя условія, обезпечивающія, на сколько возможно, общіе интересы Имперіи». Въ числѣ этихъ условій онъ полагалъ между прочимъ два слѣдующія:

а) «Финляндскія войска, также какъ и принадлежащіе имъ склады запасовъ, оружія и все необходимое для ихъ устройства состоятъ въ завѣдываніи Военнаго Министерства и Финляндскаго военно-окружнаго управленія».

б) «Генералы, штабъ и оберъ-офицеры изъ уроженцевъ Финляндіи служатъ безразлично въ войскахъ Финляндскихъ или Русскихъ, а съ другой стороны—въ Финляндскія войска назначаются офицеры изъ уроженцевъ Финляндскихъ или Русскихъ безъ различія, по высочайшему усмотрѣнію».

На этомъ докладѣ положена была слѣдующая высочайшая резолюція: «Главныя основанія, изложенныя въ этой запискѣ, совершенно

согласны съ моими мыслями. Я оставилъ ее у себя для дальнѣйшихъ соображеній». Но затѣмъ въ проектѣ Воинскаго Устава, составленномъ особой коммиссіей, которая состояла изъ однихъ Финляндцевъ, оказались весьма важныя отступленія отъ общаго по Имперіи устава о воинской повинности, не соотвѣтствующія интересамъ Россіи. Въ числѣ уклоненій было и то, что, по проекту комиссіи, главнымъ начальникомъ Финскихъ войскъ назначался генералъ-губернаторъ Великаго Княжества даже и въ томъ случаѣ, когда начальникомъ Финляндскаго военнаго округа было бы назначено другое лицо; генералы же, штабъ и оберъ-офицеры этихъ войскъ должны состоять изъ Финляндскихъ подданныхъ. «Вообще, какъ писалъ генералъ-адъютантъ Милютинъ Финляндскому министру статсъ-секретарю (21 Января 1876 года № 722), въ проектѣ устранялась какая бы то ни было связь Финскихъ войскъ съ Русскою арміей». «Вникнувъ въ сущность этихъ предположеній, продолжалъ онъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что съ утвержденіемъ ихъ какъ бы узаконится существованіе въ предѣлахъ Имперіи совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго войска, которое не будетъ имѣть ничего общаго съ Русскими войсками, т.-е. съ арміею того государства, въ политическій составъ котораго входитъ и Великое Княжество Финляндіи. Было бы несогласно съ существенными интересами Имперіи создавать, по иниціативѣ самого правительства, чуждыя Россіи войска, и притомъ подъ самыми стѣнами столицы». По всѣмъ этимъ и другимъ соображеніямъ генералъ-адъютантъ Милютинъ настаивалъ на исполненіи первоначальныхъ, высочайше одобренныхъ условій, указывая, что только съ ихъ принятіемъ новая организація Финскихъ войскъ могла бы быть «допущена безъ ущерба для интересовъ Россіи, которые въ сущности *были бы болѣе обезпечены продленіемъ настоящаго безоружнаго положенія края»*.

Требованія военнаго министра поступили въ Финляндскій Сенатъ, который представилъ возраженія по всѣмъ важнѣйшимъ ихъ пунктамъ, касавшимся установленія прочной связи между Финскими войсками и арміею Имперіи (№ 764). Онъ не допускалъ, напримѣръ, никакой связи между военными учрежденіями Имперіи и Финляндіи и настаивалъ, чтобы эта связь выражалась лишь въ лицѣ военнаго министра, помимо командующаго расположенными въ Финляндіи Русскими войсками (если онъ въ тоже время не генералъ-губернаторъ) и военно-окружнаго управленія. Съ этимъ военный министръ не могъ согласиться, «потому что командованіе войсками въ Финляндіи можетъ быть возложено Государемъ Императоромъ, по видамъ военнымъ, не на мѣстнаго генералъ-губернатора, а на другое лицо, и въ такомъ случаѣ не-

обходимое единеніе въ направленіи дѣйствій войскъ Русскихъ и Финскихъ встрѣтитъ еще бо́льшія затрудненія» (25 Октября 1876 года № 9016).

Эти возраженія, вмѣстѣ съ проектомъ Финляндскаго Сената, были доложены покойному Императору Финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ. Параграфъ, касающійся лица, командующаго Финскимъ войскомъ (§ 119 въ окончательной редакціи Устава), былъ утвержденъ Государемъ въ слѣдующемъ видѣ: «Генералъ-губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ Финскихъ войскъ». Баронъ Шерньваль-Валленъ, въ отношеніи къ военному министру (2 Декабря 1876 года № 922), объяснилъ, что эти слова прибавлены и изображены собственною Его Величества рукою. Составленный сообразно съ этими и другими указаніями проектъ Устава о воинской повинности былъ предложенъ на обсужденіе сейма, который въ очень многомъ вновь измѣнилъ Уставъ. Измѣненный сеймомъ Уставъ былъ переданъ, по высочайшей волѣ, сперва на разсмотрѣніе Финляндскаго Сената, а затѣмъ на заключеніе военнаго министра. Сенатъ въ своемъ представленіи по этому случаю, обративъ вниманіе на то, что сеймовыя измѣненія во многихъ и притомъ весьма существенныхъ частяхъ расходятся съ высочайше одобреннымъ проектомъ Устава, и перечисливъ соотвѣтственные параграфы, высказалъ однако по всѣмъ пунктамъ полное согласіе съ сеймовыми передѣлками. Но Сенатъ, перечисляя сдѣланныя сеймомъ измѣненія, умолчалъ объ измѣненіи вышеприведенной собственноручной Его Величества редакціи § 119-го, который поэтому могъ почитаться неприкосновенно сохраненнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ сеймомъ былъ возстановленъ первоначальный его текстъ, какъ онъ былъ изложенъ Финляндскою комиссіею, составлявшею проектъ Устава. Финляндскій министръ статсъ-секретарь, въ своей перепискѣ съ военнымъ министромъ, также ни слова не упомянулъ объ этой передѣлкѣ. «О прочихъ сдѣланныхъ земскими чинами измѣненіяхъ, писалъ баронъ Шерньваль-Валленъ къ графу Милютину (отношеніе отъ 14 Іюля 1878 года № 512), которыя отчасти относятся къ редакціи, не затрогивая сущности дѣла, отчасти же касаются подробностей, которыя *впослѣдствіи безъ затрудненія могутъ быть измѣнены*, если окажется въ томъ надобность, Сенатъ считаетъ возможнымъ не упоминать». Что же касается требованія военнаго министра, чтобы Русскіе уроженцы были допускаемы въ Финскія войска, то оно вызвало со стороны Финляндскаго министра статсъ-секретаря слѣдующее замѣчаніе: «Значеніе и смыслъ этого узаконенія (о недо-

пущенія Русскихъ въ Финскія войска) заключается въ томъ, чтобы въ законѣ было точно опредѣлено, что лица, служащія въ Финскомъ войскѣ, кромѣ правъ и обязанностей по военной службѣ, пользуются также правами гражданства въ Финляндіи, а потому имѣютъ наравнѣ съ прочими гражданами края разныя права и обязанности въ гражданскомъ отношеніи, какъ то право на пенсіи изъ Финляндскихъ суммъ, изъ вдовьей и сиротской кассъ, права̀ и повинности по общинному управленію и т. п.» (отзывъ въ Главный Штабъ 8 Октября 1876 года № 807). Но принятіе Финляндскаго гражданства обставлено, даже и для дворянъ Русскихъ, разными стѣснительными формальностями и податями, какъ явствуетъ изъ высочайшаго постановленія 29 Марта 1858 года. Вслѣдствіе сего военный министръ, хотя и соглашался на редакцію § 120-го въ смыслѣ допущенія въ Финскія войска однихъ Финляндскихъ гражданъ, но настаивалъ на исполненіи высочайшей воли, чтобы при пріемѣ на службу въ Финскія войска офицеровъ и чиновниковъ Русскихъ не требовалось относительно признанія ихъ гражданами Финляндіи исполненія формальностей, опредѣленныхъ въ упомянутомъ постановленіи, «но чтобы они считались Финляндскими гражданами на основаніи самаго высочайшаго приказа о назначеніи ихъ на службу въ Финскія войска» (25 Октября 1876 года № 9016). Хотя это предположеніе одобрено было Государемъ Императоромъ, тѣмъ не менѣе исполненіе его было затягиваемо Финляндскими властями. На просьбу военнаго министра о принятіи мѣръ къ исполненію высочайшей па сіе воли статсъ-секретаремъ было отвѣчено, спустя 9 мѣсяцевъ (8 Февраля 1880 года № 87), что къ вопросу о пересмотрѣ постановленія 1858 года «имѣетъ быть приступлено заблаговременно до срока, къ которому должны быть назначены офицеры въ упомянутыя войска». Однако съ того времени и донынѣ, въ теченіи болѣе двадцати одного года, ничего не было сдѣлано для исполненія сказанной высочайшей воли. Министръ статсъ-секретарь видѣлъ, что § 120-й устава былъ редактированъ Финляндцами совершенно несогласно съ высочайшею волей; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ представить этотъ новый законъ къ подписи Государя Императора. Мало того, баронъ Шернваль-Валленъ ходатайствовалъ предъ Государемъ о признаніи этого параграфа, согласно постановленію сейма, основнымъ закономъ, то-есть такимъ, который, по Финляндскому толкованію § 71-го Сеймоваго Устава, можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ не иначе, какъ съ согласія сейма, тогда какъ тотъ же самый баронъ Шернваль-Валленъ, въ письмѣ отъ 2 Декабря 1876 года, № 922, увѣрялъ графа Милютина, что законъ о допущеніи Русскихъ офицеровъ въ Финскія войска можетъ быть изданъ административнымъ путемъ, безъ участія

сейма. Военный министръ не только не былъ извѣщенъ объ отнесеніи § 120-го Устава, вмѣстѣ съ другими наиболѣе важными параграфами, къ числу законовъ, неподлежащихъ измѣненію безъ согласія сейма (по толкованію Финляндцами ст. 71-й Сеймоваго Устава), но Финляндскій Сенатъ и статсъ-секретарь, въ отношеніи отъ 14 Іюля 1878 г. № 512, объяснили, что едва ли можно предполагать, чтобы уже первыя мѣропріятія для устройства военнаго дѣла въ Финляндіи на новомъ основаніи могли быть осуществлены вполнѣ цѣлесообразно и что опытъ скоро укажетъ на необходимость приступить къ измѣненію отдѣльныхъ частей настоящаго перваго Устава о воинской повинности. Въ этихъ видахъ сеймъ ходатайствовалъ, «чтобы по примѣненіи сего Устава, въ теченіе десяти лѣтъ или же ранѣе, если Государь Императоръ признаетъ сіе нужнымъ, земскимъ чинамъ было сообщено предложеніе о внесеніи въ означенный Уставъ измѣненій, какія, по указаніямъ опыта, будутъ признаны необходимыми». Эти объясненія привели къ тому, что графъ Милютинъ (отъ котораго, какъ сказано, скрыто было объ отнесеніи многихъ сеймовыхъ измѣненій въ проектѣ Устава къ числу законовъ, не подлежащихъ, по толкованію Финляндцевъ, измѣненію въ административномъ порядкѣ), согласился на сдѣланныя сеймомъ измѣненія, «въ томъ вниманіи, какъ писалъ онъ, что самый Уставъ, по ходатайству земскихъ чиновъ, предполагается къ утвержденію *какъ временный*, подлежащій пересмотру послѣ десяти лѣтъ примѣненія и даже ранѣе этого срока, если это признано будетъ полезнымъ, и что, по заявленію Финляндскаго Сената, необходимыя въ случаѣ надобности измѣненія въ подробностяхъ и въ редакціи Устава *легко могутъ быть сдѣланы впослѣдствіи*». Окончательнымъ слѣдствіемъ сего было то, что сеймовый проектъ Воинскаго Устава, хотя и противный высочайшимъ предначертаніямъ и интересамъ Россіи, получилъ высочайшую санкцію и былъ введенъ въ дѣйствіе 1 Января (н. ст.) 1881 года.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить вопервыхъ, что самое представленіе проекта Воинскаго Устава на высочайшее утвержденіе чрезъ министра статсъ-секретаря было сдѣлано въ прямое нарушеніе высочайшей инструкціи Финляндскому Статсъ - Секретаріату, изданной 17 Марта 1826 года. Въ § 3-мъ отдѣла 1-го сей инструкціи положительно сказано, что «статсъ-секретарь вѣдаетъ нашу канцелярію по всѣмъ дѣламъ, относящимся *до гражданскаго управленія* Великаго Княжества Финляндіи». На семъ основаніи проектъ Воинскаго Устава подлежалъ докладу не чрезъ Финляндскаго статсъ-секретаря, а чрезъ военнаго министра; но, какъ оказывается, законъ 1826 года былъ скрытъ отъ свѣдѣнія императора Александра Николаевича. Впрочемъ, какъ было уже

сказано выше, Финляндскія власти открыто теперь заявляютъ, что онѣ не признаютъ законной силы ни за какими постановленіями Русскихъ монарховъ, изданными безъ содѣйствія сеймовъ въ теченіе 54 лѣтъ, съ 1809 по 1863 г., то-есть до перваго Гельсингфорсскаго сейма. Вовторыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что самое возбужденіе на сеймѣ 1877—1878 гг. вопроса объ отнесеніи важнѣйшихъ статей Устава о воинской повинности къ числу основныхъ законовъ было сдѣлано противузаконно; ибо тогда сеймъ не имѣлъ еще права возбуждать отъ себя никакихъ законодательныхъ вопросовъ, а тѣмъ менѣе вопросовъ объ основныхъ законахъ, о которыхъ въ ст. 71-й Сеймоваго Устава прямо сказано, что они могутъ быть обсуждаемы на сеймѣ «не иначе, какъ по предложенію Государя Императора». Обстоятельство это также было скрыто отъ Государя Императора при поднесеніи Воинскаго Устава на утвержденіе. Наконецъ, какимъ образомъ можно было причислять къ основнымъ, то-есть наиболѣе устойчивымъ и неизмѣнно дѣйствующимъ, законамъ постановленія объ организаціи войска и о его управленіи, когда, какъ всякому извѣстно, ни одна часть правительственныхъ постановленій не подвергается во всѣхъ государствахъ столь частымъ измѣненіямъ, какъ воинскіе уставы, цѣлесообразность которыхъ находится въ зависимости отъ многоразличныхъ обстоятельствъ данной минуты. Замѣчательно также, что при всѣхъ этихъ столь вопіющихъ нарушеніяхъ закона и государственныхъ интересовъ Россіи, которыми сопровождалось появленіе на свѣтъ Устава о воинской повинности, голосъ Финляндскаго генералъ - губернатора графа Адлерберга какъ бы совершенно отсутствовалъ, хотя ему, какъ предсѣдателю Сената, не могли быть неизвѣстны по крайней мѣрѣ такіе законы, какъ ст. 71 Сеймоваго Устава и высочайшія инструкціи Финляндскому Статсъ-Секретаріату Мало того, когда императоръ Александръ II-й колебался утвердить сеймовый проектъ Воинскаго Устава, тогда, по свидѣтельству самихъ Финляндскихъ историковъ и панегиристовъ графа Адлерберга, сей послѣдній «сумѣлъ разсѣять въ умѣ Императора тѣ сомнѣнія, какія питались въ этомъ отношеніи военнымъ министромъ, и при помощи того большого довѣрія, которое имѣлъ къ нему Александръ II-й, *добился* того, что Уставъ былъ утвержденъ». (См. *Финляндская Окраина*, вып. 2-й, стр. 458—460).

Такимъ образомъ даже въ дѣлѣ организаціи военной силы въ одной изъ областей Русскаго государства, и притомъ въ области ближайшей къ столицѣ государства, Русскій Императоръ не есть теперь, по толкованію Финляндцевъ, единый и верховный распорядитель, а обязанъ свои предположенія по этой части передавать на разрѣшеніе

Финляндскаго сейма; ибо существеннѣйшія статьи Устава о воинской повинности отнесены къ числу основныхъ законовъ, которые, по превратному толкованію Финляндцами статьи 71-й Сеймоваго Устава, не могутъ быть измѣняемы или отмѣняемы безъ согласія сейма, при чемъ достаточно не согласиться съ высочайшимъ предложеніемъ одному изъ четырехъ сословій сейма, чтобы предложеніе это считалось отвергнутымъ. По смыслу и буквѣ Воинскаго Устава, гражданскимъ установленіямъ Финляндіи, сейму и Сенату, предоставлено рѣшать нѣкоторые, чисто-спеціальные военные вопросы, съ которыми соединена безопасность нашей сѣверо-западной границы, какъ напримѣръ вопросы о численности Финскаго войска, о срокахъ службы въ дѣйствующемъ войскѣ и въ запасѣ, о продолжительности учебныхъ сборовъ запаса, о дислокаціи войска. Къ числу же основныхъ законовъ отнесено и то правило, что Финскія войска должны присягать согласно § 18-му Шведской Формы правленія 1772 года, то-есть присягать на вѣрность не только Русскому Императору, но и сеймовымъ депутатамъ (§ 88 Устава о воин. повин.).

Судьба Устава о воинской повинности убѣдительно доказываетъ, что, при существующемъ порядкѣ изданія законовъ для Финляндіи, важнѣйшіе интересы Россіи не обезпечены даже въ тѣхъ немногихъ вопросахъ, которые, какъ вопросъ военный, имѣютъ за себя представителей и охранителей съ Русской стороны. Въ военномъ вопросѣ хотя и признано было нужнымъ выслушать заключеніе военнаго министра, тѣмъ не менѣе его настоянія и предсказанія остались безплодны, и Финляндцы провели въ Уставѣ о воинской повинности все, что̀ имъ было желательно провести. Вслѣдствіе рѣшенія всѣхъ Финляндскихъ дѣлъ по личнымъ докладамъ министра статсъ-секретаря, наши министры и прочія высшія государственныя установленія остаются въ полной неизвѣстности о положеніи того или другого вопроса, касающагося Финляндіи, такъ что напримѣръ генералъ-адъютантъ Милютинъ, давая свое согласіе на нынѣшнюю редакцію § 120-го Воинскаго Устава, не зналъ, что этотъ параграфъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, былъ уже отнесенъ сеймомъ къ числу тѣхъ узаконеній, которыя, по толкованію Финляндцевъ, не могутъ подлежать измѣненію безъ согласія сеймовыхъ депутатовъ. Но большинство вопросовъ Финляндскаго законодательства, въ которыхъ такъ или иначе замѣшаны обще-государственные интересы, вовсе не имѣетъ теперь за себя представителей и ходатаевъ съ Русской стороны и рѣшается единственно по усмотрѣнію Финляндскихъ властей. Финляндскій Сенатъ съ его Шведскимъ языкомъ, никому въ Россіи неизвѣстнымъ, не исключая и назна-

чаемыхъ въ Финляндію генералъ - губернаторовъ, представляетъ изъ себя status in statu, учрежденіе совершенно изолированное отъ всѣхъ государственныхъ властей и недоступное ихъ контролю. Такое учрежденіе вполнѣ обезпечиваетъ тайну Финляндскихъ дѣлъ; тѣсная же солидарность и взаимная поддержка Сената и министра статсъ-секретаря, изъ которыхъ одинъ даетъ начало всѣмъ мѣропріятіямъ и разработываетъ ихъ подробности, а другой проводитъ ихъ къ окончательному утвержденію высочайшею властью, представляютъ такую силу, о которую, какъ доказалъ опытъ, разбивались всѣ противодѣйствія, проявлявшіяся по временамъ со стороны Русскихъ министровъ и нѣкоторыхъ Финляндскихъ генералъ-губернаторовъ въ защиту Русскихъ государственныхъ интересовъ.

Замѣчательно, что Финляндскіе историки, въ своихъ писаніяхъ на Шведскомъ языкѣ (стало-быть предназначенныхъ исключительно для своей домашней Финляндской публики), нисколько не скрываютъ той системы, которой слѣдовали ихъ главные дѣятели въ царствованіе императора Александра II-го для проведенія своихъ плановъ, и иногда даже какъ бы хвалятся этою системою. Такъ Финляндскій историкъ и патріотъ Бергъ, въ своей весьма распространенной въ Финляндіи книгѣ «Наше управленіе и наши сеймы», превознося тѣхъ Финляндскихъ дѣятелей, которые провели законъ объ установленіи въ Финляндіи отдѣльной отъ Россіи денежной системы, говоритъ: «Какъ много усердія, осторожности, умѣнья приноравливаться къ обстоятельствамъ и тонкой мудрости нужно было пустить въ ходъ для достиженія этой цѣли, объ этомъ можно заключить изъ того, что Императоръ, когда увидѣлъ всѣ послѣдствія реформы и то впечатлѣніе, какое они должны были произвести въ Россіи, выразился слѣдующимъ образомъ: «on a escamoté mon consentement!» (томъ II, стр. 15). Эта историческая фраза въ Бозѣ почившаго Императора служитъ объясненіемъ происхожденія не одной только монетной реформы въ Финляндіи. По отношенію къ Россіи и Русскому правительству Финляндскіе дѣятели съ давнихъ поръ поставили себѣ за правило не останавливаться ни предъ какими ложью, обманами и подлогами, если они могутъ вести къ достиженію ихъ цѣлей. Вотъ еще одинъ примѣръ въ этомъ родѣ. Авторъ книги «Finlands Historia» (1889 г.) Финляндецъ M. G. Schybergson, разсуждая о Финляндскомъ тарифѣ на ввозимые товары, говоритъ, что въ 1839 году ввозная пошлина для значительнаго числа товаровъ была понижена (замѣтимъ съ своей стороны—къ прямой невыгодѣ Россіи, куда иностранные товары проникали безпошлинно подъ именемъ Финляндскихъ, такъ какъ эти послѣдніе до 1886 года вовсе не оплачивались пошли-

ной при ввозѣ въ Россію, а съ 1886 года нѣкоторая незначительная ихъ часть обложена ничтожною пошлиной сравнительно съ общимъ нашимъ таможеннымъ тарифомъ). Несмотря на допущенное въ 1839 году для Финляндіи пониженіе ввозной пошлины, по словамъ автора сказанной книги, «большое неудобство заключалось въ томъ, что тарифная система Финляндіи не могла быть поставлена въ независимое отъ Россіи положеніе. Но и это препятствіе фонъ-Гартману *) посчастливилось обойти помощью цѣлесообразныхъ распоряженій, между прочимъ посредствомъ полуофиціальнаго таможеннаго тарифа (af en half-officiel tulltaxa), съ таможенными ставками, пониженными противъ ставокъ, установленныхъ офиціально (Finlands Historia, ч. 2-ая, стр. 413, изд. 1889 г.). Другими словами, тарифъ, утвержденный Русскимъ государемъ, несмотря на всю его выгодность для Финляндіи, отложенъ былъ въ сторону, а вмѣсто него Финляндскій Сенатъ ввелъ подложный тарифъ, сочиненный Гартманомъ и еще болѣе выгодный для Финляндіи и убыточный для Россіи. И все это мы узнаёмъ только случайно, изъ отрывочныхъ свѣдѣній, попадающихъ иногда въ Финляндскія книги и газеты, на которыя едва ли найдется въ Россіи больше пяти-шести читателей между чисто-Русскими людьми, не имѣющими притомъ никакого голоса въ нашей правительственной политикѣ! Все прикрываетъ собою офиціальный Шведскій языкъ, которымъ Верховная Власть, еще со временъ Александра I-го, добровольно отрѣзала себя отъ Финляндіи и поставила себя въ невозможность знать что̀ тамъ творится и что̀ внушается народу и обучающемуся юношеству. Въ Петербургѣ пребывали въ постоянномъ заблужденіи относительно Финляндіи. Мало того, даже въ Швецію назначались иногда нашими военными агентами Финляндцы, вслѣдствіе чего случалось, что наше правительство только изъ частныхъ статей въ Русскихъ газетахъ узнавало объ усиленіи Шведскихъ стратегическихъ подступовъ къ границамъ Россіи.

При чтеніи документовъ, разоблачающихъ тѣ средства, которыми Финляндцы достигли утвержденія нынѣ дѣйствующаго Устава о воинской повинности, самъ собою возникаетъ вопросъ: чего именно добивались Финляндцы, устраняя изъ своихъ войскъ Русскихъ офицеровъ и организовавъ эти войска не по Русскимъ образцамъ? Напрасно стали бы мы искать указанія этихъ цѣлей въ тѣхъ объясненіяхъ, которыми сеймъ сопроводилъ Воинскій Уставъ при представленіи его на

*) Упоминаемый здѣсь Гартманъ былъ съ 1841 по 1858 годъ вице-предсѣдателемъ Сената по департаменту экономіи. Такъ-называемый полуофиціальный тарифъ былъ введенъ въ началѣ 40-хъ годовъ.

высочайшее утвержденіе. Эти объясненія до такой степени неясны и запутаны, что ихъ невозможно понять, и часто они вовсе не сходятся съ тѣми статьями Устава, къ которымъ относятся: очевидно это были только объясненія показныя, назначенныя для отвода глазъ. Съ другой стороны, въ дѣлѣ столь щекотливомъ объясненія и догадки посторонняго лица, какъ бы ни были онѣ правдоподобны, не могутъ имѣть полной убѣдительности, ибо все же онѣ останутся мнѣніемъ субъективнымъ и могутъ заключать въ себѣ ошибки. Вполнѣ достовѣрнымъ и не допускающимъ возраженій объясненіемъ сказанныхъ цѣлей могутъ служить только собственныя слова тѣхъ депутатовъ, которымъ въ этомъ вопросѣ принадлежала руководящая роль на сеймѣ.

Когда на сеймѣ нѣкоторыми депутатами дворянскаго или, вѣрнѣе сказать, чиновническаго сословія (во главѣ ихъ стоялъ Л. Мехелинъ) былъ возбужденъ вопросъ о причисленіи важнѣйшихъ параграфовъ Воинскаго Устава къ числу основныхъ законовъ, то ландмаршалъ сейма воспротивился обсужденію этого вопроса, на томъ основаніи, что Уставъ предложенъ Государемъ Императоромъ на разсмотрѣніе сейма вовсе не въ видѣ основного закона, а какъ спеціальное узаконеніе. Тѣмъ не менѣе, сказанный вопросъ подвергся обсужденію; по рѣшеніе отнести важнѣйшіе параграфы Воинскаго Устава къ числу основныхъ законовъ было сперва принято только дворянскимъ и крестьянскимъ сословіями. Какимъ образомъ удалось потомъ склонить къ его принятію и городское сословіе, этого сеймовый историкъ Э. Бергъ не указалъ. Духовное сословіе (къ которому относятся и лица, служащія по учебному вѣдомству) долго не соглашалось со сказаннымъ предложеніемъ, возражая, что имѣющіеся въ виду параграфы Устава, хотя и имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ основнымъ законамъ и сословнымъ привилегіямъ, тѣмъ не менѣе сами по себѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться основнымъ закономъ. Представители духовнаго сословія справедливо указывали на то, что весь Воинскій Уставъ имѣетъ временный характеръ, и потому ни одно изъ его положеній не можетъ быть отнесено къ разряду основныхъ государственныхъ законовъ; съ принятіемъ сдѣланнаго предложенія должны возникать серьезныя затрудненія при каждомъ измѣненіи этихъ чисто-временныхъ узаконеній (см. Эд. Берга).

Обратимся теперь къ наиболѣе характернымъ и откровеннымъ рѣчамъ сеймовыхъ депутатовъ. Онѣ до нѣкоторой степени проливаютъ свѣтъ на стремленія Финляндцевъ. Депутатъ Монгомери (который прежде былъ прокуроромъ Сената, то-есть окомъ генералъ-губернатора и его руководителемъ въ лабиринтѣ неизвѣстныхъ ему Финляндскихъ зако-

новъ на Шведскомъ языкѣ) говорилъ: «Я со своей стороны не могу себѣ представить законопроекта по этому вопросу, который лучше настоящаго согласовался бы съ положеніемъ и потребностями Финскаго народа. Относительно устройства защиты этотъ проектъ содержитъ въ себѣ неоцѣненный шагъ къ лучшему, если принять во вниманіе проектируемое имъ устройство военнаго управленія. Въ какомъ положеніи находится теперь наша страна относительно этой столь важной части государственнаго управленія? Теперь военная повинность или можетъ ограничиваться, какъ въ настоящее время, уплатою ничтожной вакантной подати, или непосильнымъ и долженствующимъ подавить нашу культуру и благоденствіе бременемъ, въ случаѣ постановки арміи въ полномъ составѣ по системѣ поселенныхъ войскъ. Каково наше нынѣшнее положеніе въ военномъ дѣлѣ? Таково, что важнѣйшіе вопросы этого дѣла фактически устранены отъ рѣшенія Финляндскихъ властей, между тѣмъ какъ въ предлагаемомъ вамъ проектѣ военно-административная часть такъ организована и категорически установлена закономъ, что *по важнѣйшимъ ея предметамъ воля страны не останется безъ вниманія*. Если затѣмъ вы обратите вниманіе на самое устройство войска, предлагаемое проектомъ, то увидите, что оно болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое, *въ трудныя времена, которыя всегда могутъ наступить, способно даровать защиту нашему національному существованію, нашимъ учрежденіямъ*. Та форма воинской повинности, которая здѣсь предлагается, не истощая матеріальныхъ силъ страны, даетъ то, что̀ требуется для ея обороны; *она даетъ запасъ инструкторовъ нашему народу, для обученія его владѣть оружіемъ и для сдѣланія его способнымъ въ минуту опасности взяться за мечъ*». Депутатъ генералъ-лейтенантъ Альфтанъ (долго бывшій губернаторомъ въ Финляндіи и недавно умершій въ званіи сенатора) говорилъ: «До сихъ поръ Русскія войска содержали караулы въ странѣ, и въ этомъ заключалось нѣкоторое глубокое униженіе для Финляндіи. Доставляя странѣ возможность получить собственную хорошую военную силу, тѣмъ самымъ признаютъ, что представляется возможнымъ *прекратить то подчиненное политическое положеніе, въ которомъ страна находилась доселѣ*. Страна находится теперь на поворотномъ пунктѣ своихъ судебъ; ея благо или гибель зависятъ отъ правильнаго пониманія нынѣшнихъ обстоятельствъ и того, что̀ можетъ принести съ собою будущее. Достоинство и благо страны рѣшительно предписываютъ, чтобы Финляндія, какъ можно скорѣе, выставила и содержала свое собственное хорошее войско». Депутатъ Л. Мехелинъ находилъ, что «отсутствіе *національной обороны* есть столь очевидный недостатокъ Финляндскихъ учрежденій, что онъ не постигаетъ, какъ

земскіе чины могутъ добровольно желать продлить такое положеніе. Я не думаю, продолжалъ онъ, чтобы кто-либо могъ ожидать, что къ тому, котораго можно назвать безоружнымъ и покровительствуемымъ, будутъ относиться съ такимъ же уваженіемъ, какъ если бы онъ былъ *вооруженнымъ союзникомъ.* Мы можемъ предполагать, что наше положеніе въ союзѣ мало-по-малу пріобрѣтетъ безпристрастную и разумную оцѣнку; мы должны предъявить *на прочномъ основаніи стоящее требованіе, чтобы со стороны другого государства* (подразумѣвается Россіи) *не допускалось никакого вмѣшательства въ наше внутреннее прогрессивное шествованіе* и чтобы отъ насъ не требовалось ничего, что могло бы противорѣчить собственнымъ интересамъ націи. Безоружность въ этомъ случаѣ не даетъ ясности; она, напротивъ того, есть заслоняющая тѣнь вокругъ правъ *Финляндскаго государства*».

Несмотря на понятную сдержанность, какую должны были наблюдать въ своихъ рѣчахъ сеймовые депутаты, изъ приведенныхъ словъ для всякаго становится ясно, какія имѣлись цѣли при учрежденіи Финской арміи и противъ какого врага она предназначалась въ мысляхъ охранителей правъ *Финляндскаго государства.*

Финляндцы сдѣлали все, что могли, для того, чтобы эти цѣли были достигнуты наилучшимъ образомъ. Прежде всего они позаботились дать воинской повинности такой видъ, что она изъ всего Финляндскаго мужского населенія создаетъ вооруженный народъ. Къ отбыванію воинской повинности ежегодно призываются *всѣ* Финляндцы, достигшіе 21 года и способные носить оружіе. Одни изъ нихъ, по жребію, зачисляются въ дѣйствующее войско, другіе въ запасъ. Въ дѣйствующемъ войскѣ срокъ службы полагается только три года, а въ запасѣ пять лѣтъ. Отслужившіе въ дѣйствующемъ войскѣ три года переводятся также въ запасъ на два года, образуя тамъ инструкторовъ. Зачисленные же прямо въ запасъ ежегодно призываются въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ для военныхъ упражненій, въ общей сложности въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Для окончившихъ курсъ въ высшихъ народныхъ школахъ, гимназіяхъ и университетѣ срокъ дѣйствительной службы сокращается на одинъ, полтора и два года. Всѣ окончившіе службу въ запасѣ переводятся, до 40-лѣтняго возраста, въ ополченіе, которое вооружается лишь тогда, когда непріятель вступитъ въ Финляндію. Такимъ образомъ *каждый* Финляндецъ (за исключеніемъ весьма немногихъ категорій) обязанъ пройти или чрезъ дѣйствующее войско, или чрезъ запасъ. Въ этомъ послѣднемъ онъ обучается военному дѣлу, подъ руководствомъ инструкторовъ, въ теченіе 90 дней, что вполнѣ

достаточно для обученія стрѣльбѣ, необходимымъ маневрированіямъ и построеніямъ, въ случаѣ надобности, полевыхъ прикрытій. Затѣмъ каждый Финляндецъ, не достигшій еще 40 лѣтъ, обязанъ явиться на защиту Финляндскаго отечества, въ случаѣ вступленія въ него непріятеля. Въ военное время изъ запаса берется потребное число людей, для укомплектованія дѣйствующаго войска. Финляндская армія назначается только для защиты своего Финляндскаго отечества. При сказанномъ устройствѣ Финляндскаго войска, оно пропускаетъ чрезъ свои ряды все мужское населеніе Финляндіи и быстро образуетъ огромный запасъ людей, освоенныхъ съ военнымъ дѣломъ, такъ что это войско имѣетъ характеръ всенародной милиціи. Научившись владѣть оружіемъ, Финляндскіе милиціонеры живутъ затѣмъ одною жизнью съ народомъ, раздѣляя его симпатіи и антипатіи. При крайне пересѣченной мѣстности этой страны, удобной для засадъ и прерыва непріятелю сообщеній, и при поддержкѣ всего населенія, здѣсь каждый туземный стрѣлокъ будетъ стоить десяти человѣкъ. Въ 1890 году сочтено было полезнымъ увеличить Финляндское національное войско сформированіемъ драгунскаго полка, для котораго лошади доставлены были, по самой дешевой цѣнѣ, изъ нашей кавалеріи. Для того, чтобы строжайше изолировать Финляндскую армію отъ Русскаго войска и укрыть ея духъ, а въ случаѣ войны и ея дѣйствія, отъ глазъ высшаго Русскаго военнаго начальства, постановлено было безусловно закрыть доступъ въ нее Русскимъ офицерамъ и генераламъ, и не допускать включенія ея въ общія военно-окружныя управленія Имперіи. Сказанными средствами Финляндцы надѣялись вполнѣ достигнуть цѣлей, высказанныхъ въ вышеприведенныхъ рѣчахъ ихъ политическихъ руководителей, именно: «чтобы воля страны принималась во вниманіе, чтобы прекращено было теперешнее подчиненное политическое положеніе Финляндіи, чтобы со стороны другого государства не допускалось никакого вмѣшательства въ ея внутреннее прогрессивное шествіе, чтобъ она была избавлена отъ глубокаго униженія видѣть у себя Русскія войска содержащими караулы, чтобы ея военная сила была устроена на конституціонномъ началѣ, однимъ словомъ, чтобъ она изъ безоружной и покровительствуемой страны превратилась въ вооруженнаго союзника». Для того, чтобы закрѣпить за Финляндіей всѣ эти пріобрѣтенія, сеймъ и ходатайствовалъ, чтобы они были признаны основнымъ закономъ и не подлежали уже впредъ никакимъ измѣненіямъ или отмѣнамъ безъ согласія самого сейма въ полномъ его составѣ. По мнѣнію Финляндскихъ властей, цѣль эта достигнута; но читатель уже знаетъ, какъ въ этомъ случаѣ императоръ Александръ II-й былъ введенъ въ обманъ двойственнымъ смысломъ ст. 71-й Сеймоваго Устава, которую впослѣдствіи

Финляндскіе правители стали истолковывать буквально въ смыслѣ Уложенія комиссіи Норденстама, отвергнутаго Императоромъ.

Мы не будемъ говорить о другихъ возможныхъ послѣдствіяхъ сказаннаго, нигдѣ небывалаго въ мірѣ устройства отдѣльной областной арміи, – послѣдствіяхъ, могущихъ обнаружиться, когда измѣнчивое военное счастіе обернется не въ нашу сторону въ случаѣ новаго, весьма возможнаго столкновенія Россіи съ Европейскою коалиціей. Всякому понятно, что никакая держава не станетъ вести войны съ Финляндіею; война можетъ быть только съ Россіею, при чемъ театромъ ея можетъ стать и Финляндія. Само собою разумѣется, что защищать Россію съ этой стороны придется не одному Финляндскому войску, которое слишкомъ слабо для того, чтобы бороться съ Европейскою коалиціей. Защищать Россію придется Русской арміи и Русскому флоту, а Финляндцы могли бы быть только помощниками Русскихъ въ защитѣ общаго государства. Но въ такомъ случаѣ они должны составлять не отдѣльное войско, организованное и управляемое совершенно иначе, чѣмъ Русское, и изъ котораго всякій Русскій элементъ строго изгнанъ, а должны входить въ составъ Русской арміи, безъ чего единство дѣйствій Русскихъ и Финляндцевъ немыслимо. Едва ли можно спорить противъ такой элементарной истины. А если это такъ, то спрашивается: въ виду какого же непріятеля понадобилось Финляндцамъ войско, не только совершенно изолированное отъ Русской арміи, но прямо поставленное къ ней во враждебное положеніе, такъ что ни одинъ офицеръ или генералъ Русской арміи, если онъ не прирожденный Финляндецъ, не допускается въ ряды Финляндскаго войска, тогда какъ такого запрета для Русскихъ не существуетъ ни въ какомъ другомъ войскѣ въ мірѣ? Со времени Петра Великаго и до нашихъ дней Русскіе офицеры и юнкера служили въ арміяхъ и флотахъ всѣхъ Европейскихъ державъ. Между тѣмъ Финляндцамъ широко раскрыты двери въ Русскія войска и во всѣ Русскія военныя и гражданскія учрежденія, гдѣ они часто дѣлаютъ блестящія карьеры. Финляндскіе офицеры, безъ всякихъ формальностей, могутъ тѣмъ же чиномъ переходить въ Русскіе полки. Много дѣтей Финляндцевъ воспитывается на казенный счетъ въ Русскихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и много Финляндскихъ семействъ получаетъ пенсіи изъ Русской казны. Финляндскіе врачи пользуются свободною практикой въ Россіи. Тысячи Финляндцевъ, безъ малѣйшихъ стѣсненій, находятъ себѣ занятія на всѣхъ поприщахъ частной дѣятельности въ Россіи и нерѣдко составляютъ себѣ состоянія, о которыхъ они не смѣли бы и мечтать на своей родинѣ. Въ благодарность за такую широкую равноправность со стороны Рос-

сіи, Русскимъ уроженцамъ закрыты двери всѣхъ Финляндскихъ учрежденій и Финляндскихъ школъ; имъ запрещено строить въ Финляндіи желѣзныя дороги и служить на Финляндскихъ судахъ; Русскіе врачи не могутъ свободно практиковать въ Финляндіи, такъ что тамошнія аптеки отказывались принимать рецепты даже знаменитаго Боткина, проживавшаго тамъ на дачѣ. Русскіе офени, или коробейники, немедленно изгоняются изъ предѣловъ Финляндіи, какъ только попадутся на глаза тамошнимъ полицейскимъ служителямъ. Спрашивается: для чего понадобилось Финляндцамъ такое поголовное изгнаніе Русскихъ гражданъ со всѣхъ поприщъ мѣстной службы и мѣстной дѣятельности, притомъ изгнаніе, прямо нарушающее и какъ бы бравирующее цѣлый рядъ высочайшихъ повелѣній, предоставившихъ Русскимъ людямъ полное право служить въ Финляндіи? Цѣль этихъ изгнаній слишкомъ понятна даже изъ того, что высказано было открыто ораторами Финляндскаго сейма 1877 — 1878 года, именно—освободиться такъ или иначе отъ Русской власти, а для этого приготовиться должнымъ образомъ въ ожиданіи могущихъ произойти событій, благопріятныхъ для Финляндскихъ сепаратистовъ, мечтающихъ только о томъ, чтобы, сбросивъ Русскую власть, самимъ, безъ всякой уже помѣхи и опаски, управлять судьбою двухъ милліоновъ Финскаго народа.

Въ ожиданіи тѣхъ же благопріятныхъ событій Финляндцы уже нѣсколько лѣтъ настойчиво добиваются разрѣшенія имъ продолжить желѣзную дорогу отъ Улеаборга до Торнео, чтобы такимъ образомъ сомкнуть сѣть Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ со Шведскою стратегическою желѣзной дорогой, упирающеюся въ Хапаярви и построенною въ 1890 г. на случай войны Швеціи съ Россіею. Петиція о продленіи желѣзной дороги до Торнео была подана еще на сеймѣ 1891 года; но вслѣдъ затѣмъ на это домогательство и его несомнѣнную цѣль было указано въ вышедшей въ томъ же году моей книгѣ «Финляндскій современный вопросъ» (стр. 208 — 209), и сказанная петиція была отвергнута въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ III, по представленію Финляндскаго генералъ-губернатора. Не смотря на это, тоже домогательство предположено было возбудить вторично на сеймѣ 1896 года, какъ оповѣстили тогда о томъ Финляндскія газеты. На этотъ замыселъ также было мною указано, еще до открытія сейма, въ моей статьѣ «Какъ проведенъ былъ Финляндцами Уставъ 1878 г. о воинской повинности», напечатанной въ Іюльской книжкѣ Московскаго журнала «Русское Обозрѣніе» и вслѣдъ за тѣмъ перепечатанной особою брошюрой. Сколько извѣстно, замыселъ Финляндцевъ не удался и на этотъ разъ. Для незначительныхъ торговыхъ сношеній Финляндіи со

Швеціею существуетъ дешевый морской путь, и нѣтъ повидимому никакой цѣли проводить дорого стоющую желѣзную дорогу въ пустыни Лапландіи. Но эта дорога свяжетъ Шведскую военно-стратегическую желѣзную дорогу со всею сѣтью Финляндскихъ дорогъ, отъ Торнео до Сестрорѣцка и далѣе въ глубь страны, до Куопіо, Сердоболя и Іоэнсуу. На этой сѣти лежатъ важнѣйшіе стратегическіе пункты.

Дарованіе сейму права непосредственнаго предложенія законовъ.

Новый немаловажный успѣхъ для расширенія полномочій сейма пріобрѣтенъ Финляндцами съ изданіемъ манифеста 13 Іюня 1886 года о предоставленіи земскимъ чинамъ права непосредственнаго предложенія законовъ. Еще на первомъ въ царствованіе императора Александра III-го сеймѣ 1882 года земскимъ чинамъ былъ сообщенъ проектъ закона по сему предмету, составленный Сенатомъ въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для Финляндскихъ цѣлей. При семъ въ тронной рѣчи была выражена увѣренность въ Бозѣ почившаго Императора, что земскіе чины Финляндіи сумѣютъ разумно воспользоваться столь важнымъ правомъ и оправдаютъ это новое доказательство его довѣрія и благоволенія къ Финляндскому народу. Не смотря на сіе, сеймъ почелъ нужнымъ облечь предложенный законъ въ форму договора между Монархомъ и земскими чинами, на подобіе Сеймоваго Устава 1869 года. Въ началѣ закона сеймъ прибавилъ: «Мы, нижеподписавшіеся земскіе чины Великаго Княжества Финляндскаго, представители Финляндскаго народа, графы, бароны, епископы, рыцарство и проч., объявляемъ чрезъ сіе» и т. д.; а въ концѣ прибавлено: «для вящшаго же удостовѣренія засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили мы сіе подписью нашихъ именъ и приложеніемъ нашихъ печатей» и т. д. Эта договорная форма и была причиной, что законъ сей не удостоился высочайшаго утвержденія. Но потомъ слѣдующему сейму 1884 года тотъ же законъ опять былъ предложенъ въ его первоначальномъ видѣ, т.-е. въ формѣ манифеста, и по принятіи его сеймомъ уже безъ всякихъ вставокъ, былъ высочайше утвержденъ 13 Іюня 1886 года.

На основаніи сего закона (§ 51 Сеймоваго Устава въ новой редакціи), «земскіе чины, сверхъ предоставленнаго имъ предъ симъ права петиціи, впредъ имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ *такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами.* Не могутъ быть однако возбуждаемы предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ

или законовъ объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, а также законовъ о печати. Если земскіе чины, по поводу возбужденнаго предложенія, рѣшатъ принять новый, а также измѣнить или отмѣнить прежній законъ, то должны представить о семъ проектъ Государю Императору и Великому Князю. Въ случаѣ одобренія проекта земскихъ чиновъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, имѣетъ быть издано постановленіе *дословно согласное съ этимъ проектомъ.* Если же проектъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ не можетъ быть одобренъ *въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій,* о чемъ, по повелѣнію Государя Императора и Великаго Князя, земскимъ чинамъ сообщается не позже ближайшаго сейма». Въ этотъ законѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе начальныя слова: «земскіе чины имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ *такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами*». По толкованію Финляндцевъ, § 71-й Сеймоваго Устава требуетъ совокупнаго рѣшенія Монарха и земскихъ чиновъ для изданія или измѣненія *основныхъ* законовъ; теперь же, въ сказанномъ законѣ о правѣ предложеній, подставлены слова, дающія возможность утверждать, что, кромѣ основныхъ законовъ, есть и какіе-то «*общіе законы*, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора съ земскими чинами». Гдѣ и когда установлено столь важное правило, чрезвычайно расширяющее полномочія, дарованныя сейму Уставомъ 1869 года, и въ такой же мѣрѣ суживающее права Верховной власти? Мы опять встрѣчаемся здѣсь съ пріемомъ, систематически повторяемымъ Финляндцами — неожиданно и какъ бы мимоходомъ вставлять въ подносимыя на высочайшее утвержденіе законоположенія такія выраженія, смыслъ которыхъ съ перваго раза не остановитъ вниманія того, кто не искусился въ законодательной кодификаціи и не предупрежденъ быть насторожѣ, но которымъ потомъ можно будетъ дать такое толкованіе, которое разомъ приблизитъ дѣло къ намѣченной цѣли. Такъ и приведенныя выше вставочныя слова закона 13 Іюня 1886 года, не имѣющія непосредственной связи съ самымъ этимъ закономъ, разрослись потомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми прежними подобными же вставками, въ цѣлую теорію о сеймѣ, какъ о второй Верховной власти Финляндіи. Цѣль приведеннаго закона вполнѣ была бы достигнута, если бы въ немъ просто было сказано, что земскимъ чинамъ предоставляется право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ общихъ законовъ. Вставка же: «такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора съ

земскими чинами», очевидно понадобилась только для того, чтобы, пользуясь симъ удобнымъ случаемъ, провести, хотя бы между строкъ, неудавшіяся попытки комитета Норденстама (§ 40 проекта Уложенія). Достойно также вниманія вступленіе къ закону о правѣ предложеній: вмѣсто того, чтобы прямо сказать, что, во исполненіе выраженнаго императоромъ Александромъ II-мъ намѣренія, постановляется слѣдующее, редакторы манифеста приплели сюда совершенно ненужное для настоящаго дѣла, но нужное для дальнѣйшихъ Финляндскихъ цѣлей указаніе на Актъ соединенія и охраненія, какъ на законъ, будто бы и доселѣ сохраняющій свою силу, и придали этому вступленію такую неудобопонятную редакцію, что распутать его смыслъ невозможно безъ особыхъ комментаріевъ. Разсчетъ Финляндцевъ очевидно тотъ, что чѣмъ неожиданнѣе будутъ эти побочныя вставки и чѣмъ туманнѣе будутъ онѣ выражены, тѣмъ больше вѣроятія, что онѣ пройдутъ, не встрѣтя никакихъ возраженій.

Учрежденіе втораго комитета (Вейсенберга) для кодификаціи такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи и подробный разборъ составленнаго имъ проекта.

Вопросъ объ изданіи свода такъ-называемыхъ основныхъ узаконеній Финляндіи, пріостановленный въ своемъ выполненіи императоромъ Александромъ II-мъ, былъ снова выдвинутъ на сцену въ 1884 году, но на этотъ разъ противъ желанія Сената, который возражалъ противъ кодификаціи законовъ, не желая, очевидно, въ другой разъ выкладывать разомъ всѣ свои карты. Онъ придумалъ другой, болѣе вѣрный способъ для осуществленія Финляндскихъ надеждъ—учрежденіе при Сенатѣ особаго законодательнаго комитета, который разработывалъ бы всѣ поступающіе на разсмотрѣніе Сената законопроекты и шагъ за шагомъ велъ бы дѣло къ намѣченной цѣли, какъ и поступали Финляндцы съ 1863 года. Хотя, по ходатайству Сената, такой комитетъ и былъ учрежденъ въ 1884 году, но вслѣдъ затѣмъ, по представленію Финляндскаго генералъ-губернатора и по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Бруна, высочайше повелѣно было 9 Іюня 1884 года учредить, опять-таки изъ однихъ Финляндцевъ, особый комитетъ, «съ порученіемъ ему составить систематическій сводъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся *къ государственному праву Финляндіи*, съ присовокупленіемъ примѣчаній о томъ, что въ практикѣ права стало дѣйствовать въ замѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ *основныхъ* законоположеній». Здѣсь опять употреблено загадочное выраженіе «основныя законоположенія», очевидно съ тою цѣлію, чтобы потомъ этому слову придать значеніе Шведскихъ кон-

ституціонныхъ законовъ прошлаго столѣтія. Такъ именно и будетъ поступлено при исполненіи этого высочайшаго повелѣнія. Комитетъ, о которомъ говорилось въ этомъ повелѣніи, былъ учрежденъ въ 1885 году подъ предсѣдательствомъ Вейсенберга. Особой программы ему не было дано; но въ началѣ его занятій ему было разъяснено министромъ статсъ-секретаремъ, что работа его должна ограничиться сводомъ только *основныхъ* законоположеній, а не всѣхъ вообще узаконеній, имѣющихъ отношеніе къ государственному праву. Этимъ разъясненіемъ еще больше развязывались руки комитету въ томъ смыслѣ, что подъ основными законами онъ долженъ понимать не особое провинціальное устройство Финляндіи въ административномъ и судебномъ отношеніи, а именно политическіе основные законы, т.-е. законы, опредѣляющіе составъ и права Верховной власти и способы ихъ осуществленія.

Второй комитетъ, окончившій свою работу въ 1889 году, изложилъ ее въ двухъ частяхъ, которымъ далъ названіе: 1) проектъ Формы правленія для Великаго Княжества Финляндіи, и 2) проектъ сословныхъ привилегій. Эти проекты основаны на тѣхъ же двухъ главныхъ положеніяхъ, на которыхъ былъ построенъ и проектъ перваго комитета, отвергнутый покойнымъ Императоромъ, т.-е. что Финляндія есть автономное государство, соединенное съ Россіей лишь единствомъ царствующаго государя, и что основными ея законами служатъ Шведскіе конституціонные законы прошлаго столѣтія. Но въ развитіи этихъ основныхъ началъ второй комитетъ пошелъ еще дальше перваго относительно ограниченія правъ Русскаго Монарха и обособленія Финляндіи отъ Россіи. Комитетъ сопроводилъ свои проекты мотивами къ онымъ, которые излагаютъ мнимыя юридическія основы не только этого второго проекта, но всѣхъ доселѣ представленныхъ Финляндцами кодификаціонныхъ проектовъ, такъ какъ по существу своему они совершенно одинаковы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти мотивы рисуютъ полную картину нынѣшняго политическаго ученія Финляндцевъ и тѣхъ домогательствъ, которыя они изъ него выводятъ. Поэтому постатейный разборъ второго проекта съ его мотивами будетъ равносиленъ подробному разбору и слѣдующихъ за нимъ двухъ кодификаціонныхъ проектовъ.

Въ своемъ проектѣ второй комитетъ почти исключительно ссылается, какъ на дѣйствующіе будто бы въ Финляндіи законы, на Форму правленія, Актъ соединенія и другіе, еще болѣе старинные Шведскіе законы, а изъ законовъ, явившихся при Русскомъ правительствѣ, упоминаетъ только о тѣхъ, которые изданы при содѣйствіи сейма. Всѣ другія узаконенія, постановленныя Русскою Верховною властью въ эти 80 лѣтъ, комитетъ вычеркиваетъ изъ дѣйствующаго въ Финляндіи за-

конодательства, не смотря на то, что особое привилегированное положеніе, которымъ пользовалась Финляндія въ эти 80 лѣтъ, основывалось именно на законахъ, постановленныхъ или подтвержденныхъ (Общ. Улож. Швеціи 1734 г.) Русскими монархами уже по завоеваніи Финляндіи, а не на Шведскихъ конституціонныхъ законахъ, вовсе не примѣнявшихся Русскимъ правительствомъ къ этой области. Составители проекта не стѣсняясь заявляютъ въ мотивахъ къ проекту Формы правленія, что въ него потому не включены постановленія, изданныя Русскими монархами съ 1809 по 1863 г., что они были введены безъ согласія сейма, въ нарушеніе того порядка, который, по ихъ мнѣнію, долженъ быть соблюдаемъ въ Финляндіи примѣнительно къ порядку законодательства, существовавшему въ Швеціи (при разборѣ проекта по статьямъ, будутъ указаны страницы мотивовъ, гдѣ приводится этотъ доводъ). Такимъ образомъ Финляндскіе законовѣды собственною властью вычеркиваютъ изъ исторіи и законодательства Финляндіи цѣлыхъ 54 года, какъ бы не существовало ни побѣдоносной для Русскаго оружія войны 1808—1809 гг., ни Фридрихсгамскаго трактата, включившаго Финляндію въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи, ни двухъ продолжительныхъ царствованій, въ теченіе которыхъ изъ года въ годъ были издаваемы для Финляндіи, по непосредственному распоряженію верховной власти, новыя узаконенія, составившія съ 1809 по 1859 годъ семнадцать томовъ Сборника постановленій Великаго Княжества. Всѣ тѣ изъ числа этихъ узаконеній, которыя противорѣчатъ новому ученію о Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ, Финляндскими законовѣдами не признаются и упраздняются, какъ неосвященныя согласіемъ земскихъ чиновъ Финляндіи, и эта Русская область, чрезъ пространство цѣлаго столѣтія, прямо примыкается къ политическому строю Швеціи конца прошлаго вѣка. Въ мотивахъ къ Формѣ правленія составители проекта прежде всего разъясняютъ, что̀ слѣдуетъ признавать дѣйствующими основными законами Финляндіи, и для этого дѣлаютъ перечень основныхъ законовъ Швеціи, начиная съ XIV вѣка, отмѣчая, какіе изъ этихъ законовъ должны, по ихъ мнѣнію, признаваться дѣйствующими основными законами Финляндіи (стр. 1—12). Затѣмъ, въ самомъ проектѣ Формы правленія, они по своему произволу выбираютъ статьи изъ старыхъ Шведскихъ законовъ, отыскивая между ними такія, которыя давали бы предлогъ къ возможно большему ограниченію власти Русскаго Монарха въ дѣлахъ законодательства и управленія. Не говоря уже о несообразности общей мысли отыскивать дѣйствующіе въ Финляндіи основные законы въ Шведскомъ законодательствѣ прежнихъ вѣковъ, всѣ разсужденія комитета на эту тему и дѣлаемый имъ подборъ статей есть

сплошная цѣпь произвольныхъ измышленій и вопіющихъ противорѣчій со всею исторіей Финляндскаго законодательства за эти 80 лѣтъ.

Задавшись цѣлью сочинить для Финляндіи новую Форму правленія, на подобіе Шведской Формы правленія 1772 года, комитетъ усвоиваетъ Русской провинціи Финляндіи суверенныя права самостоятельнаго государства, и изъ всѣхъ основныхъ законовъ Имперіи признаетъ имѣющимъ силу для Финляндіи только законъ о порядкѣ престолонаслѣдія (см. проектъ Формы правленія §§ 1 и 2 и мотивы къ сему проекту, стр. 21, 22, 43 и другія [1]). Финляндскому Сенату, который, на основаніи его Регламента (§ 20), «не можетъ употреблять другой власти, кромѣ той, которая Его Императорскимъ Величествомъ оному предоставлена», комитетъ придалъ значеніе верховнаго правительства въ автономномъ государствѣ, замѣняющаго власть отсутствующаго государя (§ 18 проекта Формы правленія), на томъ основаніи, что по § 37-му Шведской Формы правленія 1772 года, въ случаѣ отсутствія короля изъ государства, управленіе королевствомъ ввѣрялось государственнымъ совѣтникамъ, назначаемымъ для сего отъ короля. «Провозглашеніе Императора Россійскаго Великимъ Княземъ Финляндскимъ [2]), разсуждаетъ комитетъ въ мотивахъ къ § 18-му проекта (стр. 42—43), заключало въ себѣ со стороны Финляндскаго народа признаніе, что обладатель верховной власти въ Финляндіи послѣ этого можетъ имѣть резиденцію также и внѣ предѣловъ той территоріи, гдѣ дѣйствовало подтвержденное съ его стороны присягою [3]) Финское государственное устройство. То, что въ Шведскомъ государствѣ было исключеніемъ (т.-е. отсутствіе короля изъ страны), въ Финляндскомъ государствѣ стало правиломъ. Поэтому учрежденіе общаго управленія, въ качествѣ постояннаго государственнаго установленія, пребывающаго въ предѣлахъ страны, было лишь послѣдовательнымъ примѣненіемъ основныхъ началъ Формы правленія 1772 года къ новымъ отношеніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ обратилось въ правило, что монархъ имѣетъ резиденцію внѣ предѣловъ страны. Что такое правительство (т.-е. Сенатъ, замѣняющій отсутствующаго государя) необходимо учредить и содержать,

[1]) Параграфы проекта и страницы мотивовъ выставлены здѣсь по Русскому ихъ переводу, сдѣланному по распоряженію Финляндскаго генералъ-губернатора и напечатанному in 4° въ Гельсингфорсѣ въ 1889 году. Есть другое изданіе того же перевода, напечатанное in 8° въ Петербургѣ въ 1891 году.

[2]) Такого провозглашенія никогда не существовало и не могло существовать, ибо Русскій монархъ не былъ избранъ Финляндцами, а владѣетъ ими въ силу завоеванія.

[3]) Присяга императора Александра I-го есть также одна изъ множества выдумокъ Финляндскихъ историковъ и законовѣдовъ. Александръ I-й никогда не приносилъ и не могъ приносить присяги предъ Финляндцами, такъ какъ былъ завоевателемъ ихъ страны и полновластнымъ распорядителемъ ихъ судьбы.

это стало краеугольнымъ положеніемъ Финляндской конституціи съ того часа, когда императоръ Александръ I-й далъ свое удостовѣреніе, а сословія провозгласили его». До такой невѣроятной степени искажаются историческія событія Финляндскими законовѣдами! Они объясняютъ требованіемъ Шведскихъ законовъ даже учрежденіе Правительствующаго Совѣта, который, не имѣя никакого подобнаго себѣ установленія въ Шведскомъ королевствѣ, данъ былъ Финляндіи самодержавною волей Императора, и Регламентъ котораго, уже послѣ закрытія Боргоскаго сейма, былъ препровожденъ по высочайшей волѣ къ Финляндскому генералъ-губернатору Барклаю-де-Толли, «съ предоставленіемъ ему полной свободы предложить все, что онъ признаетъ нужнымъ, дабы учрежденіе это сдѣлалось дѣйствительно полезнымъ для блага страны» (Покореніе Финляндіи Ордина, II, 417). Одно уже то обстоятельство, что предсѣдателемъ Правительствующаго Совѣта назначался въ Регламентѣ генералъ-губернаторъ Финляндіи, тогда какъ, по § 33-му Шведской Формы правленія, въ Швеціи не допускалось никакихъ генералъ-губернаторовъ внутри государства, доказываетъ, что Шведскіе законы были не при чемъ при учрежденіи этого Совѣта. Высочайшая инструкція, данная прокурору Сената 31 Января 1812 года и дополнявшая нѣкоторыя существенныя стороны Регламента, также не могла бы быть издана безъ согласія сейма, если бы императоръ Александръ признавалъ въ силѣ прежніе Шведскіе законы. Изъ того, что въ Уставѣ о воинской повинности 1878 года на Сенатъ возложены разныя обязанности въ отношеніи Финскаго войска, сочинители проекта заключаютъ, «что эти обязанности достались Сенату на основаніи его общихъ правительственныхъ правъ, и что слѣдовательно характеръ Сената, *какъ правительства страны*, выраженъ также въ этихъ постановленіяхъ» (Мотивы, стр. 52—53). Въ мотивахъ, на стр. 108, комитетъ, повторяя свое прежнее утвержденіе, что Сенатъ олицетворяетъ собою полноту государственной власти прежняго Шведскаго государственнаго совѣта, когда онъ замѣнялъ собою отсутствующаго короля, выводитъ отсюда заключеніе, что «частичная передача правительственной власти какому-либо иному учрежденію, кромѣ Сената, не можетъ имѣть мѣста»; другими словами, что Русскій монархъ не въ правѣ отдѣлить отъ Сената какую-либо часть его теперешняго вѣдѣнія и передать ее другому учрежденію. Наконецъ, въ § 62-мъ сочинители проекта предоставляютъ право созывать сеймъ, кромѣ Императора, тому, «кто уполномоченъ вмѣсто него управлять страной», другими словами Сенату, представляющему собой, по толкованію комитета, замѣстителя отсутствующаго Государя. Излишне пояснять, какія могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, произойти послѣдствія отъ такого сосредоточенія верховной власти въ

рукахъ Сената и собравшагося по его призыву сейма. Учрежденіе Сената составители проекта отнесли къ основнымъ законамъ, вопервыхъ, на томъ основаніи, что Регламентъ Правительствующаго Совѣта былъ будто бы изданъ съ утвержденія Боргоскаго сейма, какъ это предписывалось Шведскими законами, и потому не можетъ быть измѣняемъ единоличною властью Императора и, вовторыхъ, потому, что о Сенатѣ упоминается въ новѣйшемъ основномъ законѣ, т.-е. въ Сеймовомъ Уставѣ 1869 года (Мотивы къ Формѣ правленія, стр. 5—12). Что Боргоскій сеймъ имѣлъ чисто-совѣщательный характеръ и что Регламентъ Правительствующаго Совѣта былъ во многомъ измѣненъ уже послѣ предъявленія его сейму, и слѣдовательно изданъ непосредственно высочайшею властью, это суть факты, документально доказанные въ сочиненіи Ордина «Покореніе Финляндіи». Кромѣ того, Регламентъ Сената и въ послѣдующее время многократно подвергался разнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ въ порядкѣ верховнаго управленія, т.-е. по высочайшимъ манифестамъ и постановленіямъ, напримѣръ 2 Іюня 1826 года, 28 Ноября 1857 года, 28 Ноября 1859 года и 22 Февраля 1869 года. Что же касается упоминанія о Сенатѣ въ Сеймовомъ Уставѣ, то упоминаніе это встрѣчается въ слѣдующихъ четырехъ мѣстахъ: въ § 31 сказано, что членъ Сената не можетъ быть членомъ которой-либо изъ сеймовыхъ комиссій; въ § 40 сказано, что сеймовыя комиссіи, въ случаѣ надобности въ справкахъ, обращаются къ предсѣдателю Сената съ просьбой предписать кому слѣдуетъ о доставленіи справки; въ § 47 говорится, что предсѣдатель и члены Сената имѣютъ право присутствовать въ совокупномъ собраніи сословій; наконецъ, въ § 50 сказано, что повелѣнія и предложенія Императора, которыя не были переданы сословіямъ при открытіи сейма, сообщаются ему чрезъ одного изъ сенаторовъ. Вотъ изъ какихъ упоминаній о Сенатѣ комитетъ выводитъ, что учрежденіе Сената должно быть признано основнымъ закономъ, т.-е. такимъ, для измѣненія котораго, по толкованію Финляндцевъ, требуется согласіе сейма. Изъ тѣхъ же упоминаній о Сенатѣ сочинители Формы правленія выводятъ, что «законодатель понималъ Сенатъ, какъ учрежденіе, представляющее Императора и Великаго Князя, и какъ высшую административную власть въ странѣ, съ принадлежащимъ ей правомъ повелѣвать всѣмъ должностнымъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ». (Мотивы, стр. 51—52). Съ такимъ же точно правомъ комитетъ могъ бы вывести изъ Сеймоваго Устава, что къ учрежденіямъ, существующимъ въ силу основнаго закона и представляющимъ Императора и Великаго Князя, принадлежатъ городовые магистраты (§ 12 Сеймоваго Устава), епархіальныя и университетскія консисторіи (§ 15), коронные фохты (§ 20) и пр;

ибо и объ этихъ учрежденіяхъ также упоминается въ Сеймовомъ Уставѣ. Сочинителямъ Формы правленія понадобилось признать Сенатъ «учрежденіемъ, существующимъ съ неприкосновенностью, сообщаемою основными законами» (стр. 8 мотивовъ), для того, чтобы упрочить на будущее время существованіе въ теперешнемъ видѣ этого высшаго Финляндскаго правительства, которое, купно съ Финляндскимъ Статсъ-Секретаріатомъ, болѣе всѣхъ другихъ причинъ содѣйствуетъ крайней обособленности Финляндіи отъ Россіи. Кромѣ того, въ сочиненной комитетомъ Формѣ правленія нельзя было обойтись безъ упоминанія о Сенатѣ, главномъ правительственномъ учрежденіи Финляндіи. Ради этихъ поводовъ, комитетъ долженъ былъ прибѣгнуть къ сказаннымъ натяжкамъ и несообразностямъ въ своихъ объясненіяхъ къ проекту. Но отнеся учрежденіе Сената къ числу основныхъ законовъ Финляндіи, комитетъ не могъ упустить изъ вида, что § 15-й этого учрежденія находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми Шведскими законами, которые онъ кладетъ въ основу дѣйствующаго теперь въ Финляндіи государственнаго права, такъ какъ въ этомъ параграфѣ прямо сказано, что «непосредственно высочайшей власти принадлежатъ: изъятіе изъ законоположеній, пожалованіе казенныхъ имѣній и доходовъ, и вообще все, что по существующимъ узаконеніямъ отъ особеннаго и непосредственнаго повелѣнія монаршей воли зависитъ». Однако комитетъ нашелъ весьма простое средство выйти изъ этого затрудненія, именно онъ заявляетъ, что означенный параграфъ Регламента Сената «плохо составленъ, и что употребленное въ немъ слово «узаконенія», очевидно, неточно» (стр. 44—45 мотивовъ); но затѣмъ, путаясь въ мысляхъ и словахъ, не даетъ никакой разгадки сказаннаго противорѣчія. О параграфахъ же 16 и 18 Учрежденія Сената, гласящихъ, что наложеніе новыхъ податей, назначеніе чрезвычайныхъ расходовъ и поясненіе существующихъ законовъ относятся также къ непосредственной власти Императора, комитетъ почелъ за лучшее вовсе умолчать въ своихъ мотивахъ, такъ какъ не представляется никакой возможности согласить эти параграфы съ основными Шведскими законами прошлаго столѣтія.

Изъ того, что, на основаніи § 32 Формы правленія 1772 года, Шведскія коллегіи были «обязаны давать королю отчетъ въ своихъ занятіяхъ, когда онъ того потребуетъ, и предъ нимъ только были отвѣтственны за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей» (это значило, что коллегіи не отвѣтственны предъ Государственнымъ Совѣтомъ, какъ было въ періодъ вольницы), а по § 4 той же Формы правленія государственные совѣтники были «подчинены единственно королю и

только предъ нимъ отвѣтственны за свои дѣйствія», сочинители Формы правленія вводятъ въ § 21 своего проекта, что «Сенатъ за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей отвѣтственъ только предъ Императоромъ и Великимъ Княземъ». Другими словами, это значитъ, что Императоръ не можетъ повелѣть уполномоченнымъ отъ него лицамъ разслѣдовать дѣйствія Финляндскихъ сенаторовъ и, въ случаѣ обнаруженныхъ съ ихъ стороны преступленій, судить ихъ по законамъ Имперіи, какъ подданныхъ Русскаго императора. Ссылки на Шведскія коллегіи и государственныхъ совѣтниковъ совершенно неумѣстны, когда дѣло касается Императорскаго Финляндскаго Сената, не имѣющаго съ ними никакого сходства.

Въ § 22 проектъ постановляетъ, что «Сенатъ долженъ имѣть свое мѣстопребываніе внутри страны», ссылаясь при этомъ на введеніе къ Регламенту Правительствующаго Совѣта, на § 1 онаго и на § 37 Формы правленія 1772 года. Но въ Регламентѣ ровно ничего не говорится о мѣстопребываніи Совѣта, а въ § 37 Формы правленія сказано только о назначеніи государственныхъ совѣтниковъ для управленія королевствомъ, въ случаѣ болѣзни или продолжительнаго отсутствія короля. Изъ протоколовъ дворянскаго сословія, веденныхъ на Боргоскомъ сеймѣ, видно, что сами сеймовые депутаты полагали тогда, что Правительственный Совѣтъ будетъ имѣть свое пребываніе въ Петербургѣ. Даже Спренгпортенъ, уже послѣ помѣщенія Совѣта въ Або, представлялъ въ особомъ всеподданнѣйшемъ меморіалѣ о переведеніи его въ Петербургъ.

§ 24-й проекта постановляетъ, что въ члены Сената Императоръ можетъ назначать только «урожденныхъ Финскихъ людей», и основываетъ это требованіе на §§ 4 и 37 Формы правленія и на § 5 Регламента Правительствующаго Совѣта. Но приведенные параграфы Шведской Формы правленія не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ этому правилу, а въ § 5 Регламента сказано только, что «одна половина членовъ Совѣта избирается изъ дворянства, а другая изъ прочихъ сословій Финляндіи». Такъ какъ въ числѣ Финляндскаго дворянства и прочихъ сословій могутъ находиться и дѣйствительно находятся и приписанные въ Финляндіи Русскіе уроженцы, то ни откуда не слѣдуетъ, чтобъ они не могли быть назначаемы Императоромъ въ члены Сената, какъ постановляютъ сочинители Формы правленія. Напротивъ того, въ высочайшемъ манифестѣ 9 Февраля 1816 года (объ именованіи Правительственнаго Совѣта Сенатомъ), на который такъ любятъ въ другихъ случаяхъ ссылаться Финляндскіе законовѣды, сказано, что въ члены Сената императоръ Александръ I-й обѣщаетъ избирать «одинхъ только

коренныхъ Финляндцевъ, или *водворившихся тамъ и Финляндское гражданское право пріобрѣвшихъ*».

Въ § 29, говорящемъ о прокурорѣ Сената, составители проекта почли нужнымъ умолчать, что, на основаніи § 27 Учрежденія Сената, прокуроръ «подчиненъ непосредственно генералъ-губернатору»; напротивъ того, сославшись на § 15 Формы правленія 1772 года, гдѣ говорится, между прочимъ, что «канцлеру юстиціи надлежитъ смотрѣть за тѣмъ, какъ исполняются законы и постановленія и о семъ докладывать королевскому величеству», составители проекта приравниваютъ прокурора канцлеру юстиціи и также предоставляютъ ему непосредственно, помимо генералъ-губернатора, «представлять Императору и Великому Князю отчетъ объ отправленіи правосудія въ странѣ и о своей собственной дѣятельности». Но въ Швеціи канцлеръ юстиціи былъ сановникъ самостоятельный, не пріуроченный особо ни къ какому учрежденію и зависѣвшій только отъ короля. Самое названіе прокурора, не существовавшее въ Швеціи, было употреблено въ Регламентѣ при его передѣлкѣ, уже послѣ распущенія Боргоскаго сейма и заимствовано изъ Русскихъ законовъ; а въ текстѣ, предъявленномъ сейму, этотъ чиновникъ былъ названъ адвокатъ-фискаломъ, примѣнительно къ таковой же должности, существовавшей при Шведскихъ гофгерихтахъ. Упоминаемымъ § 29-мъ проекта значеніе генералъ-губернатора, какъ предсѣдателя Сената, и безъ того уже низведенное Регламентомъ 1809 года до одной формальности, окончательно уничижается. Высочайшею инструкціей прокурору, изданною въ 1812 году, ему предоставляется только доносить Императору о тѣхъ случаяхъ, когда Сенатъ или генералъ-губернаторъ въ чемъ-либо отступятъ отъ точной силы законовъ (§ 7).

Въ § 32 къ гофгерихту, который по проекту является «высшимъ судилищемъ въ судебныхъ дѣлахъ» (§ 30) *), примѣняется тоже правило, которое постановлено о Сенатѣ, т.-е. что за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей гофгерихтъ отвѣтствуетъ только предъ Императоромъ.

Евангелическо - лютеранское вѣроисповѣданіе проектъ признаетъ государственною (offentliga), т.-е. господствующею религіею страны (§ 5), и въ оправданіе этого ссылается, кромѣ старыхъ Шведскихъ законовъ, въ которыхъ такое правило было понятно и законно, еще на

*) А по § 18 проекта Сенатъ также завѣдуетъ высшимъ судомъ и расправой, какъ въ судебныхъ, такъ и въ хозяйственныхъ и прочихъ административныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ является нѣсколько учрежденій съ правами высшей судебной инстанціи: Сенатъ и гофгерихты.

извѣстную грамоту императора Александра І-го отъ 15 Марта 1809 года, изъ которой Финляндцы преимущественно выводятъ всѣ свои воображаемыя права. Но ничего подобнаго въ этой грамотѣ не содержится, а говорится только, что Императоръ «призналъ за благо утвердить и удостовѣрить религію» этой страны, или, какъ сказано въ ст 6-й Фридрихсгамскаго мирнаго трактата, «обезпечить, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры». Русская Верховная власть и во всѣхъ другихъ покоренныхъ Русскимъ оружіемъ областяхъ государства признаётъ свободное отправленіе ихъ религій; но правами господствующаго вѣроисповѣданія повсюду пользуется только православная религія, исповѣдуемая Русскими царями и Русскимъ народомъ, которые совокупными усиліями и жертвами создали Русское государство и поддерживаютъ его крѣпость и единство. Слѣдовательно и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, проектъ дѣлаетъ завѣдомо ложную ссылку на слова императора Александра І-го.

Въ земскомъ уложеніи Швеціи 1442 года существовалъ такъ-называемый отдѣлъ о королѣ, который есть сводъ древнѣйшихъ узаконеній Швеціи о королевской власти, когда въ ней существовалъ еще избирательный образъ правленія и когда избранный король обязывался объѣзжать всю страну для принесенія въ каждомъ округѣ присяги въ соблюденіи народныхъ вольностей. Это древнее Шведское законодательство, упраздненное почти всецѣло въ самой Швеціи въ эпоху присоединенія Финляндіи къ Россіи, комитетъ признаетъ дѣйствующимъ закономъ Финляндіи и ссылается на него во многихъ статьяхъ, которыми онъ ограничиваетъ власть Русскаго Монарха. Такъ, напримѣръ, изъ того, что по королевскому отдѣлу выборный Шведскій король обязывался при вступленіи на престолъ учинять присягу народу, комитетъ выводитъ требованіе, чтобы Императоръ, «при своемъ вступленіи въ управленіе, собственноручно подписывалъ удостовѣреніе сохранять твердо и ненарушимо въ полной силѣ религію Финляндіи и основные законы, а также тѣ привилегіи и права, какими каждое сословіе въ особенности и всѣ жители вообще пользуются согласно конституціи Финляндіи» (§ 3). Комитетъ въ своихъ мотивахъ (стр. 16—17) прибавляетъ, что хотя Шведскій король долженъ былъ повторять свою присягу и при коронованіи, тѣмъ не менѣе «комитетъ въ текстѣ законопроекта упомянулъ только о томъ удостовѣреніи, которое Монархъ *обязанъ* давать при своемъ вступленіи въ управленіе, но не внесъ постановленія о представленіи такого удостовѣренія также и при коронаціи». Комитетъ какъ бы считаетъ, что онъ этимъ сдѣлалъ нѣкото-

рое снисхожденіе въ пользу Русскихъ монарховъ, забывая даже, что въ Гельсингфорсѣ они не коронуются и потому, если бъ не было сдѣлано въ ихъ пользу сказаннаго снисхожденія, то имъ пришлось бы въ стѣнахъ Московскаго Успенскаго собора, предъ лицомъ избранныхъ чиновъ кореннаго Русскаго народа, представлять удостовѣреніе въ соблюденіи договора между Русскою Верховною властью и земскими чинами Финляндіи.

Въ королевскомъ отдѣлѣ земскаго уложенія воспрещалось выборному королю уменьшать что-либо для послѣдующаго короля изъ назначеннаго для содержанія короля Упсальскаго удѣла и другихъ казенныхъ имѣній. Потомъ, при наслѣдственной монархіи, частое нарушеніе этого постановленія раздачами земель въ ленное владѣніе членамъ королевской фамиліи вызвало сеймовое рѣшеніе 1650 года, по которому «государство должно всегда пребывать однимъ тѣломъ, подъ властью правящаго короля». Комитетъ, руководствуясь этими древними Шведскими узаконеніями и желая, какъ онъ говоритъ въ своихъ мотивахъ (стр. 18), выразить мысль «о недѣлимости государственной территоріи» Финляндіи, постановляетъ въ § 4 проекта, что «никакая часть Великаго Княжества не можетъ быть отъ него отдѣляема и что провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными подъ властью одного государя». Такъ какъ въ Россіи давно уже не существуетъ никакихъ леновъ или удѣловъ, то эта статья проекта сочинена очевидно на тотъ случай, если бъ Русское правительство вздумало исправить роковую ошибку императора Александра I-го и вновь слить съ Русскими губерніями старинное пріобрѣтеніе Россіи, Выборгскую губернію.

Въ § 10 комитетъ предписываетъ Государю, что онъ «*одинъ* управляетъ Финляндіею способомъ, указаннымъ въ § 2 сей Формы правленія», т.-е. «согласно съ сею Формою правленія и прочими законами Финляндіи». Это предписаніе комитетъ заимствовалъ изъ Формы правленія 1772 г., гдѣ сказано о королѣ (въ § 2), что «онъ и никто другой долженъ управлять государствомъ». Смыслъ этихъ словъ объясняется событіями, предшествовавшими изданію Формы правленія, и самымъ вступленіемъ въ оной, въ которомъ говорится, что сословія Шведскаго государства «по несчастному опыту узнали, что, подъ именемъ благородной свободы, нѣкоторые сограждане наши возвысились до господства, которое стало тѣмъ невыносимѣе, что, возникнувъ изъ своеволія, оно укрѣплялось корыстью и жестокостью и наконецъ получило поддержку отъ иноземной власти. Оно повергло бы насъ въ

величайшую опасность и могло бы привести государство къ той горькой участи, на какую указываютъ намъ исторія прежнихъ временъ и примѣры нашихъ сосѣдей». Въ предотвращеніе на будущее время такого самовластія Шведскаго высшаго дворянства, вырвавшаго всю власть изъ рукъ короля въ періодъ вольницы, предшествовавшій принятію Формы правленія 1772 г., въ ней и постановлено, что король, а никто другой, долженъ управлять государствомъ. Казалось бы, нѣтъ никакой надобности повторять это требованіе относительно Русскаго Государя, такъ какъ въ Россіи не существуетъ никакой олигархіи, которая, «возвысившись до господства, повергла бы страну въ величайшую опасность». Но комитетъ почелъ нужнымъ повторить въ § 10 проекта тоже требованіе очевидно для того, чтобы на него можно было сослаться въ томъ случаѣ, если бъ Верховною властью было признано необходимымъ, для прекращенія теперешней, столь вредной для государства отчужденности Финляндіи отъ общегосударственнаго управленія, поручить центральнымъ государственнымъ властямъ надзоръ и контроль за дѣйствіями Финляндскихъ провинціальныхъ учрежденій.

Въ § 16 Шведской формы Правленія 1772 г. сказано, что «всѣ комиссіи, депутаціи съ правомъ суда или экстраординарныя судилища съ этихъ поръ упраздняются, какъ средства, способствующія самодержавію и тираніи». Въ § 11 проекта буквально повторяется тоже правило, съ пропускомъ только послѣднихъ пояснительныхъ словъ. Въ мотивахъ же (стр. 26) комитетъ поясняетъ, что хотя сказанное запрещеніе въ старыхъ Шведскихъ законахъ «касалось судилищъ, учреждаемыхъ для особыхъ случаевъ, но, по его мнѣнію, оно направлено также вообще противъ учрежденія, безъ согласія сейма, спеціальныхъ судовъ для отправленія функцій, принадлежащихъ указаннымъ въ общемъ законѣ судебнымъ учрежденіямъ». Другими словами, въ случаѣ обнаруженія въ Финляндіи политическаго заговора, измѣны или посягательствъ на жизнь Русскихъ военнослужащихъ (единственныхъ тамъ охранителей Русской государственной власти), сказанною статьею проекта отъ Русскаго Императора отнимается право изъять эти дѣла изъ вѣдѣнія тамошнихъ слѣдователей и судовъ и поручить ихъ разслѣдованію и суду лицъ, облеченныхъ особымъ монаршимъ довѣріемъ.

Сочинители проекта до того простерли отрицаніе за Русскимъ Императоромъ всякихъ самостоятельныхъ правъ надъ Финляндіей, что даже такія общепризнанныя за всѣми монархами прерогативы, какъ «право начинать войну, заключать миръ и союзъ съ иностранными державами, имѣть верховную власть надъ военными силами и укрѣп-

леніями Финляндіи, въ уголовныхъ дѣлахъ миловать и освобождать отъ смертной казни и возводить въ Финляндское дворянское достоинство», выводять, въ §§ 12—14 проекта, изъ Формы правленія 1772 года и Акта соединенія 1789 г., а не изъ того, что Русскій Императоръ есть верховный обладатель этой, завоеванной безъ всякихъ условій области Россіи. Но даже и здѣсь проектомъ предусматривается случай, когда Финляндское рыцарство и дворянство могутъ, на основаніи Формы правленія 1772 г., отказать въ пріемѣ въ свою среду лицу, возведенному Императоромъ въ Финляндское дворянское достоинство (§ 14 проекта и стр. 26—27 мотивовъ). Относительно права Русскаго Монарха заключать договоры съ иностранными правительствами сочинители проекта также дѣлаютъ оговорку, что, «въ случаѣ заключенія договоровъ о дѣлахъ неполитическихъ, содержаніе договора не должно противорѣчить законамъ, явившимся при содѣйствіи сейма, въ противномъ же случаѣ всегда слѣдуетъ предварительно получить согласіе народнаго представительства».

Въ § 17 проектъ постановляетъ, что «всѣ дѣла, зависящія отъ собственнаго рѣшенія Императора, докладываются ему статсъ-секретарями, и ссылается здѣсь на § 21 Формы правленія 1772 года, тогда какъ тамъ ничего подобнаго не содержится, а говорится о составѣ и предметахъ вѣдомства 4-й государственной коллегіи или государственной канцеляріи. Хотя въ числѣ ея членовъ и упоминаются тамъ статсъ-секретари, но они, кромѣ названія, не имѣли ничего общаго съ Финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ, который есть учрежденіе единоличное, тогда какъ въ Швеціи было нѣсколько статсъ-секретарей, и они были чиновниками второстепеннаго ранга, наблюдавшими за дѣлопроизводствомъ въ государственной канцеляріи На основаніи Формы правленія (§ 8), король въ государственныхъ дѣлахъ выслушивалъ мнѣніе не статсъ-секретарей, а государственныхъ совѣтниковъ, высшихъ послѣ короля правительственныхъ лицъ, которые въ періодъ вольницы исхитили почти всю власть изъ рукъ короля. Но Актъ соединенія и охраненія 1789 г. (§ 1) освободилъ короля отъ обязанности выслушивать мнѣнія государственныхъ совѣтниковъ по какимъ бы то ни было дѣламъ; а вслѣдъ затѣмъ Густавъ III уничтожилъ и самый государственный совѣтъ. Стало быть даже въ старыхъ Шведскихъ порядкахъ не отыскивается никакого предлога къ тому, чтобы дѣла о Финляндіи докладывались Императору непремѣнно Финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ. Составителямъ проекта понадобилось сочинить это правило «о статсъ-секретаряхъ», на дѣлѣ несуществующихъ въ Финляндіи во множественномъ числѣ, только для того, чтобъ и

впредъ по дѣламъ, касающимся Финляндіи, Императоръ обязательно выслушивалъ только мнѣнія и совѣты Финляндскаго статсъ-секретаря и не могъ бы прибѣгать къ содѣйствію Русскихъ государственныхъ лицъ. Съ тою же цѣлію сочинители Формы правленія постановляютъ въ томъ же § 17-мъ, что «статсъ-секретари должны быть урожденными Финскими людьми», и при этомъ ссылаются на § 1 Акта соединенія, въ которомъ сказано, что «всѣ должности въ Шведскомъ государствѣ должны замѣщаться природными Шведскими людьми». Казалось бы, приведенная ссылка прямо противорѣчитъ тому, чего добиваются составители проекта; ибо изъ нея видно, что въ Швеціи допускались на службу только лица, принадлежавшія къ господствующей Шведской націи, а отнюдь не Померанцы, Финны или другіе инородцы изъ подвластныхъ Шведской коронѣ областей. Если доселѣ на должность Финляндскаго статсъ-секретаря были назначаемы, за исключеніемъ Сперанскаго, одни Финляндцы, или, вѣрнѣе сказать, тамошніе Шведы, то на это была воля государей, и отъ той же самодержавной воли зависитъ измѣнить такой обычай, если онъ будетъ признанъ вреднымъ.

Въ § 34-мъ, на случай, если Сенатъ или гофгерихтъ провинятся въ государственномъ преступленія, составители проекта устанавливаютъ государственный судъ, составъ котораго буквально выписываютъ изъ § 16 Формы правленія 1772 года, назначая предсѣдателемъ этого суда самого Императора (вмѣсто Шведскаго короля), или его Наслѣдника (вмѣсто кронъ-принца), или имѣющаго ближайшее право на престолъ послѣ Наслѣдника (вмѣсто перваго изъ наслѣдныхъ князей), или же занимающаго первое мѣсто въ Финляндскомъ Сенатѣ (вмѣсто старшаго изъ государственныхъ совѣтниковъ), а въ члены этого суда сажаютъ (буквально по сказанному параграфу Формы правленія) какихъ-то несуществующихъ въ Финляндіи статсъ-секретарей и по нѣскольку находящихся на *Финской службѣ* полныхъ генераловъ и адмираловъ, генералъ-лейтенантовъ и вице-адмираловъ, генералъ-маіоровъ и контръ-адмираловъ (составители проекта выпустили только, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, фельдмаршала, канцлера двора и президентовъ коллегій). Обвинителемъ, вмѣсто Шведскаго канцлера юстиціи, назначается прокуроръ Сената. «Приговоръ государственнаго суда, говорится въ проектѣ, никто не можетъ измѣнить и еще менѣе усугубить; у Императора и Великаго Князя не отъемлется однако право помилованія». Столь необычайная и нигдѣ теперь не существующая обстановка суда надъ Финляндскимъ Сенатомъ и гофгерихтами придумана очевидно для того, чтобы поднять эти мѣста на недосягаемую высоту въ сравненіи даже съ самыми высшими учрежденіями Имперіи.

Въ § 16 Формы правленія 1772 г. упоминается о «лицахъ столь высокаго происхожденія», подлежащихъ сужденію государственнаго суда въ случаѣ государственныхъ преступленій. По объясненію составителей проекта, подъ этими словами слѣдуетъ разумѣть принцевъ королевскаго дома; поэтому они сожалѣютъ, что «примѣненіе этого параграфа Формы правленія 1772 г. къ нынѣшнимъ условіямъ Финляндіи соединено съ различными затрудненіями и что его нельзя будетъ примѣнить къ государственнымъ преступленіямъ (подразумѣвается—противъ Финляндіи), какія могутъ быть совершены *въ странѣ* членами Императорскаго Дома, такъ какъ нельзя предполагать, чтобы Императоръ Александръ I во время соединенія Финляндіи съ Россіею отказался въ какомъ либо отношеніи отъ своего неограниченнаго права суда надъ этими высокими особами» (мотивы, стр. 57): сожалѣніе и заботливость по меньшей мѣрѣ излишнія, ибо нельзя даже представить себѣ такого случая, гдѣ членъ Русскаго Императорскаго Дома могъ бы оказаться виновнымъ въ государственномъ преступленіи—не противъ Россіи и ея Государя, а противъ Финляндіи. Но это сожалѣніе нынѣшнихъ Финляндскихъ законодателей о томъ, что проектируемый ими Финляндскій государственный судъ, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, будетъ лишенъ возможности привлекать къ своему разбирательству членовъ Русскаго Императорскаго Дома, ярко живописуетъ ту, можно сказать, чудовищную манію величія, которою одержимы теперешніе Финляндскіе дѣятели и которая зародилась и выросла у нихъ до такихъ размѣровъ именно вслѣдствіе предоставленнаго имъ въ теченіе многихъ лѣтъ безграничнаго своеволія и отсутствія всякаго за ними надзора со стороны государственной власти.

Въ § 33-мъ Шведской Формы правленія сказано: «не должно быть никакого генералъ-губернатора внутри государства, развѣ только въ особенныхъ случаяхъ и на опредѣленное время». Не имѣя силъ упразднить должность Финляндскаго генералъ-губернатора, существующую въ прямое противорѣчіе со сказаннымъ предписаніемъ Формы правленія, и въ тоже время желая настоять на томъ началѣ, что основными законами Финляндіи всегда признавались Шведскіе законы 1772 и 1789 гг., сочинители проекта въ § 35-мъ такъ переиначиваютъ § 33-й Формы правленія: «не можетъ быть назначаемо другое должностное лицо, кромѣ генералъ-губернатора, съ властью надъ управленіями нѣсколькихъ губерній, иначе какъ при особенныхъ обстоятельствахъ и на извѣстное время». Но такъ какъ это предполагаемое лицо съ властью надъ управленіями нѣсколькихъ губерній и называется обыкновенно генералъ-губернаторомъ, то приведенныя слова проекта

означають, что кромѣ Финляндскаго генералъ-губернатора не можетъ быть назначаемо другого Финляндскаго генералъ-губернатора. Составители проекта не останавливаются даже предъ подобными, не имѣющими смысла фразами, чтобы только остаться вѣрными созданной ими фикціи, что Финляндія управляется на основаніи Шведскихъ законовъ прошлаго столѣтія.

Въ §§ 36 и 39 проектъ предоставляетъ Русскому Императору «полную власть постановлять объ учрежденіи новыхъ должностей и службъ и объ упраздненіи прежде существующихъ, а также издавать для должностныхъ и служащихъ лицъ инструкціи, регламенты и предписанія», и выводятъ эти, какъ бы весьма важныя для Русскаго Императора, прерогативы изъ Акта соединенія дѣлая однако, и здѣсь оговорку, что все сіе предоставляется Русскому Императору «постольку, поскольку это происходитъ не въ противорѣчіе съ сею Формою правленія, или съ другимъ закономъ, изданнымъ при содѣйствіи земскихъ чиновъ». Равнымъ образомъ изъ тѣхъ же старыхъ Шведскихъ законовъ составители проекта въ § 39 выводятъ, что «Императоръ замѣщаетъ всѣ тѣ должности и служебныя мѣста, о которыхъ законъ, изданный при содѣйствіи земскихъ чиновъ, не постановляетъ иначе». Выходитъ, что земскіе чины вездѣ на первомъ планѣ, а Русскій Императоръ, даже при назначеніи на должности, можетъ дѣйствовать лишь постольку, поскольку будетъ ему дозволено земскими чинами. До какой степени Финляндскіе законовѣды возвышаютъ свои земскіе чины даже предъ особою Русскаго Императора, видно также изъ того, что въ Уголовномъ Уложеніи 1889 года за насиліе надъ членами Императорской Фамиліи опредѣлялось только тюремное заключеніе, а за покушеніе на жизнь Монарха—условное лишеніе довѣрія согражданъ: именно Финляндскій судъ могъ признать по своему усмотрѣнію, что «въ свойствахъ этого преступленія не заключается повода» лишить преступника довѣрія Финляндцевъ (гл. XI, § 6). Между тѣмъ за посягательство на свободу совѣщаній и рѣшеній земскихъ чиновъ Финляндіи Уложеніе назначало заключеніе, не менѣе какъ на два года, въ смирительномъ домѣ, замѣняющемъ въ Финляндіи каторгу (гл. XV, § 1). Въ томъ же § 39 проекта Формы правленія прибавлено, что «Императору предоставляется поручать употребленіе своего права замѣщать должности Сенату или другой *Финской* власти». Это указаніе на то, что Императоръ не можетъ поручить въ извѣстныхъ случаяхъ замѣщеніе должностей довѣренному лицу или учрежденію не изъ Финскихъ властей, комитетъ выводитъ «изъ всего смысла основнаго закона и въ особенности изъ того постановленія (самимъ же комитетомъ сочиненнаго),

что всѣ должности, за нѣкоторыми исключеніями, должны быть замѣщаемы урожденными Финскими людьми» (мотивы, стр. 60).

Въ § 43-мъ сочинители Формы правленія постановляютъ, что «должности и служебныя мѣста должны быть замѣщаемы только урожденными Финскими людьми, и посему иноземные люди (подъ каковыми разумѣются Русскіе уроженцы) не могутъ быть употребляемы на службѣ страны, ни на гражданской, ни на военной, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они могутъ блестящими и великими свойствами своими доставить странѣ большую честь и значительную пользу». Но о статсъ-секретаряхъ и членахъ Сената подтверждается въ этой статьѣ и относящихся къ ней мотивахъ (стр. 63 — 70) выраженное уже прежде правило, что эти должностныя лица непремѣнно должны быть Финскими людьми, и что Русскіе, хотя бы отличались блестящими и великими свойствами, безусловно не должны быть допускаемы на эти должности. Для подкрѣпленія перваго изъ сихъ предписаній составители проекта вдаются въ изслѣдованія Шведскихъ законовъ, начиная съ королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 года и до Акта соединенія и охраненія 1789 года, и выписываютъ изъ нихъ мѣста, которыми узаконялось, какъ общее правило, что только урожденные *Шведскіе* люди могутъ занимать должности въ Шведскомъ королевствѣ. Составители проекта, вмѣсто «урожденные Шведскіе люди», подставляютъ «урожденные *Финскіе*», и такимъ образомъ «непреложнымъ требованіемъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законовъ» у нихъ является то, о чемъ жители этого края тщетно ходатайствовали предъ риксдагомъ при существованіи тѣхъ же самыхъ основныхъ законовъ. По Шведскимъ законамъ, исключеніе изъ сказаннаго правила допускалось только для тѣхъ иностранцевъ, которые блестящими и великими качествами могли принести государству большую честь и значительную пользу (§ 10 Формы правленія 1772 года). Однако, начиная съ королевскаго отдѣла 1442 года, въ старыхъ Шведскихъ законахъ предписывалось, что «натурализованные не могутъ быть назначаемы на должности государственныхъ совѣтниковъ, которыя должны замѣщаться только урожденными Шведами, рыцарями и свейнами (дворянами)». «Никакой уступки въ родѣ той, которая сдѣлана въ § 10 Формы правленія, не существуетъ для государственныхъ совѣтниковъ». Приравнивая къ прежнему Шведскому государственному совѣту теперешній Финляндскій Сенатъ, будто бы замѣнившій собою государственный совѣтъ, проектъ требуетъ, чтобъ и сенаторы назначались исключительно изъ Финскихъ людей. «Постановленія основнаго закона, говорится въ мотивахъ, въ этомъ отношеніи были вполнѣ приняты во вниманіе при учрежденіи туземнаго правительства въ Финляндіи въ 1809 г.» Запрещеніе же назначать министра статсъ-секретаря не изъ

прирожденныхъ Финскихъ людей сочинители проекта выводятъ изъ тѣхъ соображеній, что «министръ статсъ-секретарь на самомъ дѣлѣ въ извѣстномъ отношеніи заступилъ мѣсто того члена Шведскаго государственнаго совѣта, который былъ президентомъ государственной канцеляріи: поэтому въ отношеніе его должно дѣйствовать не только то, что̀ предписано въ основномъ законѣ о статсъ-секретаряхъ, но и то постановленіе Формы правленія 1772 г., по которому президентъ канцеляріи долженъ быть назначаемъ изъ уроженцевъ страны» (мотивы, стр. 63—67). Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ разсужденіяхъ, составители проекта нимало не стѣсняются тѣмъ, что завѣдомо утверждають факты, никогда несуществовавшіе, и что разсужденія ихъ противорѣчатъ даже простой здравой логикѣ. Изъ документовъ, напечатанныхъ въ книгѣ Ордина «Покореніе Финляндіи», равно какъ и изъ самаго содержанія Регламента Правительствующаго Совѣта, видно, что при учрежденіи сего Совѣта вовсе не принимались въ соображеніе постановленія Формы правленія о Шведскомъ государственномъ совѣтѣ. Какимъ образомъ Правительствующій Совѣтъ могъ явиться замѣстителемъ Шведскаго государственнаго совѣта, когда сей послѣдній былъ уничтоженъ Густавомъ III еще въ 1789 г. и когда его вредная роль въ государственныхъ дѣлахъ хорошо была извѣстна нашему правительству по документамъ еще недавняго Екатерининскаго времени, когда Русское правительство близко слѣдило за внутренними раздорами Швеціи? Не далѣе, какъ въ 1867 г. высочайшимъ рескриптомъ отъ 26 мая было разъяснено, что Финляндскій Сенатъ «никакимъ закономъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами существовавшаго до 1789 г. Шведскаго государственнаго совѣта». Наконецъ не ясно ли для всякаго, что постановленіе Шведскихъ законовъ о томъ, чтобы на должности государственныхъ совѣтниковъ были назначаемы только «урожденные Шведы, рыцари и дворяне», т.-е. люди господствующей націи, если бъ оно было принято нашимъ правительствомъ и примѣнено къ членамъ Финляндскаго Сената и къ статсъ-секретарю, повело бы за собою устраненіе Финляндцевъ отъ этихъ должностей и замѣщеніе ихъ Русскими? При сколько-нибудь серіозномъ отношеніи къ дѣлу можно ли даже допускать мысль, что императоръ Александръ I-й, поручая веденіе и докладываніе ему Финляндскихъ дѣлъ сперва Сперанскому, а потомъ Ребиндеру, имѣлъ въ виду исполнить этимъ требованіе Формы правленія 1772 г. и замѣнить ими Шведскаго государственнаго канцлера, тогда уже несуществовавшаго и въ самой Швеціи? Не значитъ ли это строить порученный комитету трудъ на сплетеніи басней и произвольныхъ, впередъ задуманныхъ выводовъ? Но сдѣлавъ столько изысканій въ старыхъ Шведскихъ законахъ для

подкрѣпленія § 43 проекта, составители его не могли же упустить изъ вида, что въ Финляндіи существуетъ законъ, прямо опровергающій § 43 проекта, именно высочайшее постановленіе императора Николая отъ 2 Августа 1827 г., гласящее такъ: по такимъ-то и такимъ основаніямъ, «сообразно съ обязанностями державнаго нашего сына, признали мы за благо постановить и повелѣть слѣдующее: лица Греко-россійскаго исповѣданія, пріобрѣвшія уже въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ гражданское право или впредъ оное пріобрѣтающія, могутъ поступать въ гражданскую и военную службу того края и, соразмѣрно способностямъ и заслугамъ своимъ, быть опредѣляемы въ должности» и проч. Кромѣ того, по отношенію въ частности къ членамъ Сената, въ высочайшемъ манифестѣ отъ 9 Февраля 1816 г. допускалось, какъ было уже упомянуто, избирать на эту должность «водворившихся тамъ и Финляндское гражданство пріобрѣвшихъ». Но сочинители основныхъ законовъ для Финляндіи, присвоивъ себѣ право лишать силы всѣ тѣ постановленія Русскихъ монарховъ, которыя были изданы безъ одобренія сейма, нисколько не затруднились объявить и оба эти постановленія высочайшей власти неимѣющими законной силы (хотя въ другихъ случаяхъ они ссылаются на манифестъ 1816 г., какъ на главный аргументъ ихъ конституціонныхъ домогательствъ). Они разсуждаютъ такимъ образомъ: «Можетъ быть, возразятъ, что *въ административныхъ постановленіяхъ* (такъ называютъ они законы, изданные безъ одобренія сейма), изданныхъ послѣ 1809 г., встрѣчается взглядъ, по которому натурализованные *иностранцы* (т.-е. Русскіе уроженцы, записанные въ число Финляндскихъ гражданъ) также могутъ быть опредѣляемы на Финскую государственную службу. Но такъ какъ такой взглядъ, поскольку онъ не относится къ такимъ иностранцамъ (т.-е. Русскимъ), которые блестящими и великими качествами приносятъ странѣ большую честь и значительную пользу, противорѣчитъ основному закону (т.-е. Шведской Формѣ правленія) и никоимъ образомъ не пріобрѣлъ права давности, то комитетъ не можетъ признать его (т.-е. взгляда императоровъ Александра I-го и Николая I) основательности. Въ частности, едва ли можно полагать, чтобъ императоръ Александръ I-й нѣсколькими словами, употребленными въ высочайшемъ объявленіи 9 Февраля 1816 г., имѣлъ въ виду какимъ-либо образомъ не уважить основные законы страны. Комитетъ не могъ также включить въ свой проектъ входящее въ высочайшее постановленіе 2 Августа 1827 г. особое предписаніе о томъ, что натурализованные въ Финляндіи послѣдователи Греко-россійскаго вѣроисповѣданія могутъ занимать должности въ странѣ. Это постановленіе, какъ комитетъ указалъ уже въ мотивахъ къ §§ 5—9, появилось въ порядкѣ, несоглас-

номъ съ основными законами, и тѣхъ причинъ, которыя, не смотря на это, дѣлаютъ необходимымъ, съ отступленіемъ отъ прежнихъ основныхъ законоположеній (т.-е. законоположеній, признававшихъ за одними послѣдователями Лютеранскаго исповѣданія право поступать на службу въ Шведскомъ королевствѣ), признать полныя права гражданства за родившимися въ странѣ послѣдователями Греко-россійской вѣры, не существуетъ по отношенію къ переселившимся въ страну». Къ этой общей и главной причинѣ, побудившей Финляндскій комитетъ отвергнуть обязательную силу закона 2 Августа 1827 г., онъ присоединяетъ еще слѣдующее частное соображеніе: «Между тѣмъ, какъ поселившіеся и натурализованные въ Финляндіи послѣдователи Евангелическо-лютеранскаго исповѣданія (подразумѣваются Нѣмцы, переселившіеся изъ Россіи или изъ-за границы) не могутъ занимать здѣсь государственныхъ должностей (подразумѣвается—въ силу сочиненнаго составителями проекта § 43), предоставленіе такого права натурализованнымъ послѣдователямъ Греко-россійскаго вѣроисповѣданія означало бы, что эти послѣдніе имѣютъ пользоваться не только тѣми же самыми правами, какъ натурализованные послѣдователи главной религіи страны, но сверхъ того и извѣстнымъ преимуществомъ. Нѣтъ надобности доказывать подробнѣе, что это совсѣмъ противорѣчило бы Финляндской конституціи» (мотивы, стр. 68—69). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что кромѣ вышеприведеннаго постановленія императора Николая о правѣ лицъ Греко-россійскаго исповѣданія, пріобрѣвшихъ Финляндское гражданство, поступать тамъ на гражданскую и военную службу, существуетъ еще другое, позднѣйшее и болѣе широкое повелѣніе того же Императора, отъ 1-го Марта 1852 г., о томъ, чтобы на Финляндскую гражданскую службу были допускаемы «лишь тѣ изъ Русскихъ подданныхъ, *приписанныхъ въ Русскихъ губерніяхъ*, которые имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу на основаніи законовъ, дѣйствующихъ вообще въ Имперіи въ семъ отношеніи» (Сборн. рескриптовъ, на Шведск. яз., т. VI, стр. 6). Сочинители проекта, конечно, тщательно умалчиваютъ объ этомъ постановленіи.

Далѣе, комитетъ въ своихъ мотивахъ поясняетъ, что такъ какъ въ § 120 Устава о воинской повинности сказано, что «генералы, штабъ и оберъ-офицеры, гражданскіе чиновники и нижніе чины Финскихъ войскъ состоятъ изъ Финляндскихъ гражданъ», но не прибавлено слова «урожденныхъ», «то могъ бы явиться вопросъ, не было ли намѣренія законодателя, что и *натурализованные* Финскіе граждане (т.-е. Русскіе уроженцы, приписавшіеся къ Финляндскимъ сословіямъ) могутъ занимать должности въ Финскихъ войскахъ». Комитетъ рѣши-

тельно отвергаетъ такое пониманіе § 120-го Устава о воинской повинности, на томъ основаніи, что на сеймѣ 1877—1878 г. земскіе чины признали, «что помянутое постановленіе § 120-го Устава согласуется съ дѣйствующими основными законоположеніями. Никакого исключенія изъ основнаго закона (т.-е. Шведской Формы правленія) такимъ образомъ не имѣлось въ виду, а оставалось по прежнему требованіе, что всѣ Финскія должностныя лица должны быть уроженцами страны». Въ своемъ мѣстѣ было сказано, посредствомъ какого ловкаго маневра Финляндскаго Сената и статсъ - секретаря получено было согласіе въ Бозѣ почившаго Императора на § 120-й Устава о воинской повинности, подъ тѣмъ однако условіемъ, что для Русскихъ офицеровъ, поступающихъ въ Финское войско, будетъ упрощена процедура приписки къ Финляндскому гражданству. Упрощенія никакого не послѣдовало; но чтобъ уничтожить на будущее время всякія попытки къ открытію доступа въ Финское войско Русскимъ офицерамъ, составители проекта Формы правленія, вставивъ въ § 43 онаго слово «урожденные Финскіе люди», распространяютъ это требованіе и на военнослужащихъ. Комитетъ не могъ однако упустить изъ вида, что такое толкованіе § 120-го Военнаго Устава ведетъ къ тому, что Русскіе уроженцы, приписавшіеся къ Финляндскимъ сословіямъ, не будутъ подлежать общей воинской повинности въ Финляндіи, что̀ конечно не входило въ намѣреніе составителей проекта. Комитетъ выходитъ изъ этого затрудненія посредствомъ такого разсужденія: «Что слово «урожденные» не вошло въ § 120 Устава о Воинской повинности, это можно объяснить тѣмъ, что параграфъ этотъ относится также къ нижнимъ чинамъ, къ которымъ подобное опредѣленіе было бы непримѣнимо, такъ какъ натурализованные граждане наравнѣ съ природными обязаны отбывать въ странѣ воинскую повинность» (мотивы, стр. 69). Такимъ образомъ одни и тѣже слова § 120-го, что «генералы, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины Финскихъ войскъ состоятъ изъ Финляндскихъ гражданъ», комитетъ толкуетъ въ двухъ противоположныхъ смыслахъ, именно: по отношенію къ нижнимъ чинамъ подъ Финляндскими гражданами слѣдуетъ разумѣть и натурализованныхъ Русскихъ, но по отношенію къ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ подъ Финляндскими гражданами слѣдуетъ разумѣть только урожденныхъ Финскихъ людей; другими словами—Русскіе, приписавшіеся къ Финляндскимъ сословіямъ, обязаны отбывать тамъ воинскую повинность, но производить ихъ въ офицеры воспрещается, къ какому бы званію они ни принадлежали. Сочинители Формы правленія примѣняютъ здѣсь къ Русскимъ то самое правило, которое примѣнялось въ Шведскомъ королевствѣ къ Финнамъ: такъ перемѣнились съ тѣхъ поръ роли господ-

ствующей націи и подвластной. Составителямъ проекта слишкомъ хорошо извѣстны переписка, происходившая между графомъ Милютинымъ и Финляндскимъ статсъ-секретаремъ по поводу § 120-го, и высочайшая воля покойнаго Императора, чтобъ Русскіе офицеры могли имѣть доступъ въ Финскія войска; но они демонстративно противопоставляютъ этой высочайшей волѣ мнѣніе земскихъ депутатовъ на сеймѣ 1877—1878 г. и даютъ такой оборотъ дѣлу, что Русскіе офицеры ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допускаемы въ Финское войско, хотя бы они соблюли всѣ требуемыя формальности для приписки къ Финляндскому гражданству.

Проектъ дозволяетъ принимать въ Финляндскую службу только тѣхъ православныхъ, которые принадлежатъ не къ натурализованнымъ или переселившимся въ Финляндію Русскимъ, а къ такимъ, которые происходятъ отъ водворившихся прежде въ Финляндіи и принявшихъ тамошнее гражданство Русскихъ (§ 7). Изъ сопоставленія этого § 7-го съ § 43 слѣдуетъ, что въ § 43 подъ «урожденными Финскими людьми» подразумѣваются и урожденные тамъ Русскіе. Хотя такая странная номенклатура могла бы подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ однако составители проекта смотрятъ на это дозволеніе прирожденнымъ Финляндскимъ гражданамъ православнаго исповѣданія вступать на Финляндскую службу, равно какъ и на дозволеніе православнымъ имѣть монаховъ (безъ права однако открывать новые монастыри) и устраивать религіозныя процессіи, какъ на отступленіе отъ основнаго закона, которое комитетъ принужденъ былъ допустить въ силу данной ему инструкціи относительно непримѣнимыхъ основныхъ законовъ, и считаютъ «текстъ § 7-го проекта не подтвержденіемъ того, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, а только проектомъ новаго основнаго закона», другими словами—что текстъ этотъ можетъ быть принятъ, или отвергнутъ, или измѣненъ земскими чинами при разсмотрѣніи проекта. Настоящимъ основнымъ закономъ по этимъ вопросамъ составители проекта признаютъ только рѣшеніе Шведскаго риксдага 1779 г. По ст. 7-й этого узаконенія, послѣдователи чужой религіи ни подъ какимъ видомъ не должны приниматься ни на высшія, ни на низшія должности; нигдѣ не могутъ основывать публичныхъ школъ или мѣстъ для обученія своей вѣрѣ; не могутъ съ этою цѣлію посылать миссіонеровъ; не смѣютъ учреждать монастырей, и вообще монахи не должны быть допускаемы или терпимы въ странѣ; публичныя процессіи чужихъ религій воспрещаются, для избѣжанія развращающихъ поводовъ къ заблужденіямъ и соблазну среди простыхъ людей; никто изъ послѣдователей чужой вѣры не можетъ пользоваться правами сеймо-

ваго депутата; наконецъ, предписывалось, чтобы тщательнѣйшимъ образомъ соблюдалось то, что постановлено въ § 3 главы I отдѣла о преступленіяхъ Общаго Уложенія 1734 г. относительно отпадающихъ отъ истиннаго Евангелическаго ученія и принимающихъ ложное ученіе (изгнаніе изъ государства и лишеніе гражданскихъ правъ) (мотивы, стр. 20—22). Этими разсужденіями комитетъ, такъ-сказать, преподастъ земскимъ чинамъ, которые будутъ разсматривать изготовленный имъ проектъ, какъ должны они смотрѣть на допущенную въ немъ льготу для послѣдователей православной вѣры изъ коренныхъ Финляндскихъ жителей вступать на службу, а также на оставленіе существующихъ монастырей (Валаамскаго и Коневецкаго), на допущеніе религіозныхъ процессій и проч. Надобно при этомъ замѣтить, что православныхъ считается нынѣ въ Финляндіи до 40.000 душъ и что въ юго-восточной части Финляндіи, составлявшей исконное владѣніе древняго Новгорода, православная вѣра существуетъ въ теченіе многихъ столѣтій Замѣчательно, что, не взирая на законъ императора Николая I о правѣ натурализованныхъ въ Финляндіи Русскихъ поступать въ таможнюю службу, Финляндскія власти, послѣ смерти этого Императора, не допускали на службу не только натурализованныхъ, но и прирожденныхъ въ Финляндіи Русскихъ, какъ это можно заключить изъ того, что потребовался особый законъ, изданный 11 Ноября 1889 г., для предоставленія сказаннаго права Финляндскимъ гражданамъ всѣхъ безъ различія христіанскихъ исповѣданій.

* * *

Въ § 45-мъ проектъ постановляетъ, что всѣ служащіе, не исключая даже и состоящихъ на военной службѣ, «могутъ быть лишаемы своихъ должностей и мѣстъ лишь по слѣдствію и по суду». Понятно, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести принципъ несмѣняемости въ примѣненіи къ административнымъ должностямъ, не говоря уже о войскѣ. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано, во-первыхъ, относительно «довѣренныхъ лицъ», значеніе которыхъ, по сознанію самихъ составителей проекта, не опредѣлено ясно даже въ старыхъ Шведскихъ законахъ, и потомъ относительно лицъ, которыя «принимаютъ участіе въ областномъ управленіи». Значеніе этой послѣдней фразы также слишкомъ неопредѣленно и можетъ подавать поводъ къ разнымъ противорѣчивымъ толкованіямъ. Правило о несмѣняемости служащихъ лицъ подкрѣплено, какъ обыкновенно, ссылками на старо-Шведскіе законы, тогда какъ въ существующемъ Финляндскомъ законодательствѣ ничего подобнаго не находится, а относительно напр. членовъ Сената прямо сказано: «Списокъ членовъ Сената утверждается его Императорскимъ Величествомъ чрезъ каждые три года. Отъ благоизволенія Его Императорскаго

Величества зависѣть будетъ возобновленіе всего числа членовъ, или оставленіе прежняго назначенія въ цѣлости, либо въ нѣкоторой части» (§§ 11 и 13 Учр. Прав. Совѣта). Въ Швеціи несмѣняемость служащихъ лицъ, какъ сознаются и сами составители проекта (мотивы, стр. 70), была послѣдствіемъ преобладанія дворянскаго сословія, которое занимало всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ и само для себя создало правило несмѣняемости. Только по отношенію къ членамъ судебнаго департамента Сената проектъ дѣлаетъ неожиданное исключеніе изъ общаго правила о несмѣняемости судей, «въ виду, какъ говорится въ мотивахъ, дѣйствующей практики». Повидимому это исключеніе для того только и сдѣлано комитетомъ, чтобы имѣть предлогъ заявить въ мотивахъ, что «увольненіе сенатора судебнаго департамента противорѣчитъ основному закону и можетъ повлечь за собой для него потерю всякой должности на государственной службѣ» (мотивы стр. 72). Для поясненія послѣднихъ словъ надобно замѣтить, что, по § 9-му Учрежденія Правительствующаго Совѣта, члены его, въ виду назначенія ихъ только на три года, сохраняли за собою ихъ прежнія должности съ присвоенными имъ окладами; но высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ 1857 году, эта привилегія сенаторовъ была уничтожена. На это собственно и жалуются составители проекта, говоря, что теперь увольненіе сенатора можетъ повлечь за собою потерю для него всякой должности на государственной службѣ, и объявляютъ такое высочайшее распоряженіе «противорѣчащимъ основному закону».

§ 47-ой требуетъ, чтобы военно-служащіе приносили присягу на вѣрность Императору и Великому Князю и *странѣ*, т. е. Финляндіи. Въ § 88-омъ Устава о воинской повинности, на который сдѣлана здѣсь ссылка, ничего не говорится о томъ, кому должны присягать въ вѣрности Финскія войска, а уклончиво сказано лишь, что «начальникъ приводитъ ихъ къ присягѣ, соображаясь съ § 18 Формы правленія». Раскрываемъ Форму правленія и въ § 18 читаемъ: «всѣ военныя силы государства должны учинять присягу на вѣрность королевскому величеству, государству и государственнымъ чинамъ». Такъ какъ сказать прямо въ Воинскомъ Уставѣ, что Финское войско присягаетъ земскимъ чинамъ, было рискованно, ибо слова эти могли попасться на глаза Императору, то избранъ былъ обычный путь нѣмой ссылки на Форму правленія, въ той увѣренности, что никому изъ Русскихъ Шведская Форма правленія 1772 г. неизвѣстна и что, при утвержденіи Воинскаго Устава, Императору придется полагаться только на засвидѣтельствованіе Финляндскаго министра статсъ-секретаря, что въ этомъ Актѣ нѣтъ ничего противнаго вѣрноподданническому долгу и общегосудар-

ственной пользѣ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что § 18-ый Формы правленія, на который сдѣлана ссылка въ проектѣ, въ самой Швеціи считался упраздненнымъ за силою § 1-го Акта соединенія 1789 г. и что съ этого года присяга войскъ государственнымъ чинамъ болѣе уже не примѣнялась ни при Густавѣ III, ни при его преемникѣ. Стало-быть, составители проекта, какъ и составители Воинскаго Устава, сдѣлали въ этомъ случаѣ сугубый подлогъ. Ясно, что и генералъ-адъютантъ Милютинъ оставилъ § 88-ой Воинскаго Устава безъ возраженія, потому что былъ введенъ въ заблужденіе сказанною уловкою редакторовъ. Свою всеподданнѣйшую записку по поводу предположеннаго формированія Финляндскаго войска онъ именно начиналъ заявленіемъ, что связь Финляндіи съ Россіею должна прежде всего выражаться въ единствѣ Верховной власти и въ единствѣ управленія военными дѣлами; но тамъ уже не существуетъ единства Верховной власти, гдѣ даже войско обязывается присягать на вѣрность не только Императору, но и земскимъ чинамъ, какъ второй Верховной власти.

Въ § 50-мъ проекта запрещается «безъ согласія земскихъ чиновъ дѣлать наборъ войска въ иныхъ случаяхъ или въ иномъ порядкѣ, чѣмъ установлено въ сей Формѣ правленія и въ дѣйствующемъ Уставѣ о воинской повинности, и при этомъ сочинители проекта ссылаются на Уставъ о воинской повинности, безъ указанія однако параграфа, и на § 45 Формы правленія 1772 г. Но въ Уставѣ о воинской повинности ничего подобнаго не заключается, а указываемый параграфъ Формы правленія 1772 г. (если бы даже и признавать ее дѣйствующимъ въ Финляндіи закономъ) принадлежалъ въ самой Швеціи къ числу статей, отмѣненныхъ § 1-мъ Акта соединенія 1789 года.

Въ §§ 63—69 проекта окончательно ограничивается власть Русскаго Императора въ дѣлахъ законодательства и управленія, и центръ тяжести правительственной власти переносится съ Государя на сеймовыхъ депутатовъ. Здѣсь Русскій Императоръ лишается даже тѣхъ правъ, которыя несомнѣнно принадлежали Шведскому королю по Акту соединенія 1789 г., и къ нему примѣняются, и то съ разными урѣзками, предписанія Шведской Формы правленія 1772 г. и королевскаго отдѣла въ земскомъ учрежденіи 1442 г. Такъ въ § 63 составители проекта примѣняютъ къ Русскому Императору § 40-й Формы Правленія 1772 г. о томъ, что король не могъ издавать новаго закона или отмѣнять стараго безъ согласія государственныхъ чиновъ, тогда какъ, на основаніи позднѣйшаго закона, именно § 1-го Акта соединенія и охраненія 1789 г., «король имѣлъ полную власть управлять государствомъ и въ дѣлахъ, относящихся къ попеченію о государствѣ, завѣ-

дывать, какъ ему покажется наиполезнѣйшимъ». Историкъ Шведскаго государственнаго права Науманъ говоритъ, что, въ силу Акта соединенія, Шведскій король былъ облеченъ властью, граничившею съ самодержавіемъ, и имѣлъ право распоряжаться, какъ ему казалось полезнѣйшимъ, веденіемъ всѣхъ дѣлъ, касавшихся попеченія о государствѣ, подъ чѣмъ главнымъ образомъ разумѣлось устройство управленія. Пользуясь верховнымъ правомъ законодательства, Густавъ III (при которомъ изданъ былъ Актъ соединенія и охраненія), безъ всякаго участія риксдага, упразднилъ государственный совѣтъ, преобразовалъ коллегіи, учредилъ высшій королевскій судъ и особое установленіе, изготовлявшее для доклада королю всѣ дѣла, которыя прежде производились въ государственномъ совѣтѣ. Кромѣ того § 6-й Акта соединенія прямо постановляетъ, что «на риксдагахъ государственные чины не занимаются никакими иными дѣлами, кромѣ тѣхъ, какія имъ предлагаетъ король, какъ это было въ обычаѣ до 1680 г.». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что, въ послѣдній періодъ Шведскаго господства надъ Финляндіею, отъ усмотрѣнія короля зависѣло передавать тѣ или другіе законодательные проекты на обсужденіе сейма, или же вводить законы собственною властью. Только относительно назначенія чрезвычайныхъ или такъ-называвшихся добровольныхъ податей требовалось согласіе народа (§ 5 Акта соединенія и охраненія). Сочинители Формы правленія для Финляндіи уступаютъ Русскому Императору право издавать безъ одобренія сейма только законы, «касающіеся общественнаго хозяйства страны» (§ 64). Но, употребивъ этотъ столь неопредѣленный терминъ для означенія законодательныхъ прерогативъ Русскаго Монарха, они тутъ же (§ 63) требуютъ согласія сейма на изданіе и измѣненіе лѣснаго устава, законовъ о промыслахъ, объ общинномъ управленіи городскомъ и сельскомъ, о призрѣніи бѣдныхъ, а также на измѣненіе Общаго Уложенія 1734 г., въ которомъ цѣлыхъ два отдѣла (о строеніи и о торговлѣ), посвящены именно общественному хозяйству страны. Спрашивается, что же оставляется единоличной власти Русскаго Императора подъ именемъ законовъ, касающихся общественнаго хозяйства страны? Не найдя даже въ Формѣ правленія 1772 г. указаній на то, чтобъ такія постановленія, какъ лѣсной уставъ, законы объ общинномъ управленіи, о промыслахъ, о призрѣніи бѣдныхъ, требовали согласія риксдага (мотивы, стр. 86), сочинители проекта ссылаются на самые уставы, изданные по этимъ предметамъ послѣ 1863 года, не указывая однако подлежащихъ параграфовъ. Изъ разсмотрѣнія этихъ уставовъ оказывается однако, что хотя они и были на предварительномъ обсужденіи сеймовъ, но въ нихъ ничего не говорится о томъ, что они не могутъ быть измѣняемы безъ согласія земскихъ чиновъ.

Въ томъ же § 63-мъ проектъ, ссылаясь на §§ 40-й и 41-й Формы правленія 1772 г. (по обыкновенію вовсе не заключающіе въ себѣ того, что проектъ желаетъ подтвердить), прибавляетъ, что сверхъ перечисленныхъ здѣсь законовъ, требующихъ согласія сейма (и обнимающихъ почти всю сферу законодательства) «никакой законъ или постановленіе въ тѣхъ частяхъ своихъ, въ изданіи которыхъ земскіе чины принимали участіе, не можетъ быть измѣняемъ, отмѣняемъ или поясняемъ иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ». А такъ какъ съ 1863 года на разсмотрѣніе Финляндскаго сейма были передаваемы законы почти по всѣмъ частямъ законодательства и самый Регламентъ Сената, по толкованію составителей проекта, принятъ съ одобренія Боргоскаго сейма: то отсюда выходитъ, что Русскому Императору не оставляется ни одного пункта въ законодательствѣ, гдѣ онъ могъ бы дѣйствовать самостоятельно, не испрашивая согласія земскихъ чиновъ. Наконецъ, въ § 64 составители проекта прибавили еще такое правило для ограниченія правъ Монарха: «Если приходится издавать законъ по предмету, о которомъ прежде не было постановлено, то на основаніи общихъ положеній (т.-е. по постановленію сейма) опредѣляется, принадлежитъ ли въ семъ случаѣ законодательное право Императору и Великому Князю одному, или ему и земскимъ чинамъ вмѣстѣ». Здѣсь, кромѣ ссылки на Форму правленія 1772 г. и рѣшеніе Шведскаго риксдага 1779 г., сдѣлана ссылка на § 75 Сеймоваго Устава 1869 г. Эта ссылка по обыкновенію оказывается невѣрною, ибо въ приведенномъ § 75 вовсе не говорится о томъ, чтобы сеймъ имѣлъ право рѣшать, подлежитъ ли тотъ или другой законодательный вопросъ единоличному рѣшенію Императора или же совокупному рѣшенію Императора и земскихъ чиновъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ многочисленныхъ ссылокъ, приведенныхъ комитетомъ подъ §§ 63 и 64, ограничивающими законодательную власть Императора согласіемъ земскихъ чиновъ, вѣрною оказывается только одна ссылка на Церковное Уложеніе 1869 г., по которому разсмотрѣніе и утвержденіе церковныхъ законовъ зависитъ отъ Государя Императора и земскихъ чиновъ Финляндіи. Всѣ остальныя ограниченія власти Монарха въ дѣлахъ законодательства придуманы самими сочинителями Финляндской Формы правленія. Явный и единственно обязательный смыслъ § 71-го Сеймоваго Устава былъ уже разъясненъ въ своемъ мѣстѣ, такъ что и ссылка на этотъ параграфъ оказывается неосновательною. Между тѣмъ составители проекта прошли совершеннымъ молчаніемъ Учрежденіе Правительствующаго Совѣта, т.-е. законъ, несомнѣнно дѣйствующій въ Финляндіи и до сихъ поръ, о которомъ сами же они отзываются, будто онъ изданъ съ согласія Боргоскаго сейма. Въ §§ 15—18 этого закона, какъ было уже

сказано, изъятіе изъ законоположеній, мѣры законодательныя и поясненіе существующихъ узаконеній отнесены непосредственно къ высочайшей власти.

Если соединить въ одно всѣ ограниченія монаршей власти, нанизанныя въ §§ 63 и 64 проекта, то окажется, что Русскій Императоръ ни по одной категоріи законодательства не пользуется самостоятельною властью, но безусловно вездѣ долженъ обращаться за одобреніемъ и разрѣшеніемъ къ земскимъ чинамъ. Ему какъ будто предоставлено рѣшать единолично законодательные вопросы, касающіеся общественнаго хозяйства страны; но вопросъ о томъ, принадлежитъ ли какой-нибудь вновь проектируемый законъ къ этой категоріи, рѣшается опять земскими чинами. «Для отвѣта на такой вопросъ, говоритъ комитетъ въ своихъ мотивахъ (стр. 83), требуется особое изслѣдованіе въ каждомъ конкретномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что понятіе и объемъ экономическаго законодательства измѣняются сообразно развитію общества, и многое такое, что̀ раньше безспорно составляло часть этого законодательства, вслѣдствіе болѣе развитыхъ отношеній должно быть отнесено теперь къ области общаго закона. Отсюда вытекаетъ въ качествѣ необходимаго и признаннаго послѣдствія, что въ случаѣ если подвержено сомнѣнію, къ какой вѣтви законодательства отнести вновь возникающій вопросъ, слѣдуетъ примѣнять общее основное положеніе государственнаго строя Финляндіи: никакого новаго закона безъ согласія земскихъ чиновъ» (мотивы, стр. 83—84). Кромѣ того, если вопросъ изъ сферы административнаго или экономическаго законодательства хотя разъ попалъ на разсмотрѣніе сейма, то онъ не можетъ уже быть вновь рѣшаемъ безъ согласія сейма, вслѣдствіе чего всѣ безъ исключенія экономическіе вопросы должны мало-по-малу перейти въ область сеймовыхъ рѣшеній. Всякія поясненія въ законахъ, въ силу § 63 проекта, также требуютъ согласія сейма. Наконецъ, по толкованію Финляндскихъ законовѣдовъ (напр. Мехелина въ его Précis du droit public du Gr.-Duché de Finlande, стр. 68—69, въ переводѣ Ордина), самыя предложенія законовъ, вносимыя Императоромъ на сеймъ, должны быть изготовляемы въ общемъ собраніи Финляндскаго Сената; а по заявленію составителей проекта, таковыя высочайшія предложенія (вѣроятно когда они изготовлены не въ Сенатѣ) должны быть предварительно препровождаемы въ Сенатъ, для полученія по нимъ его отзыва. Такое правило комитетъ Вейсенберга выводитъ изъ свойствъ Сената, какъ общаго управленія страны (мотивы, стр. 89), прибавляя, что «опредѣленнаго постановленія объ этомъ онъ не счелъ возможнымъ включать въ проектъ». Между тѣмъ каждый сеймовый де-

путатъ имѣетъ право, съ 1886 г., дѣлать на сеймѣ непосредственныя предложенія, не справляясь съ мнѣніемъ Сената.

Въ §§ 68 и 69 проектъ постановляетъ, что «безъ согласія и одобренія земскихъ чиновъ нельзя установлять новыя или увеличенныя противъ прежнихъ подати или иные налоги или дѣлать казенный заемъ», и что въ случаѣ назначенія чрезвычайной подати, «земскіе чины имѣютъ неоспоримое право совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе съ Императоромъ и Великимъ Княземъ о томъ, что̀ можетъ быть признано нужнымъ для содержанія страны», и что «земскимъ чинамъ предоставляется право установлять срокъ для взиманія чрезвычайной подати и опредѣлять цѣли, для коихъ она должна быть употребляема, а также ставить и другія условія касательно употребленія доходовъ казны». Такое ограниченіе Верховной власти Русскаго Монарха комитетъ основываетъ на королевскомъ отдѣлѣ въ земскомъ уложеніи 1442 г., на Формѣ правленія 1772 г., на Актѣ соединенія 1789 г. и на §§ 27, 36 и 72 Сеймоваго Устава 1869 г. Первыя три законодательства никакого отношенія къ Финляндіи не имѣютъ послѣ присоединенія ея къ Россіи; что же касается до приведенныхъ параграфовъ Сеймоваго Устава, то въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго ограниченія правъ Русскаго Монарха въ назначеніи податей и налоговъ. Въ § 36 говорится о томъ, что одна изъ пяти учреждаемыхъ во время собранія сейма комиссій (статная) обязана давать сейму отзывы о способѣ покрытія расходовъ въ случаѣ недостаточности ординарныхъ доходовъ и разсматривать, какимъ образомъ были употреблены назначенныя на предыдущемъ сеймѣ ассигновки. Въ § 72 говорится о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, если не всѣ сословія придутъ къ одинаковому мнѣнію «относительно основаній для какой-либо чрезвычайной подати и о раскладкѣ таковой», въ томъ конечно предположеніи, что обсужденіе этихъ вопросовъ будетъ предоставлено Монархомъ сеймовымъ депутатамъ. Наконецъ въ § 27 говорится о томъ, что «на каждомъ сеймѣ имѣетъ быть сообщаемо земскимъ чинамъ о состояніи статнаго вѣдомства, дабы доставить имъ свѣдѣнія объ употребленіи доходовъ казны въ пользу и на благо края». Слѣдовательно цитированные въ проектѣ параграфы Сеймоваго Устава опредѣляютъ лишь внѣшнюю процедуру назначенія тѣхъ налоговъ, установленіе которыхъ будетъ Государемъ Императоромъ предоставлено сейму, и порядокъ наблюденія за исполненіемъ ежегодныхъ росписей, чѣмъ отнюдь не стѣсняется право Монарха назначать подати и другіе налоги собственною властью, безъ обсужденія этихъ дѣлъ на сеймѣ. Составители проекта, пускаясь въ глубь вѣковъ со своими изслѣдованіями, ссылаясь на Шведскія за-

коны XV и XVIII вѣка и приводя невѣрные цитаты изъ Сеймоваго Устава, тщательно умалчиваютъ, какъ въ ссылкахъ подъ статьями проекта, такъ и въ мотивахъ къ онымъ, о томъ, что вопросъ о налогахъ, какъ ординарныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, равно какъ и о назначеніи расходовъ, давно уже рѣшенъ въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, который выводится комитетомъ, и рѣшенъ узаконеніями, дѣйствующими въ Финляндіи до сей минуты, именно въ § 16 и въ гл. II-ой § 42-го учрежденія Правительствующаго Совѣта и въ § 8 отдѣла II высочайшаго манифеста 17 Марта 1826 г. объ учрежденіи Статсъ-Секретаріата, о чемъ было подробно сказано въ своемъ мѣстѣ. На основаніи этихъ узаконеній, налоги взимались въ Финляндіи, въ теченіе болѣе полустолѣтія, по высочайшимъ постановленіямъ, и никогда не возбуждалось вопроса о необходимости ожидать на сіе разрѣшенія сейма; равнымъ образомъ и расходы назначались ежегодно росписью, утверждавшеюся высочайшею властію.

Въ Форму правленія для Великаго Княжества Финляндскаго комитетъ включилъ также постановленія о различныхъ видахъ землевладѣнія (§§ 74—92) и о привилегіяхъ, соединенныхъ съ владѣніемъ фрельсовыми или дворянскими имѣніями. Хотя нѣтъ ничего общаго между этими предметами и основными законами о формѣ государственнаго правленія, но комитету нужно было какимъ-нибудь способомъ упрочить на будущее время за дворянскими имѣніями неприкосновенность многоразличныхъ поземельныхъ привилегій, унаслѣдованныхъ еще отъ временъ дворянской вольницы, когда всевластное Шведское дворянство само освободило свои земли отъ государственныхъ налоговъ и повинностей: потому-то эти поземельныя привилегіи и включены въ Форму правленія. Правда, въ 1864 г. (2 Апрѣля) состоялся законъ, отмѣнившій существовавшее дотолѣ запрещеніе другимъ сословіямъ пріобрѣтать свободныя отъ повинностей дворянскія земли и, въ случаѣ ихъ пріобрѣтенія не дворянами, признавшій за этими землями сохраненіе прежнихъ льготъ. Но этотъ законъ, которому Финляндское дворянство придало видъ какъ-бы дѣйствія, внушеннаго идеею равноправности, на самомъ дѣлѣ прямо направленъ къ выгодѣ дворянства; ибо онъ разомъ возвысилъ продажныя цѣны дворянскихъ земель и содѣйствовалъ значительному переходу ихъ къ прочимъ сословіямъ. Дворянъ-землевладѣльцевъ въ Финляндіи очень немного; большинство же лицъ, принадлежащихъ къ этому званію, состоитъ изъ чиновниковъ, живущихъ службой въ многочисленныхъ казенныхъ учрежденіяхъ этой провинціи, которая, по числу жителей, соотвѣтствуетъ приблизительно Кіевской губерніи. Множество Финляндскихъ дворянъ служитъ на Русской воен-

ной и гражданской службѣ. Если бы Финляндское дворянство дѣйствительно желало общей равноправности относительно поземельныхъ налоговъ, то оно прямо отказалось бы отъ своихъ поземельныхъ привилегій и приняло бы, на ряду съ сельскимъ и городскимъ сословіями, участіе въ повинностяхъ. Но оно этого не сдѣлало, а только громко заявило, что уступаетъ другимъ сословіямъ право покупать отъ него сетерейно-фрельсовыя земли, съ тѣмъ, что и послѣ перехода ихъ къ не-дворянамъ за ними сохраняется льгота отъ разныхъ податей и повинностей.

Въ послѣднемъ 93-мъ параграфѣ проекта Формы правленія предписывается, что она «во всѣхъ своихъ частяхъ должна дѣйствовать, какъ непоколебимый основной законъ *для Финляндскаго Монарха* и народа, и должна быть примѣняема по истинному смыслу словъ». Здѣсь Русскому Императору, неограниченному обладателю Финляндіи по праву завоеванія, предписывается, какъ непоколебимый основной законъ, сочиненный Финляндцами тенденціозный подборъ старыхъ Шведскихъ узаконеній, не имѣющихъ никакого отношенія къ Финляндіи послѣ ея завоеванія Петромъ Великимъ, Елисаветою и Александромъ I. Такъ и это послѣдне-приведенное предписаніе проекта основано, какъ видно изъ ссылокъ, на введеніи и утвержденіи Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г., въ которыхъ, какъ было уже сказано прежде, заключаются обязательства, не только непримѣнимыя къ Русскому Монарху, но и въ высшей степени оскорбительныя для его достоинства. Затѣмъ въ томъ же § 93 Русскому Императору предписывается, какъ онъ долженъ править Финляндіею, именно, что ему «надлежитъ быть для всего Финскаго народа неизмѣнно вѣрнымъ правителемъ, который ни въ чемъ не поступаетъ вопреки сему закону и своимъ обѣщаніямъ, но скорѣе увеличиваетъ ихъ всѣмъ, что̀ можетъ относиться къ благосостоянію страны». Эти патріархальныя предписанія выводятся изъ королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 г. Въ томъ же параграфѣ проекта говорится, что «Финляндскій народъ долженъ оказывать Императору и Великому Князю надлежащее повиновеніе и слѣдовать его повелѣніямъ, въ согласіи съ сею Формою правленія, во всемъ, что̀ ему повелѣвать, а подданнымъ исполнять приличествуетъ предъ Богомъ и людьми», и опять ссылка на королевскій отдѣлъ 1442 г. и Форму правленія 1772 г., и кромѣ того на присягу депутатовъ на Боргоскомъ сеймѣ. Само собою разумѣется, въ этой присягѣ не находилось никакихъ подобныхъ оговорокъ относительно того, подъ какими условіями депутаты давали за себя и за Финскій народъ обѣтъ вѣрности (см. Пок. Ф. Ордина, II, 355). Самъ комитетъ сознается, что

обязательства, подобныя § 93-му проекта, «рѣдко и едва-ли даже вообще когда-нибудь вносились въ новѣйшія государственныя конституціи»; тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что такое предписаніе «не лишено значенія» (мотивы, стр. 107).

Изъ сдѣланнаго здѣсь обзора проекта Формы правленія видно, что онъ вовсе не представляетъ собою кодификаціи существующихъ въ Финляндіи и признанныхъ Верховною властью узаконеній, о которыхъ напротивъ того онъ систематически умалчиваетъ, если они постановлены безъ содѣйствія сейма. Проектъ этотъ есть совершенно произвольный подборъ Шведскихъ узаконеній прежнихъ столѣтій, никогда Русскими императорами неутверждавшихся, подборъ, сдѣланный съ цѣлію лишить Русскаго Императора неотъемлемо принадлежащихъ ему правъ по законодательству и управленію и создать изъ Финляндіи самостоятельное государство, такъ чтобы никакія общегосударственныя требованія Россіи не могли вліять на Финляндскіе законы и порядки. Комитетъ, для оправданія своей законодательной теоріи, дѣлаетъ завѣдомо ложныя ссылки на статьи изданныхъ въ Финляндіи послѣ 1863 г. законовъ, не имѣющія никакого отношенія къ сочиненнымъ имъ законоположеніямъ, а напротивъ того — нѣкоторыя законоположенія, изданныя до 1863 г. самодержавною властію безъ всякаго соображенія съ прежними Шведскими законами, выдаетъ за прямое послѣдствіе этихъ законовъ. Объясненія къ проекту комитета представляютъ непрерывную цѣпь историческихъ вымысловъ и юридическихъ несообразностей, натянутыхъ или прямо превратныхъ толкованій смысла цитируемыхъ узаконеній, придирокъ къ отдѣльнымъ словамъ наперекоръ смыслу всего приводимаго узаконенія. Комитетъ измѣняетъ текстъ позднѣйшихъ узаконеній, каковы Регламентъ Правительствующаго Совѣта и постановленіе о Статсъ-Секретаріатѣ, по Шведскимъ, болѣе раннимъ узаконеніямъ (см. напр. §§ 24, 26, 27, 29 и 39 проекта); вырываетъ разныя постановленія и даже отдѣльныя фразы Шведскихъ законовъ изъ той связи, въ какой онѣ тамъ находятся, формулируетъ ихъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, видоизмѣняя иногда до неузнаваемости, и вставляетъ потомъ въ свой проектъ уже совсѣмъ въ другой связи, отчего существенно измѣняется ихъ смыслъ. Самое названіе проекта «Форма правленія», примѣнявшееся обыкновенно къ основнымъ государственнымъ законамъ самостоятельнаго Шведскаго королевства, не соотвѣтствуетъ не только положенію Финляндіи, какъ провинціи, состоящей въ собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи, но и самому содержанію проекта, такъ какъ въ немъ параграфы объ управленіи и законодательствѣ занимаютъ лишь меньшую часть, а

большая часть проекта не имѣетъ никакого отношенія къ образу правленія, какъ напр. постановленія, касающіяся землевладѣнія, которыя никогда не входили въ Шведскія Формы правленія.

Кромѣ Формы правленія комитетъ Вейсенберга составилъ и включилъ въ основные законы Финляндіи постановленія о сословныхъ привилегіяхъ, т. е. собственно о привилегіяхъ дворянства и духовенства, такъ какъ всѣ привилегіи городовъ ограничиваются подтвержденіемъ за ними права выбирать себѣ бургомистровъ и ратмановъ и управлять собственными городскими кассами; а всѣ привилегіи крестьянства заключаются въ одной статьѣ, гласящей, что крестьянина, владѣющаго землей (но не безземельнаго, каковыхъ въ Финляндіи больше половины всего количества сельскаго населенія), «нельзя арестовать, если только судья или иное должностное лицо не найдетъ нужнымъ взять его подъ стражу». Сословныя привилегіи комитетъ, по его словамъ, потому включилъ въ основные законы, что, «будучи основаны первоначально на нѣкотораго рода договорѣ между монархомъ и тѣмъ или другимъ сословіемъ, они въ теченіе XVIII столѣтія получили такое значеніе, что ихъ нельзя было измѣнять или отмѣнять, а также давать новыя привилегіи безъ согласія всѣхъ четырехъ сословій» (мотивы, стр. 9). Поземельныя привилегіи дворянства включены комитетомъ, какъ мы видѣли, не въ отдѣлъ сословныхъ привилегій, а въ Форму правленія, такъ какъ они какъ бы перестали быть сословными привилегіями послѣ закона 2 Апрѣля 1864 г.; въ проектъ же сословныхъ привилегій внесены только личныя привилегіи дворянства. Какъ тѣ такъ и другія привилегіи дворянства комитетъ основываетъ на привилегіяхъ, утвержденныхъ за Шведскимъ дворянствомъ въ 1723 г. королемъ Фридрихомъ Гессенскимъ, выбраннымъ на престолъ самимъ же дворянствомъ, которое и предписывало ему законы на всей своей волѣ и самовластно распоряжалось дѣлами на сеймахъ, не обращая вниманія на протесты горожанъ и крестьянства. Одни изъ дворянскихъ привилегій, внесенныхъ въ проектъ, не соотвѣтствуютъ цѣлямъ благоустроеннаго государственнаго управленія, другія же прямо направлены противъ державныхъ правъ Россіи. Такъ по § 1-му «у дворянина нельзя отнимать (конфисковать) писемъ или инаго имущества или производить въ нихъ обыскъ прежде, чѣмъ онъ не замѣченъ, не изобличенъ законнымъ образомъ и не осужденъ за такое преступленіе, за которое полагается по закону лишеніе жизни, чести и имущества». Въ мотивахъ къ этому параграфу (стр. 5) комитетъ говоритъ, что это постановленіе о конфискаціи и обыскѣ, взятое имъ изъ дворянскихъ привилегій 1723 г., составляетъ исключительную привилегію дворянства, ко всѣмъ же дру-

гимъ сословіямъ примѣняются постановленія общаго закона о производствѣ конфискаціи и домоваго обыска до осужденія. Эта дворянская привилегія, противорѣчащая самымъ элементарнымъ понятіямъ о цѣли всякаго обыска, какъ средства къ раскрытію преступленія, и потому предшествующаго суду, а не слѣдующаго за нимъ, открываетъ Финляндскому дворянину возможность ускользать отъ привлеченія къ суду и скрыться за границу въ случаѣ напр. политическаго преступленія, такъ какъ личный его арестъ, по тому же § 1-му, также возбраняется, «пока онъ не уличенъ въ тяжкомъ преступленіи или пока судья, по закону и порядку судопроизводства, не признаетъ нужнымъ взять его подъ стражу». Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что въ составленномъ Финляндскимъ Сенатомъ Уголовномъ Уложеніи 1889 г., введеніе котораго было потомъ пріостановлено по высочайшему повелѣнію, обойдены совершеннымъ молчаніемъ такого рода преступленія, какъ заговоръ на совершеніе измѣнническихъ дѣйствій противъ Русскаго государства или его правительства и шпіонство въ мирное время. Изъ сопоставленія этого умолчанія съ приведеннымъ выше § 1-мъ проекта сословныхъ привилегій выходитъ, что, въ случаѣ утвержденія этого проекта и введенія въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія 1889 г., въ Финляндіи каждый тамошній дворянинъ могъ бы совершенно безнаказанно составлять заговоры противъ Россіи и ея правительства и упражняться въ шпіонствѣ, по подговору враждебныхъ намъ правительствъ: сказанный § 1-ый проекта узаконялъ бы его неприкосновенность.

По § 7-му проекта сословныхъ привилегій, «дворянинъ освобождается отъ всякихъ казенныхъ повинностей и налоговъ съ находящагося въ городѣ его дома и двора, въ которомъ онъ самъ живетъ». Такимъ образомъ, по проекту, Финляндское дворянство ни со своихъ земель, ни со своихъ домовъ не платитъ ничего на содержаніе провинціальныхъ Финляндскихъ учрежденій и на общественное благоустройство, хотя само широко пользуется всѣми выгодами того и другаго.

Въ § 4-мъ дворянскихъ привилегій 1723 г. сказано, что каждому Шведскому дворянину «дается свобода и дозволеніе поступать на военную и иную службу къ чужеземнымъ государямъ». Комитетъ въ § 3-мъ своего проекта перефразировалъ это постановленіе такимъ образомъ: «дворянину дозволяется поступать на военную или иную службу *иностранной дружественной* державы», а въ мотивахъ къ этой статьѣ комитетъ поясняетъ, что «право находиться за границей и служить въ иностранной военной или гражданской службѣ, предоставленное дворянамъ § 4-мъ привилегій 1723 г., само собою ограничивается постановленіемъ, изложеннымъ въ § 1-мъ главы 4-й отдѣла о преступленіяхъ (въ Общемъ Уложеніи 1734 г.), въ томъ смыслѣ, что можно служить

только у дружественной державы. Въ приведенномъ здѣсь параграфѣ и слѣдующихъ за нимъ отдѣлахъ о преступленіяхъ установлена смертная казнь тому, кто наведетъ непріятельское войско противъ государства, или изобличенъ будетъ въ какомъ-либо замыслѣ противъ государства, будетъ покушаться предать страну или народъ, военную силу, запасные магазины и т. п. Въ слѣдующихъ затѣмъ параграфахъ смертная казнь опредѣляется и тому, кто будетъ способствовать такой измѣнѣ письмомъ, совѣтомъ или пособіемъ, или кто, зная о существованіи измѣнническихъ замысловъ, во время не откроетъ ихъ. Такъ какъ подъ словами «иностранная держава» и «за границей» Финляндскіе законовѣды прежде всего и спеціально подразумѣваютъ Россію, а подъ «государствомъ» разумѣютъ Финляндію: то становится весьма понятно, какимъ изъ своихъ согражданъ дворянскаго сословія и въ предвидѣніи какихъ случайностей угрожаютъ смертною казнію составители проекта въ своемъ толкованіи сочиненнаго ими § 3-го привилегій дворянства. Тенденціи составителей этого проекта и тонъ ихъ по отношенію къ Россіи и Русскимъ выступаютъ особенно рельефно, если это отнесеніе Россіи къ числу иностранныхъ державъ, это недопущеніе Русскихъ офицеровъ вступать въ Финское войско, это воспрещеніе производить даже натурализованныхъ въ Финляндіи Русскихъ, отбывающихъ тамъ воинскую повинность, въ офицерскіе чины, если все это сопоставить съ тѣмъ фактомъ, что сами Финляндцы принимаются въ Россіи во всѣ роды службы безъ всякаго различія отъ коренныхъ Русскихъ и достигаютъ нерѣдко высшихъ государственныхъ должностей, а дѣти ихъ воспитываются на казенный счетъ въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи.

Въ § 4-мъ проекта привилегій говорится: «Буде пожелаетъ дворянинъ перемѣнить свое мѣстожительство и выселиться въ иную страну, то сіе дозволяется. Дворянинъ, такимъ образомъ выселяющійся изъ страны, теряетъ мѣсто и право голоса въ рыцарскомъ домѣ». Это постановленіе опять есть перефразировка § 32-го привилегій 1723 г., гдѣ было сказано, что «буде пожелаетъ какой-либо Шведскій дворянинъ поселиться за границей подъ властью какого-либо правительства, состоящаго съ нашимъ государствомъ въ мирѣ и дружбѣ, то» и т. д. Такимъ образомъ требованіе, бывшее въ Шведскихъ законахъ совершенно умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ, составители проекта, посредствомъ извращенія смысла и выраженій, примѣняютъ къ Финляндцамъ, какъ бы къ подданнымъ самостоятельнаго Финляндскаго государства, относительно котораго Россія является «иною страною» или «иностранною державою».

Окончаніе слѣдуетъ.

УКАЗЫ ГРАФА П. Б. ШЕРЕМЕТЕВА ЕГО УПРАВИТЕЛЯМЪ [1].

Села Мещерина [2]) въ прудъ, которой называется Студенецъ, ежегодно покупать изъ казеннаго вѣдомства стерлядей живыхъ самыхъ мелкихъ, которыя бъ не томны были, ста по четыре, и сажать всякой годъ, которыя тутъ могутъ расти; а удобнѣе ихъ сажать весною или осенью, когда похолоднѣе будетъ. И нынѣшнею осенью посадить.

Іюня 17 д. 1764.

*

Конюха Тимофея Фуфая сыну Ивану, которой отданъ стороннему мастеру для обученія башмачному женскому мастерству, давать денежнаго жалованья по 2 р. въ годъ, а хлѣбную и прочія дачи противъ другихъ учениковъ холостыхъ.

Августа 9-го 1764.

*

Указалъ я Алексѣя Хрусталева для обученія стряпческихъ дѣлъ отдать стряпчему Алексѣю Толмачеву.

Августа 21-го 1764.

Указъ въ домовую мою канцелярію управителямъ.

О фабрикѣ слесарной, которая въ селѣ Павловѣ [3]), изъ оставленныхъ мастеровыхъ людей учрежденія никакого не сдѣлано, въ чемъ разсмотрѣніе и учрежденіе поручилъ я Николаю Володимировичу [4]) обще съ вами на такомъ основаніи.

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" сего года, выпускъ 4-й, стр. 509. Въ этихъ „указахъ" мы имѣемъ подлинное изображеніе жизненной обстановки, вкуса и дѣятельности оберъ-камергера графа Петра Борисовича Шереметева: „идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше". Внимательный читатель оцѣнитъ значеніе „указовъ" для бытовой исторіи прошедшаго вѣка. Тутъ очень мало общаго съ душевладѣльчествомъ Европейской аристократіи. Извлеченія изъ своеручныхъ подлинниковъ сдѣланы старшимъ правнукомъ графа Петра Борисовича графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Шереметевымъ. П. Б.

[2]) С. Мещериново, Моск. губ. Коломенскаго у.

[3]) С. Павлово, Нижегор. губ. Горбатовск. у., на берегу Оки.

[4]) Шереметеву, внучатному племяннику графа Петра Борисовича.

1. Съ тѣхъ всѣхъ мастеровыхъ людей положенное вытное тягло снять и по тому тяглу денежныхъ доходовъ и прочихъ мірскихъ поборовъ никакихъ не требовать.

2. Для той фабрики построить надлежащее по тому мастерству строеніе.

3. Дѣлать имъ ружья, ножи, ножницы, щипцы, замки и пр., что̀ лучше употребляется въ продажу, а изъ тѣхъ вещей самымъ лучшимъ мастерствомъ осьмую часть, прочее же посредственное, какое въ продажу лучше можетъ произойти.

4. Всякой вещи, что̀ за нее мастеру заплатить, надлежитъ положить цѣну.

5. Мастеровымъ за ихъ работу платить по положенной цѣнѣ, сколько когда сдѣлаетъ, деньги.

6. Учредить изъ нихъ человѣка, чтобъ что̀ сдѣлано будетъ, принималъ у мастеровыхъ противъ пробы; которой же хуже пробы сдѣлаетъ, то принимать безъ заплаты денегъ или ломать, чтобъ чрезъ то имѣли тщаніе лучше дѣлать и приводить въ лучшее состояніе.

7. Тѣхъ всѣхъ мастеровыхъ поручить въ смотрѣніе одному человѣку, который бы надъ ними въ мастерствѣ ихъ зналъ и въ порядочномъ житьѣ имѣлъ смотрѣніе и за вины могъ штрафовать.

8. Какія же работы по дому моему сверхъ писанныхъ на продажу вещей приказано будетъ дѣлать, за то платить, по оцѣнкѣ работы, имъ деньги.

9. Тѣмъ всѣмъ вещамъ что̀ подѣлано будетъ продажѣ быть въ Москвѣ и въ селѣ Павловѣ, для чего надобно содержать особыя лавки.

10. Ежели къ той фабрикѣ потребны будутъ такія мастерства, какихъ въ Павловѣ нѣтъ, оное, ежели по разсмотрѣнію отъ той фабрики будетъ польза, можно опредѣлить, сыскавъ на то способнаго человѣка.

11. Къ дѣлу жъ ружей, ножевыхъ черенковъ всякое дерево и кость всегда присылаться будутъ отъ меня.

12 Протчіе же матеріалы, желѣзо и что̀ къ той работѣ принадлежитъ будетъ покупаться; а стволы у лучшихъ ружей дѣлать изъ обломковъ подковныхъ, гвоздиныхъ и пр., которые велѣть сбирать, такъ какъ прежде о томъ уже было приказано.

13. Напередъ всѣмъ вещамъ, какія тамъ на продажу дѣлать будутъ, велѣть на пробу сдѣлать по нѣскольку штукъ; а что̀ съ матеріалами и работою всякая станетъ, процѣнить, почему за нихъ взять будетъ можно и какая отъ всякой вещи будетъ прибыль и сколько той прибыли за содержаніемъ всей фабрики получить будетъ можно, учиня вѣрной счетъ, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе.

14. Всему жъ вышеписанному учрежденію напередъ сдѣлать планъ, какъ оное начать и какимъ порядкомъ идтить можетъ, и будетъ ли отъ того прибыль; ежели будетъ какая, положа въ счетъ и то, что̀ нынѣ съ нихъ берется по тяглу, которое совсѣмъ ужъ уничтожится, при томъ включа, что̀ на строеніе той фабрики и на дѣло инструментовъ надобно будетъ употребить и въ какое время то окупится и, учиня изъ всего того положенія экстрактъ, на какомъ основаніи той фабрикѣ остаться, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе, почему разсмотря точнымъ указомъ, на какомъ основаніи быть, отъ меня и опредѣлится.

Генваря 17 дня 1766.

*

Смотрѣть, чтобъ оставшійся въ Кромскихъ*) и Рыльскихъ деревняхъ немолоченный хлѣбъ чтобъ былъ обмолоченъ и понапрасну не сгнилъ, но и самыя малости понапрасну не пропадали и взыскивать за упущеніе и нерадѣніе съ тѣхъ кому поручено въ смотрѣніе.

Марта 30 го 1766.

*

Изъ садовъ огурцовъ и спаржей и никакой зелени не присылать въ Петербургъ, а присылать одни оранжерейные фрукты: вишни, сливы, персики, абрикосы, яблоки, груши, ананасы и другое что̀ въ оранжереѣ родится, и какія будутъ, и тѣ укладывать хорошенько, чтобъ дорогою не перепортились.

Мая 25 д. 1766.

*

Присланныхъ изъ Петербурга за воровство и пьянство бывшаго гребца и переплетчикова сына, въ домѣ ихъ не держать и напрасно дачъ не производить, ибо не токмо такими негодными дѣлается умноженіе числа людей, но и другіе отъ обхожденія съ ними могутъ портиться.

Петербургъ, 17 Декабря 1766.

*

Изъ приготовленныхъ въ Москвѣ конфектовъ, вареныхъ Аѳимьею Ключаревой въ сахарѣ, уложа хорошенько, отправить чрезъ ямскую почту малины, вишень, смородины красной, крыжевнику по 10 фунтовъ всякаго сорту, и того пудъ, немедленно, а протчихъ никакихъ не присылать, потому что до отъѣзду моего оныхъ будетъ довольно.

Въ С.-Петербургѣ, Генваря 4-го 1767.

*

Какія есть нынѣ дѣла къ докладу мнѣ, также поданныя челобитны, тѣ всѣ прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе сегодня съ реестромъ, и

---

*) Села Алексѣевское-Шереметево и Ретяжи.

впредь тѣмъ дѣламъ, которыя подлежать будутъ къ докладу мнѣ, быть всегда здѣсь и одному дневальному отъ канцеляріи подъячему, чтобъ во всякое время, когда мнѣ надобно, я оныя разсматривать могъ.

Мая 22-го 1767.

*

Села Кускова всякаго званія дворовыхъ людей, которые нынѣ въ наличности и состоятъ по штату на денежномъ и хлѣбномъ жалованьи и жить будутъ добропорядочно, кто изъ нихъ и впредь будетъ умершихъ, таковыхъ по смерти ихъ оставшимъ женамъ давать хлѣбную и протчую дачу противъ окладовъ мужей ихъ половинную.

Октября 4 дня 1767.

*

Для избѣжанія отъ пожаровъ подтвердить, чтобъ во всѣхъ вотчинахъ имѣли предосторожность и при томъ для ихъ спасенія учредить, чтобъ имѣли крюки, топоры и ухваты, чѣмъ можно было хотя нѣсколько дворовъ спасти.

10 Января 1769.

*

Изъ высланныхъ изъ слободы Борисовки пѣвчихъ 5-ти человѣкъ явились годныхъ только 2 человѣка, басистъ и дишкантистъ, которые здѣсь и оставлены, а 3 человѣка за негодностью, потому, что хорошихъ голосовъ не имѣютъ, для отправленія обратно въ Борисовку посланы въ Москву на наемныхъ села Никольскаго-Химки*) двухъ крестьянскихъ лошадяхъ. Заплатить изъ казеннаго вѣдомства; но какъ то сдѣлано отъ несмотрѣнія и пренебреженія прикащика Казакѣева, который въ такихъ большихъ слободахъ годныхъ пяти человѣкъ найти не могъ, сочтя, что̀ ихъ проводъ и убытки стоятъ отъ Борисовки до Петербурга и изъ Петербурга обратно до Борисовки, оное все для страху впредь взыскать въ казну мою съ него Казакѣева безъ всякой отговорки и что̀ взыскано будетъ, для вѣдома писать ко мнѣ.

Декабря 1769.

*

Изъ имѣющихся въ домѣ моемъ мастеровыхъ позволилъ я Николаю Володимировичу набрать въ село Кусково для починокъ и поправокъ и карауловъ разнаго званія людей, а именно мастеровыхъ: одного маляра, одного кузнеца, одного пешника, четырехъ человѣкъ столяровъ, одного рѣщика, одного паяльщика, дву человѣкъ штукатуровъ, одного обрушника, четырехъ человѣкъ каменьщиковъ, трехъ человѣкъ лѣсниковъ, одну скотницу, да для караулу въ селѣ Вешняковѣ

---

*) Нѣкогда подмосковная князя А. М. Черкасскаго. Здѣсь былъ домъ, въ которомъ останавливалась императрица Елисавета Петровна на пути изъ Петербурга въ Москву.

трехъ человѣкъ. Сверхъ того позволено ему отъ меня въ Вешняковскую богадѣльню къ положенному числу богадѣленныхъ прибавить дому моего изъ людей престарѣлыхъ и увѣчныхъ восемь человѣкъ, а денежное, хлѣбное и протчее по окладу жалованье производить изъ суммы, которая положена была на содержаніе въ вотчинахъ моихъ монастырей, а они по силѣ указу испражнены.

Генварь, 1770.

*

Ка̀къ въ Шампетрѣ[1]) переписать надъ карвизами картины Пошѐ, прислать ко мнѣ рисунокъ, который я потребовалъ, и написать то поручилъ его смотрѣнію, о чемъ къ нему и писалъ; только я прежде приказалъ Замятину сходить къ Никитѣ Ивановичу[2]), или послать тебя, и ежели онъ скажетъ, что когда Его Высочество будетъ, помѣшательства не будетъ, то сказать ему Пошѐ, чтобъ приказалъ дѣлать что̀ можетъ изъ посланнаго на сей почтѣ къ Замятину указу, почему исполнить и отписать ко мнѣ.

Въ Москвѣ, Марта 3-го дня 1770.

*

Въ Фонтанной мой домъ [3]), въ контору мою, четыре кресла, которыя положено сдѣлать, вновь заказать сдѣлать точно такимъ маперомъ, какія я видѣлъ въ спальнѣ у графа Никиты Ивановича Панина. У нихъ верхъ круглой, чего ради въ покои графа Никиты Ивановича тебѣ сходить и тѣ кресла посмотрѣть, и заказать сдѣлать противъ ихъ, а обить ихъ штофомъ зеленымъ.

Въ Шампетръ, въ гостиную голубую комнату, вмѣсто плетеныхъ канапѐ, заказать сдѣлать канапѐ ольховые, такіе, какъ есть въ Фонтанномъ моемъ домѣ по мѣрѣ мѣста, только щитокъ невысокій, чтобъ бѣлье и зеркала не закрывало. . Матерья пришлется отсюда.

Марта 11-го дня 1770 [4]).

*

О погорѣлыхъ деревни Глобицъ крестьянахъ имѣть стараніе, чтобъ они конечно нынѣшнимъ лѣтомъ выстроились, давъ имъ надлежащую льготу и, сверхъ того, чѣмъ можно помочь. Также отчего опять пожаръ сдѣлался, писать ко мнѣ.

Въ Москвѣ, 19-го Апрѣля 1770.

*

---

[1]) Шампетръ—дача за Нарвской заставой, подъ Петербургомъ, противъ дачи князя Н. Ю. Трубецкаго, который былъ роднымъ дядею супругѣ графа П. Б Шереметева.

[2]) Графу Панину, жившему въ Зимнемъ дворцѣ. Не задолго передъ тѣмъ былъ онъ женихомъ дочери графа Петра Борисовича.

[3]) Домъ въ Петербургѣ на Фонтанкѣ, нынѣ графа С. Д. Шереметева.

[4]) Въ Шампетръ обѣщалъ для гулянья пріѣзжать Его Высочество. *Примѣчаніе графа П. Б. Шереметева.*

Что касается до подсадокъ въ саду Фонтаннаго моего дома и въ Шампетрѣ, оныхъ не упустить и стараться во всѣхъ мѣстахъ подсадить такими деревьями, какія гдѣ надобны, по прожекту Эклебанову, какъ я прежде писалъ.

Сказать садовнику, чтобъ онъ досталъ сѣмянъ цвѣточковъ миньонетовъ (такихъ, что̀ въ прошломъ году были присланы ко мнѣ отъ Карла Ефимовича Сиверса), которыя бы въ пристойныхъ мѣстахъ посѣять въ саду Фонтаннаго моего дома и въ Шампетрѣ.

22-го Апрѣля 1770.

*

Что въ саду Фонтаннаго моего дому шпалерныя березы пропали, меня очень удивило, потому что прошедшимъ лѣтомъ были зелены... На мѣсто ихъ посадить вездѣ одну липу, а что ты межъ березокъ назначилъ посадить акацію—очень дурно, а надобно, чтобы всякая шпалера была изъ одного дерева.

Въ Москвѣ, Апрѣля 29-го 1770.

*

Кунскамору всю, которая въ Фонтанномъ моемъ домѣ, намѣренъ я перенесть въ покои, гдѣ жилъ Доресій; а тотъ покой, гдѣ та кунскамора была, будетъ другая рыскамора для стариннаго ружья, которое пришлется въ добавку изъ имѣющихъ отсюда. Въ покой Доресіевъ изъ нынѣшней кикаморы для проходу въ тоё кунскамору дверь надлежитъ отворить, а сѣнныя двери, гдѣ ходятъ, задѣлать наглухо. Того ради ту комнату, гдѣ жилъ Доресій, для оной кунскаморы отдѣлать[1])..

Булатова покой прибрать и обить бумажками для камординера Француза, котораго я выписываю для себя изъ Парижа.

13 Іюня 1770.

*

Что Лукьяну Ивановичу [2]) отпустилъ дыни, очень изрядно. Для Доресія покои, также и для перукмахера Француза, какъ прежде... стараться отдѣлать немедленно; а чтобъ въ отдѣлкѣ ихъ не было остановки, Булатову жену съ дѣтьми, нанявши подводу, отправить въ Москву.

Въ Останковѣ, 1 Іюля 1770.

*

---

[1]) Что̀ такое рыскамора и кикамора, не знаемъ. Большое собраніе стариннаго оружія, доставшееся графу С. Д. Шереметеву, описано Э. Ленцомъ, и это описаніе съ фотографическими рисунками издано въ свѣтъ особою книгою. С.-ПБ. 1895, въ 4-ку.

[2]) Талызину.

Положенный мною штатъ псовой охоты нынѣ разсматриванъ вновь, которой, какъ людьми такъ и лошадьми укомплектованъ и остался во всемъ прежнемъ основаніи; неспособные же быть при той охотѣ псари отрѣшены, а на ихъ мѣста выбраны другіе, и та вся охота поручена отъ меня по прежнему въ полное смотрѣніе ловчему Андрею Бахтемирову, и велѣно ему въ содержаніи ея поступать по данной за моею рукою инструкціи. А чтобъ та охота приводима была въ лучшее состояніе, велѣно ему, ежели и впредь изъ опредѣленныхъ нынѣ псарей усмотрѣны будутъ зачѣмъ при той охотѣ быть негодными, о тѣхъ представлять мнѣ, почему и опредѣлены будутъ на ихъ мѣста другіе, годные. А безъ указу за моею рукою изъ той охоты, какъ псарей, такъ и лошадей и ничего не брать и псарямъ жениться не дозволять подъ опасеніемъ, кто то осмѣлится сдѣлать, штрафа. Канцеляріи же стараться ту охоту снабдѣвать положеннымъ по штату безъ удержки; а кто нынѣ при той охотѣ опредѣлены быть псари и которые за неспособностью отрѣшены, тому для знанія пріобщенъ при семъ указѣ реестръ.

Въ Останковѣ, 12 Іюля 1770.

*

Я изъ Москвы въ Петербургъ отправлюсь со всею свитою сегодня и буду ночевать на Чорной Грязи, о чемъ вамъ вѣдать и что̀ надлежитъ къ пріѣзду моему приготовить.

Въ Москвѣ, 3 Августа 1770.

*

Портретъ мой, планы и одинъ фасадъ Шампетру, также отправленные съ извощикомъ фонарики и шатеръ съ горы, получены исправно.

Пѣвчіе вчерашняго дня сюда пріѣхали; присланные съ ними кружки для обтиранія ногъ получены, а олени еще не привезены.

Оригинальный портретъ гр. Николая Петровича для списыванья съ него финифтію, чтобъ сходнѣе былъ написанъ, посланъ при семъ, который Адору отдать и поговорите, чтобъ какъ можно сходство было сохранено.

Въ Москвѣ, 23 Окт. 1770.

*

Повара Ивана Бальера, у котораго переломлена нога, велите лѣкарю лѣчить и какъ онъ вылѣченъ будетъ, прислать его въ Москву.

Въ Москвѣ, 1 Ноября 1770.

*

Посланъ отсюда въ Петербургъ Иванъ Каленой, и отдать его обучить Русской грамотѣ, потому что онъ выучился самоучкою, ничего

не знаетъ; также обучать писать, чтобъ умѣлъ и написать хорошо; при томъ найти мастера, который бы обучалъ его ариѳметикѣ, и геодезіи... Смотрѣть за нимъ, чтобъ онъ праздно не былъ и не избаловался и прилежалъ бы единственно наукѣ и годенъ былъ послѣ служить при Николаѣ Петровичѣ И производить ему въ годъ жалованья по 10 р., хлѣбные запасы, мяса и рыбу противъ прочихъ четвертинную дачу; когда жъ станетъ дѣлаться платье другимъ, и ему будетъ сдѣлано.

Ноября 24-го 1770.

*

Послано при семъ моихъ чулковъ шолковыхъ 16 паръ, которые отдать вымыть егеря Францua женѣ, и какъ вымыты будутъ, прислать ко мнѣ.

Въ Москвѣ, 25 Ноября 1770.

*

При семъ послана табакерка золотая съ портретомъ гр. Николая Петровича. Оной портретъ писанъ въ Петербургѣ у Адора, которой здѣсь вставливается въ табакерку, мастеръ разбилъ. Того ради ту табакерку отнести къ нему Адору и поговорить ему отъ меня, чтобъ онъ съ того портрета тому мастеру (который живетъ въ его домѣ и на его содержаніи) велѣлъ написать не замѣшкавъ точно такой же портретъ финифтяной, потому что разбитой очень хорошо былъ трафленъ [1]), и я имъ былъ доволенъ.

Въ Москвѣ, Декабря 2 дня 1770

*

Что сани мушкарацкіе отпустилъ Льву Александровичу [2]) изрядно.

Что Прузской принцъ сюда въ Москву будетъ, и я долженъ его принять, къ вамъ писалъ прежде, а нынѣ сверхъ того для забранія сервизу и прочаго, въ чемъ теперь большая нужда будетъ, отправилъ къ вамъ Алексѣя Глѣбова.

Въ Москвѣ, Декабря 2 дня 1770.

*

Антону Чубарову поручена комисія смотрѣть работы, которыя не додѣланы въ Петербургѣ, а именно: у Дюваля дѣлаются пуговицы брилліантовыя, у Лапьера отдѣлываютъ портреты мой и Варвары Петровны [3]); у Адора портретъ финифтяной Николая Петровича, о которомъ писано къ тебѣ; у золотошвея Моллера шьется кафтанъ мой золотомъ,

---

[1]) *Трафить, потрафить.* Слова эти взяты ли съ Нѣмецкаго *treffen*, не знаемъ; они въ настоящее время употребительны только у простонародья.

[2]) Нарышкину.

[3]) Эти портреты нынѣ въ большомъ домѣ подмосковнаго села Кускова.

кисти на ключъ и кисточки на фалды, также тесьма золотая и серебряная.

Въ Москвѣ, Дек. 9 д. 1770.

*

Что пѣвчіе и дьяконъ отправятся, очень изрядно; а теперь за скорымъ пріѣздомъ Прузскаго принца никакихъ домашнихъ дѣлъ разсматривать не имѣю время.

Въ Москвѣ, Декабря 16-го 1770.

*

Отправленные отъ васъ олени третьяго дня сюда привезены всѣ здоровы, которые въ Кусковской звѣринецъ и пущены.

Въ Москвѣ, 27 Декабря 1770.

*

Купить въ кормъ попугаю сухарей Голанскихъ, чтобъ были самые лучшіе и прямые Голандскіе, три боченка и прислать ко мнѣ въ Москву, да купить же у главнаго садоваго мастера сѣмянъ цвѣтовъ миньонетовъ.

Марта 21 дня 1771.

*

Приказать сдѣлать сапожнику иноземцу, которой дѣлаетъ на меня сапоги бархатные черные съ подкладкою косматою бархатною голубою, такіе точно что̀ онъ обыкновенно мнѣ дѣлаетъ и бархатъ велѣть ему употребить свой.

Въ Кусковѣ, 11 Апр. 1771.

*

Къ Николаю Петровичу на его вояжи непремѣнно надобно мнѣ перевесть въ Лейденъ къ Августу мѣсяцу 25.000 рублей, а суммы наличной у меня теперь нѣтъ.

Намѣренъ я былъ говорить съ Савою Яковлевичемъ Собакинымъ, однако онъ совсѣмъ теперь уѣхалъ въ Петербургъ. Того ради къ нему Собакину тебѣ съѣздить и поговорить отъ меня прилежно, не дастъ ли онъ мнѣ взаймы ту сумму 25,000 р. на два года съ процентами или на ту сумму въ Голландію два векселя и сдѣлать тебѣ со всѣмъ прилежаніемъ немедленно.

Ежели паче чаянія нигдѣ въ томъ не согласятся, можетъ быть, дадутъ еще въ Кадетскомъ Корпусѣ *).

Въ Кусковѣ, 19 Апр. 1771.

*

Господину Перфильеву сказать, что въ Шампетрѣ никакихъ покоевъ въ наемъ отдать тебѣ нельзя.

---

*) Любопытно, что въ такъ называемомъ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ можно было занять денегъ. Кажется, это были деньги будущаго графа Бобринскаго.

Цесарскій полковникъ Макау выписываетъ для меня вино Цинцендорфъ. То вино принять тебѣ въ домъ мой и оное съ прочими винами прислать въ Москву.

Въ Кусковѣ, 21 Апр 1771.

*

Пишетъ ко мнѣ изъ Парижа Лесажъ, что онъ шлетъ изъ Руана выписные мною товары.

При семъ списокъ.

Корабль, называемый Пророкъ Езекія, каптенъ Флустъ, три ящика подъ № 1, 2, 3. За провозъ 18 гульденовъ. Товары отданы на корабль.

Товары въ 1-мъ ящикѣ.

2 фляши серебр. для бульену.

1 кубикъ серебр. для курепья.

Ленты кавалерскія на суртутъ, бархатъ чорной съ пунсовымъ на обѣ стороны.

Драже.

Нѣсколько книгъ.

Дюжина чулковъ шелковыхъ.

Шляпы.

4 пары манжетъ антуалажные, которые зашиты середина бархатомъ

120 фунтовъ пудры.

Пластыри отъ мозолей.

Во 2-мъ ящикѣ:

Уксусы.

Горчица.

Элексиръ чѣмъ зубы чистятъ.

24 горшка помады.

Въ 3 ящикѣ:

100 фунтовъ табаку.

Въ Марковѣ, 15 Іюня 1771.

*

Купить въ Петербургѣ извести Петербургской, которая употребляется для лѣпной работы въ гротахъ, двѣ бочки, и отправить ко мнѣ въ Москву; оная надобна на уборку въ Кусковскомъ гротѣ, который убирается раковинами.

Въ Останковѣ, 27 Іюня 1771.

*

При семъ послана копія челобитной, поданной отъ комисаріатскаго члена Мерлина въ Москвѣ въ Сенатѣ, въ шестомъ департаментѣ, въ которую вмѣшано медіаторское опредѣленіе графа Романа Ларіоно-

вича[1]), по дѣлу съ гг. Нарышкиными о селѣ Поимѣ. Того ради къ Роману Ларіоновичу отъ меня съѣздить, поклониться, ту челобитную вручить, для того, чтобъ изволилъ знать, а притомъ не изволитъ ли по тому дѣлу чего и приказать, и что онъ скажетъ ко мнѣ отписать.

Въ Кусковѣ, 11 Іюля 1771.

*

Къ Роману Ларіоновичу отъ меня съѣздить и просить, чтобъ онъ, какъ обѣщалъ, взялъ на себя трудъ Мерлина уговорилъ со мною помириться, ибо онъ то дѣло твердо знать изволитъ.

Въ Марковѣ, 10 Августа 1771.

*

Николай Петровичъ отправилъ изъ Голландіи на кораблѣ садовника, котораго я выписывалъ для Кускова. Теперь я въ Кусковѣ въ садовникѣ по обстоятельствамъ нужды не имѣю, а въ Петербургскомъ моемъ домѣ садовникъ не очень хорошій. Того ради, какъ оной садовникъ пріѣдетъ, объявить ему приказъ, быть ему въ Петербургскомъ моемъ домѣ.

Въ Марковѣ, 21 Августа 1771.

*

По причинѣ дурной дороги, съ превеликимъ безпокойствомъ и трудностью, въ село Иваново[2]) сего Сентября 27 дня съ Варварою Петровною и со всею своею свитой пріѣхалъ я благополучно, гдѣ учредилъ нарочныхъ людей, съ которыми буду посылать письма въ Москву.

Николай Петровичъ пишетъ ко мнѣ, что онъ отправилъ мнѣ двѣ картины, Варварѣ Петровнѣ башмаки и Аннѣ Николаевнѣ[3]) оловянныя игрушки. Того ради навѣдаться. Къ Роману Ларіоновичу, какъ пріѣдетъ изъ деревни, съѣздить.

Въ селѣ Ивановѣ, 29 Сентября 1771.

*

Я не надѣюсь, чтобъ здѣшнія обстоятельства скоро дозволили мнѣ ѣхать въ Петербургъ, а здѣсь къ прожитію моему во многомъ недостатокъ, и достать ничего негдѣ.

Въ с. Ивановѣ, 9 Октября 1771.

*

Чужестранные купцы изъ Москвы всѣ повыѣхали.

Купя отправить ящикъ Унгерской водки хорошей дюжинъ шесть, доделавань 6 бутылокъ, сыскавъ самой хорошей же.

---

[1]) Воронцову.

[2]) Въ родовое свое имѣніе Иваново Владимірской губерніи, лѣтопись котораго помѣщена выше, графъ Шереметевъ переѣхалъ по случаю Московскаго тогдашняго мятежа и чумы, которая опустошала Москву и ея окрестности.

[3]) Калмычкѣ.

Я намѣренъ всю зиму здѣсь прожить, въ селѣ Ивановѣ, потому что въ Петербургъ ѣхать по обстоятельствамъ, которыя вы знаете, невозможно.

Въ с. Ивановѣ, 31 Октября 1771.

*

Буду жить въ Ивановѣ... И что гдѣ въ домѣ моемъ и въ Шампетрѣ прибрано, все разобрать и поставить по своимъ мѣстамъ, гдѣ что̀ лежало.

Купя прислать ко мнѣ, какъ скорѣе можно, бумаги Голанской хорошей обрѣзной въ золотѣ, въ четверть листа стопу; перьевъ Голанскихъ пять пучковъ, хорошаго песку чернаго.

4 Ноября 1771, с. Иваново.

*

Объ дочери твоей чистосердечно я объ тебѣ сожалѣю; но какъ на то воля Божія и поворотить таковую не можно, надо входить въ разсужденіе и беречь себя.

Въ Ивановѣ, 8 Декабря 1771.

*

Купить въ Петербургѣ сиговъ живыхъ сто, которые велѣть просолить хорошенько и въ первомъ обозѣ прислать въ Москву. Ежели привезены изъ Рижскихъ мызъ [1]) окорока, полотна и масло, оное все прислать въ обозѣ въ Москву.

Декабря 10 дня 1771.

*

Прибавленіе изъ первой арміи и стихи Сумарокова получены.

Въ с. Ивановѣ, 21 Декабря 1771.

*

Мишель [2]) ко мнѣ пишетъ, что объ деньгахъ Ивану Ивановичу Бецкому онъ говорилъ; онъ же винитъ людей моихъ, будто за тѣми деньгами не имѣли хожденія. И такъ ежели такъ пойдетъ проводами, больше его и не просить.

Въ Москвѣ, 14 Марта 1773

*

Какъ скоро Николай Петровичъ въѣдетъ въ Фонтанный домъ, не мѣшкавъ ни часа съ извѣстіемъ отправить ко мнѣ въ Москву, выпрося у Алексѣя Логиныча пару почтовыхъ лошадей, и чтобъ съ ними

---

[1]) Рижскія мызы—это тѣ имѣнія, которыя пожалованы были Петромъ Великимъ въ 1710 году отцу графа Петра Борисовича, завоевателю того края. Въ одной изъ этихъ мызъ, Альтпебальгѣ, графъ Николай Петровичъ построилъ православную деревянную церковь; на ея мѣстѣ воздвигнута нынѣ каменная старшимъ его внукомъ.

[2]) Французъ торговецъ.

Николай Петровичъ написалъ для извѣстія мнѣ хотя строки двѣ и велѣлъ ему ѣхать съ поспѣшеніемъ. По немъ я реглирую пріѣздомъ моимъ для Николая Петровича въ Кусково, гдѣ его встрѣчу, а до тѣхъ поръ буду жить въ Мещериновѣ и въ Марковѣ, о чемъ и Николаю Петровичу писалъ.

Въ Кусковѣ, 25 Апрѣля 1773.

*

О займѣ у Андрея Петровича Шувалова на платежъ Собакину денегъ еще напоминаю. Мнѣ въ деньгахъ никакой нужды, а только бы онъ то сдѣлалъ, чтобъ Собакинъ вексель мой выдалъ, а я дамъ вексель Андрею Петровичу и останусь ему долженъ, а не Собакину.

Въ Марковѣ, 5 Мая 1773.

*

Церковника къ домовой церкви годного пріискать, чтобъ были двое; ибо одному при церкви быть нельзя, а и прежде было двое, а теперь покамѣстъ до пріиску его для Николая Петровича хотя нанять.

Въ Москвѣ, 25 Ноября 1773

*

Письмо одного изъ управителей къ другому.

Государь мой Петръ Александровичъ. Его сіятельство графъ государь изволилъ указать, чтобъ вы съ гробницы покойнаго фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева надпись списали и прислали Василью Вороблевскому *). Иванъ Чубаровъ.

*

Посланъ отъ меня нарочно на почтовыхъ лошадяхъ съ письмомъ и съ подаркомъ къ гр. Николаю Петровичу камердинеръ Василій Спзяковъ, которому приказано отъ меня на словахъ, взявши отъ графа Николая Петровича на то мое письмо отвѣтъ, быть обратно ко мнѣ немедленно въ Москву. Того ради какъ онъ Спзяковъ въ Петербургъ пріѣдетъ, до отпуску помѣстить его въ домѣ моемъ, а притомъ ежели же Николай Петровичъ его зачѣмъ задержитъ, напомнить ему, что о томъ чтобъ онъ задержанъ не былъ я и тебѣ писалъ и велѣлъ напоминать; ибо мнѣ на то мое письмо отвѣтъ его нуженъ.

Въ Москвѣ, 4 Декабря 1773.

*

---

*) Вораблевскій, библіотекарь графа Шереметева, переводилъ съ Французскаго и печаталъ много книгъ. (См. Роспись Смирдина).

По представленію твоему о сельцѣ Вознесенскомъ[1]), какія того сельца крестьянами сверхъ положенія дѣланы работы, оныя имъ зачесть: кому необходимо надобно на постройку лѣсу, по разсмотрѣнію въ запискѣ дать безъ излишества; рыбакамъ тони отдать и надлежащимъ порядкомъ охочимъ людямъ кромѣ егеря Франсуа.

При отъѣздѣ гр. Николая Петровича въ Москву напомнить ему отъ меня, чтобы отправленное съ нимъ столовое серебро все привезъ съ собою, ибо оно изъ сервиза принадлежащаго г. Варварѣ Петровнѣ, которое теперь и надобно; а вмѣсто его я ему, когда надобно, отберу другаго.

Въ Москвѣ, 19 Декабря 1773

*

Надобно мнѣ для подарку графу Алексѣю Кириловичу[2]) сдѣлать пряжки бриллiантовыя башмачныя и шляпныя, цѣною въ 2000 р. Того ради сходить отъ меня къ Дювалю, чтобъ въ ту цѣну и хорошимъ мастерствомъ и фасономъ, какой нынѣ въ модѣ, мнѣ пряжки пристойныя сдѣлалъ.

Въ Москвѣ, 23 Декабря 1773.

*

При семъ послана книга печатная путешествія батюшкина въ чужіе края, которую отдать отъ меня графу Николаю Петровичу; при томъ сказать, что оная книга только что вышла изъ печати, первая и на простой бумагѣ, которую посылаю для его удовольствія. Буде же Николай Петровичъ изъ Петербурга до полученія сего отправился въ Москву, прислать ее ко мнѣ обратно.

Въ Москвѣ, 24 Декабря 1773.

*

На мѣсто умершаго священника домовой церкви священника пріискать, ибо церкви безъ священника быть нельзя. Умершаго попа попадьѣ мѣсто для ея жительства пристойное дать.

Въ Москвѣ, 22 Апрѣля 1774

*

---

[1]) Вознесенское-Корчмино, имѣніе князя А. М. Черкаскаго. Это любимая усадьба графини Варвары Алексѣевны Шереметевой, на берегу Невы, при впаденіи Ижоры.

[2]) Разумовскому. За него графъ Шереметевъ отдавалъ тогда свою дочь, графиню Варвару Петровну.

ПИСЬМА Я. И. БУЛГАКОВА ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ НЕАПОЛЬ КЪ СТАРШЕМУ ЕГО СЫНУ АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

1806-й годъ.

Москва, 22 Генваря 1806.

Домъ мой совсѣмъ конченъ и хорошъ; имъ больше еще прельщаются чужіе, нежели я. Дай Богъ пожить въ немъ хоть не долго съ вами.

Довѣренность къ тебѣ начальника [2]) простирается далеко и даже по собственнымъ его дѣламъ; но сіе-то и опасно. Сохрани Боже, ежели ты нерадѣніемъ или поведеніемъ одинъ разъ употребишь ее во зло: сіе никогда исправлено уже быть не можетъ. Ничего нѣтъ хуже и опаснѣе, какъ имѣть въ рукахъ чужія деньги, ибо наималѣйшее поползновеніе можетъ завести далеко и такъ тебя запутать, что никогда уже не избавишься отъ бѣды. И такъ, поступай осторожно. Я въ томъ на тебя надѣюсь и благодарю, что ты мнѣ все о себѣ сообщаешь. Иногда могу тебѣ помочь совѣтами, ибо я самъ черезъ все прошелъ. Фризель опредѣленъ гражданскимъ губернаторомъ въ Оренбургъ. Я отъ него на сихъ дняхъ получилъ письмо, но онъ еще о томъ не зналъ. Сіе причинитъ ему великую радость, ибо опять входитъ въ службу, изъ которой былъ отлученъ весьма непріятнымъ для него образомъ. Княжна Нат. Гагарина ушла съ Тончіемъ изъ Москвы; но говорятъ, что не удалось имъ нигдѣ еще обвѣнчаться.

*

Москва, 5 Февраля 1806.

Слава Богу, что братъ опять основался въ Вѣнѣ. По меньшей мѣрѣ онъ будетъ меня о тебѣ увѣдомлять часто. Здѣсь мы теперь не въ состояніи сдѣлать заключенія о вашихъ дѣлахъ: будетъ ли миръ или начнется война. Въ послѣднемъ случаѣ не безъ хлопотъ вамъ будетъ; но во всемъ воля Божья.

Теперь масляница; всякій день по два, по три бала и маскарада. Не понимаю, какъ жива молодежь. Я не танцую и бываю только на

---

[1]) См. выше, стр 41.

[2]) Т. е. Дмитрія Павловича Татищева, при которомъ А. Я. Булгаковъ тогда служилъ въ Неаполѣ.

одномъ въ сутки; но какъ ужинаютъ поздно, то возвращаюсь домой часу въ третьемъ и четвертомъ. Сегодня много писать кой-куда; но въ постъ больше къ вамъ писать буду. На сихъ дняхъ привезли ко мнѣ изъ Парижа *Отче нашъ* на 150 языкахъ, напечатанный во время бытности тамъ папы. Эдиція in 4° славная, но по большей части Латинскими литерами.

*

Москва. 26 Февраля 1806.

Ты правду говоришь, что свѣтъ сталъ вверхъ дномъ. Теперь, чтобы его не узнать, не надобно спать 700 лѣтъ, какъ семь отроковъ спящихъ въ пещерѣ, а довольно и семи недѣль. Что за перемѣны! И чтó еще будетъ? Но оставимъ ихъ теченію времени и займемся собою. Княжнѣ Натальѣ [1]) читалъ я твой отзывъ, т. е. благодарность за участіе, кое приняла она въ твоемъ землетрясеніи. У нихъ третьяго дни былъ концертъ, балъ и ужинъ прелюдный. Играли славные скрипачи Бальо, Элиза-дела-Маръ и пр. Она два раза пѣла, а княжна Прасковья [2]) играла на фортепіано удивительно. Вчерась всѣ онѣ у меня обѣдали, равно какъ Фризельша съ сестрою и пр. Завтра Фризельша ѣдетъ въ Нижній, и потомъ въ Оренбургъ, куда мужъ ея назначенъ губернаторомъ и уже поѣхалъ. А Родіонова ѣдетъ въ Петербургъ за какимъ-то дѣломъ, повидимому за разводомъ, и воротится сюда въ Маіѣ. И я также желаю, чтобы вмѣсто Сициліи пріѣхали вы въ Россію. Мнѣ уже извѣстно было черезъ брата, чтò о тебѣ писалъ Дм. Павловичъ. Можетъ быть, теперь уже и сдѣлано что нибудь для тебя. Алекс. Вас. [3]) поѣхалъ въ Петербургъ, и я ему поручилъ тотчасъ навѣдаться и меня увѣдомить; а тебя поздравляю съ подобною рекомендаціею, съ перстнемъ и деньгами. Надобно сохранить первый подарокъ за службу и желаю, чтобы чаще съ тобою сіе случалось.

Старый мой другъ Вас. Алекс. Шараповъ умеръ. Ему было больше 70-ти лѣтъ; но послѣдніе годы нельзя назвать жизнію по причинѣ его болѣзней. 14-го ночью загорѣлись ряды; но скоро потушили, и сгорѣла только часть овощнаго ряда. Въ газетахъ напечатано, что наше посольство прибыло на Кяхту, а 20-го Декабря имѣло вступить въ Китайскія границы, и что оно состоитъ изъ 124 человѣкъ. Приставы двора Пекинскаго уже прибыли для препровожденія его.

---

[1]) Хованской, будущей (съ Сентября 1809 г.) супругѣ А. Я. Булгакова.

[2]) Княжна Хованская, впослѣдствіи супруга Вас. Алексѣев. Обрѣзкова.

[3]) Приклонскій, племянникъ Я. И. Булгакова.

Москва, 12 Марта 1806.

Поздравляю тебя, господинъ надворный совѣтникъ, съ чиномъ, который долженъ тебя ободрить и поощрить къ большей еще, ежели можно, исправности по службѣ. А. В. Приклонскій пишетъ ко мнѣ, что произведены вы по старшинству, то быть легко можетъ, что по рекомендаціи явятъ еще какую милость. У насъ въ газетахъ начали печатать о политическихъ дѣлахъ, чего прежде никогда не было. Внесена въ нихъ нота, поданная Дм. Павл. о причинахъ отплытія изъ Неаполя нашихъ войскъ, о церемоніи размѣна ратификацій въ Царьградѣ Италинскимъ. Но гдѣ васъ искать? Какъ продолжать переписку? Богъ знаетъ. Кажется, сухимъ путемъ нельзя. А развѣ посылаться оная будетъ моремъ до Ливурны? Мнѣ будетъ горько не получать отъ тебя писемъ, да и къ тебѣ трудно оныя доставлять; но я писать не перестану, поручая пересылку брату: въ Вѣнѣ конечно найдутъ способъ переписываться съ дворомъ Неапольскимъ, гдѣ бы онъ ни былъ.

Къ намъ наѣхало много гостей изъ Петербурга: оберъ-камергеръ Нарышкинъ для построенія театра, князь Багратіонъ, Государевы адъютанты Долгорукіе и множество другихъ военныхъ. Ихъ здѣсь угощаютъ: всякой день обѣды, ужины, балы, театры, концерты. 7-го Марта давалъ Багратіону праздникъ прекрасной кн. В. А. Хованской. Я тебѣ его опишу, ибо инаго говорить нечего. Столовая была росписана трофеями; посреди стѣны портретъ Багратіона, подъ нимъ связка оружій, знаменъ и проч., около ея нѣсколько дѣвицъ, одѣтыхъ въ цвѣта его мундира и въ каскахъ à la Bagration (сдѣланныхъ на Кузнецкомъ мосту): сіе есть послѣдняя мода. Сколь скоро вошли въ залу, заиграла музыка. Княжна Наталья пѣла ему стихи, прерываемые хоромъ. Послѣ прочія дѣвицы, двѣ княжны, Валуевы, Нелединскія и пр. поднесли ему лавровый вѣнокъ и, взявъ за руки, повели его къ стѣнѣ, которая отворилась, т. е. опустилась занавѣса. Въ семъ покоѣ сдѣланъ былъ театръ, представляющій лѣсъ. На концѣ написанъ храмъ славы; передъ храмомъ статуя Суворова; изъ-за нея вышелъ геній и поднесъ Багратіону стихи; а онъ, принявъ ихъ и прочтя, поклонился статуѣ и положилъ свой лавровый вѣнецъ при ногахъ статуи. Послѣ начался балъ. Княжна часто пѣла. Ужинъ, который я въ половинѣ оставилъ и домой пріѣхалъ въ 4 часа. Все сіе было прелестно. На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Петербурга Дьяковъ; сказывалъ мнѣ, что дѣло П. И. Карпова кончено, деревни ему присуждены; а дѣло о фальшивомъ векселѣ перенесетъ онъ сюда въ Сенатъ и надѣется также выиграть.

*

Москва, 2 Апрѣля 18'6.

Пришлось подлинно горе вамъ мыкать, и вѣроятно, что ни въ Неаполѣ, ни при королѣ вамъ не бывать больше. Сіе поможетъ мнѣ съ тобою скорѣе увидѣться. Гдѣ вашему наслѣдному воевать съ 30 т., когда и 300 т. не могли ничего сдѣлать? Но во всемъ воля Божія. Ты говоришь, что писалъ ко мнѣ съ тремя разными оказіями; ни одно еще до сихъ поръ не дошло. Манзе, кажется, тотъ, что̀ у меня былъ въ Цареградѣ; спасибо ему, что тебя снабдилъ деньгами; а ты весьма умно сдѣлалъ, что оными запасся и не будешь терпѣть нужды. Видно, что кредитивъ новый до тебя еще не дошелъ. Да и что̀ въ немъ теперь прибыли? Онъ былъ на Неаполь. Сколь скоро твой вексель представятъ мнѣ, тотчасъ заплачу̀ и сегодня же деньги уже отложилъ; слава Богу, что случилось. Но тебѣ совѣтую денегъ не бросать. Никто не знаетъ будущаго: статься можетъ, что вы протаскаетесь годъ по чужой сторонѣ. Лучше что нибудь теперь себѣ отказать, дабы деньги сохранить на черный день; а отсюда доставить тебѣ оныхъ никакой уже возможности нѣтъ. Мнѣ кажется, что скоро вы разстанетесь съ Неаполемъ и со всѣмъ Неаполитанскимъ. Сейчасъ принесли отъ банкира Рованда твой вексель на 1.300 р., данный Манзе. Завтра придутъ за деньгами съ распискою, и я ихъ заплачу̀ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

*

Москва, 23 Апрѣля 1806.

Недавно умерли здѣсь Аполлонъ Андреевичъ Волковъ и князь Иванъ Васильевичъ Несвицкой, оберъ-шенкъ; первый по долгой болѣзни, а второй почти скоропостижно. Я съ недѣлю уже работаю въ саду. Снѣги были невѣроятные и повсюду не меньше сажени; но все сіе растаяло въ три дни, отчего страшныя наводненія. Москва-рѣка выходила изъ береговъ, т. е. покрывала и каменный берегъ, сносила дрова, даже цѣлые домà, кои плыли (разумѣется, небольшіе) цѣликомъ, какъ барки; мельницы, плотины повсюду разорены. Наводненіе походило на славное Петербургское 1777 года. По улицамъ, а особливо за Москвою-рѣкою, ѣздили на лодкахъ.

Приносятъ ко мнѣ письмо отъ брата; открываю его, вижу твою руку, радуюсь; но что же это за письмо? № 55 отъ 9-го Мая 1804. Братъ пишетъ, что пакетъ твой къ нему привезъ курьеръ изъ Петербурга, гдѣ онъ два года въ канцеляріи валялся. Но гдѣ вы теперь? Неужели подлинно въ Калабріи война? Глупость и безразсудность! Братъ пишетъ также: «Межаковъ вдругъ сюда явился съ адъютантомъ

Государя Шепелевымъ. Ты далъ имъ и камердинеру князя Николая Гагарина письмо и посылку ко мнѣ. Они занесены были бурею въ руки Французскому корсару, который деньги у нихъ обобралъ, письма же лежатъ теперь на днѣ Адріатическаго моря купно съ мозаиками или другимъ чѣмъ, ибо камердинеръ говоритъ, что были какіе-то для меня камешки. Видно письмо и посылка были одно ихъ тѣхъ трехъ, о коихъ ты меня увѣдомлялъ. Дай Боже, чтобы хотя другіе два дошли; но всего нетерпѣливѣе ожидаю я новѣйшаго объ васъ извѣстія: гдѣ вы, здоровы ли и куда обратитесь?

*

Москва, 24 Мая 1806.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я къ тебѣ не писалъ; но отъ тебя съ самаго Февраля ничего не получалъ. Извѣстно намъ только, по письму Манзе къ его корреспонденту въ Петербургѣ отъ 19-го Марта, что наслѣдный принцъ и вы пріѣхали въ Козенцу; а братъ пишетъ, что курьеръ, прибывшій въ Вѣну изъ Палермы, утверждалъ, что видѣлъ васъ туда ѣдущихъ на кораблѣ. Первое вѣрное о тебѣ извѣстіе меня обрадуетъ; но я не думаю, чтобы вы зажились въ Сициліи; а можетъ быть скоро и домой возвратитесь. Здѣсь богачъ Хлѣбниковъ, человѣкъ молодой, умеръ; по сей причинѣ пріѣзжали сюда Полторацкіе, мать Оленина, братъ ея, женатый на сестрѣ покойника, который оставилъ, сказываютъ, миліоновъ пять матери, а по ней и сестрѣ своей Полторацкой. Другое знатное происшествіе есть смерть Суворовой, княгини Италинской, жены покойнаго фельдмаршала Александра Васильевича. Но не все говорятъ о похоронахъ. На сихъ дняхъ женился Францъ Ивановичъ, мой архитекторъ, на дѣвушкѣ, воспитанной у Юшковой, получилъ съ нею деревню душъ 80, приданаго 5000 р., да въ подарокъ отъ Юшковой 10.000 р. Сверхъ того будетъ жить у нея въ домѣ *), имѣть ея столъ и пр. Послѣ завтра графъ А. И. Пушкинъ празднуетъ въ Валуевѣ свою серебряную свадьбу. Я завтра туда ѣду, ежели не помѣшаютъ дождь и стужа, которые у насъ продолжаются уже двѣ недѣли, такъ что даже и морозы были и повредили цвѣты и нѣкоторыя деревья. Вамъ, думаю, теперь не до морозовъ. Странствующая жизнь непріятна; но когда ведешь ее для службы отечества, то она меньше тягостна.

*

Москва, 31 Мая 1806.

Давно я не былъ столько доволенъ, какъ получа твое письмо изъ Мессины отъ 20-го Марта подъ № 107; ты меня истинно обрадовалъ, увѣдомляя, что вы благополучно прибыли въ Мессину и скоро будете въ Палермѣ; но долго ли тамъ проживете, того и сами, думаю, не

*) На Мясницкой, нынѣ Школа живописи и ваянія: огромное, но несуразное зданіе.

знаете. Пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Неаполя гвардіи полковникъ Арсеньевъ полагаетъ, что уже въ Корфу; но ежели онъ выѣхалъ еще изъ Неаполя, то словамъ его вѣрить не можно. Благодарю тебя за подробное описаніе всѣхъ вашихъ приключеній. Я прожилъ нѣсколько дней въ Валуевѣ на серебряной свадьбѣ Пушкиныхъ: обѣдни, молебны, ходы, водосвященія, проповѣди, обѣды, ужины, ярмонки, крестьянскія пляски, комедіи, балансёры, медвѣжьи штуки, балы, иллюминаціи, фейерверки и пр. и пр. съ ногъ всѣхъ сбили. Письмо твое нѣсколько разъ принужденъ я былъ читать, и оно всѣмъ понравилось; теперь остается прочесть его Біанкію, котораго еще я не видалъ. Онъ самъ, думаю, не хуже бы съигралъ роль Паттія, ежели бы нашелся въ подобномъ положеніи. Благодареніе Богу, что вырвались изъ Калабріи цѣлы; да сотворитъ Онъ по Своему милосердію, чтобы также безвредно выѣхали и изъ Сициліи, и когда будете въ Россіи, то благодарность наша Ему ничѣмъ ограничиться не можетъ. Не думаю я, чтобы болѣзнь твоя была подагра; но ни за что̀ ручаться нельзя: можетъ быть, les deux plaisirs, appetit et sommeil, y joint le troisième, c'est à dire l'excès avec les femmes, vous ont rendu digne d'être un preux chevalier de la goutte, sans regarder à votre âge Демидовъ уже пріѣхалъ въ Петербургъ и будетъ въ Москву; увидимъ, слажу ли я съ нимъ, но не надѣюсь. Сіе предложеніе дѣлалъ я, когда онъ приказалъ домъ продавать; но какъ его никто не покупаетъ, то онъ не захочетъ уменьшить его землю.

Отъ куріерской посылки у меня кудри не завьются, ибо волосовъ уже мало, ни апетитъ не прибавится, ибо зубовъ почти нѣтъ; но истинно буду утѣшенъ твоимъ пріѣздомъ. О деньгахъ писалъ уже я, что ты преразумно поступилъ; я уже ихъ заплатилъ; а на полномочіе выдавать тебѣ деньги помѣсячно Неапольскій банкиръ отвѣчалъ здѣшнему Шутельворту (который, слава Богу, еще не обанкрутѣлъ, какъ было слухъ прошелъ), что онъ приказанія исполнить не можетъ, ибо всякія сообщенія и переводъ денегъ въ Сицилію запрещены. Ежели ты получилъ письма отъ меня или отъ брата, то уже знаешь, что камердинеръ Гагарина бросилъ твою посылку въ море. Можетъ быть, въ его лексиконѣ море значитъ карманъ; обо мудрено заключить, чтобы то было для спасенія чего нибудь или кого нибудь, а разбойники поступили бы съ ними повѣжливѣе, получа себѣ посылку; но такъ и быть. Бекеръ человѣкъ добрый, при мнѣ былъ долго. Хотя краснорѣчіе его не переживетъ Цицеронова, но воспоминаніе объ немъ есть омега моего отвѣта на твое долгое и милое письмо.

*

Москва, 28 Іюня 1806.

О возвращеніи вашемъ я пересталъ уже помышлять, но о курьерствѣ не отчаяваюсь и радъ буду душевно, когда обниму моего милаго Александра. Онъ прошелъ сквозь огонь и воду и, можетъ быть, его не узнàю; но думаю, что и онъ меня также мало узнаетъ: со мною много перемѣны въ сіи три года. Я также вояжировалъ; ѣздилъ съ гр. Пушкинымъ въ Тулу, гдѣ много повеселились; были въ разныхъ деревняхъ и особливо у зятя его Хитрова. Село прекрасное положеніемъ на двухъ рѣкахъ, все каменное, т. е. что нѣтъ ни одной избы крестьянской деревянной. Три превеликіе сада, обнесенные каменною стѣною; множество прудовъ съ чрезвычайною рыбою; мы ловили щукъ аршина по два, чего я еще въ жизни не видывалъ. Возвратился въ Москву 11-го Іюня и очень кстати, ибо на другой день пришла подагра, которая донынѣ держала меня въ постелѣ. Лишь только началъ приступать ногами, какъ беру въ руку перо и къ вамъ пишу; сіе мнѣ служитъ облегченіемъ и утѣшеніемъ. Надѣюсь черезъ недѣлю быть въ состояніи выѣзжать со двора. Но чтò за время! Уже мѣсяцъ, какъ ежедневно дожди и холодъ, трава не растетъ; обыкновенно въ Петровъ день земляника кончалась, а нынѣ еще не начиналась. Я лишаюсь пріятеля и благодѣтеля: Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій до того допросился, что отставленъ. Оставлено ему жалованье въ пенсію, и онъ собирается ѣхать на свою родину, въ Украину. Почтовое правленіе перешло по министерскому манифесту въ департаментъ министра внутреннихъ дѣлъ и вѣроятно, что форма его совсѣмъ перемѣнится. Фасту не бывать почтъ-директоромъ. Удѣлы отошли въ Кабинетъ, чтò и слѣдовало, и министромъ удѣловъ Гурьевъ. Князь Чарторыской также пошелъ въ отставку отъ иностранныхъ дѣлъ, а прочія мѣста, какъ то въ Совѣтѣ и пр. сохранилъ. Товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ на его мѣсто опредѣленъ генералъ Будбергъ, который былъ посломъ въ Швеціи и засѣдалъ въ Совѣтѣ. Вотъ вашъ новый командиръ! Графъ Воронцовъ въ Лондонѣ отставленъ; вѣроятно займетъ его мѣсто находящійся тамъ графъ Строгановъ. Алопеусъ уволенъ отъ исправленія должности въ Берлинѣ, а оставленъ на его мѣстѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ Кридперъ. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ ѣдетъ, и скоро, посломъ въ Вѣну, а съ нимъ и Боголюбовъ, какъ увѣряютъ. Объ отставкѣ графа Разумовскаго еще указа нѣтъ. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, котораго ожидали сюда главнокомандующимъ, проѣхалъ изъ Петербурга на свои губернаторства въ Полтаву и Черниговъ. Мы конечно лишимся Беклешова (ибо онъ всячески отбивается): потеря не наградимая. Но кто на его мѣсто? Богъ знаетъ. Перебрали

всѣхъ, теперь остановились на Кутузовѣ. Здѣшній губернаторъ Барановъ сенаторомъ, на его мѣстѣ Ланской, бывшій губернаторомъ въ Вильнѣ послѣ Фризеля. Графъ Ив. Вас. Гудовичъ военный губернаторъ Астраханскій, Кавказскій и Грузинскій, командующій арміею въ Персіи, на мѣстѣ убитаго Циціанова. Дочь его фрейлина. Фельдмаршалъ графъ Каменскій позванъ въ Петербургъ и принимается въ службу. Вотъ, кажется, и все! Сердобинъ пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ и числится при Герольдіи. Бароци пріѣхалъ въ Петербургъ. Графъ Пушкинъ со всею фамиліею сбирается въ деревню въ Ярославль; но болѣзнь Кат. Алекс. понынѣ останавливаетъ сей походъ, въ которомъ бы, можетъ быть, и я принялъ участіе, ежели бы былъ поздоровѣе, а время потеплѣе. Ив. Вол Лопухинъ здѣсь чахнетъ. Долги его дошли до такого положенія, что наконецъ рѣшился онъ продать 2000 душъ; кажется, уже поздно, ибо славы не воротишь. Чтò дѣлаетъ Патти? Читалъ я твое письмо Біянкію; онъ чуть со смѣха не задохся и съ горяча обѣщалъ написать объ немъ послу, но мы скоро простываемъ. У Архарова 24-го были торжественныя имянины въ деревнѣ близъ Звенигорода. Князь Серг. Ив. и княгиня туда ѣздили; дождь ихъ вымочилъ, но они какъ ни въ чемъ не бывали. Князь С. И. поѣхалъ третьяго дни отъ насъ въ Рязань къ дядѣ, у котораго долженъ пробыть около мѣсяца; княгиня осталась здѣсь и къ возвращенію его готовитъ родины. Князь Чарторыской, оставаясь въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ и попечителемъ Виленскаго университета, при отставкѣ выпросилъ своей канцеляріи или окружающимъ его кресты, денежныя награжденія и пр. Вотъ много тебѣ вѣстей, а о себѣ прибавить ничего не имѣю. Уже мѣсяцъ, какъ не былъ ни въ библіотекѣ, ни въ саду; а гуляющіе увѣряютъ, что онъ хорошъ. Много еще мнѣ писать; не знаю, какъ и справиться. Прости, любезный мой Александръ! Пляши, скачи, но побереги и здоровье, безъ котораго все прочее пыль и ничтожество. Сюда пріѣхала кн. Ал. Ник. Волконская. Она живетъ въ Воронцовѣ съ сыномъ, княземъ Репнинымъ, который, сказываютъ, купилъ загородный домъ князя Александра Борисовича Куракина за Салтыковымъ мостомъ, чтò былъ прежде княгини Дашковой. Подзываютъ меня жить въ Воронцовѣ. Княгиня Репнина скоро родитъ; а къ Сентябрю всѣ они уѣдутъ въ Петербургъ.

*

Москва, 2 Августа 1806.

Князь Сергѣй Ивановичъ изъ Рязани воротился. Дядя его сбирается переѣхать жить въ Москву и велѣлъ себѣ домъ купить. Сестра моя также возвратилась отъ Самариныхъ, гдѣ въ Брыковѣ пьяный кучеръ вывалилъ ихъ изъ кареты и чуть до смерти не перебилъ. Опи-

саніе путешествія твоего по Сициліи, хотя и не Гомерово, весьма пріятно; но непріятно то, что три письма и посылку поглотило море, которое и читать не умѣетъ. Княгинѣ болѣзненна потеря ожерелья, а я сказалъ: быть такъ; жаль только твоихъ стараній и убытка. Путешествія твоего по Сициліи нельзя было сдѣлать пріятнѣе. Мы объ васъ горюемъ, а вы веселитесь, какъ бы хозяину не объ чемъ было тужить. Радуюсь, что Дм. Павл. продолжаетъ быть къ тебѣ добръ; надобно стараться не только удержать его въ сихъ расположеніяхъ, но и впредъ оныя пріумножить, ежели можно. Я предполагаю, что ты, когда увидѣлъ себя въ королевской лектипѣ, вообразилъ уже, что ты консулъ Римскій, въѣзжающій въ городъ съ тріумфомъ. Говоришь ты, что опять занемогъ, отнялась рука, потомъ нога; это еще не подагра, а вотъ что̀, и сіе еще хуже подагры. Въ твоихъ лѣтахъ нѣтъ ничему мѣры, ни предѣловъ. Здоровье, кажется, желѣзное, силы Геркулесовы; но все это обманъ. Частое и безразсудное употребленіе женщинъ, предъ которыми хочется всегда показать себя героемъ, сдѣлаютъ то, что ты въ тридцать лѣтъ будешь старѣе меня, а до сорока и не доплетешься; да когда ихъ и переживешь, то жизни не будешь радъ: ибо болѣзни такъ все тѣло разстроятъ, что каждый день надобно что нибудь вытерпѣть новаго, а лѣкарства отнимутъ и послѣднія силы у натуры. И такъ, лучше поберечься, когда еще есть время и надежда поправить здоровье. Послушайся моего совѣта и будь во всемъ умѣреннѣе, ежели хочешь жить долѣе и безъ терпѣнія ежечаснаго, особливо въ такомъ жаркомъ климатѣ. Ничѣмъ никого не удивишь; вся мнимая слава пройдетъ, какъ дымъ, а худыя слѣдствія останутся въ наказаніе на всю жизнь. Да что̀ и въ ней, когда страдать, терпѣть надобно ежедневно, а что̀ и больше—ко всему сдѣлаться неспособнымъ? О совѣтничествѣ твоемъ давно уже мы извѣстны; а не худо, ежели бы удалось опредѣлиться тебѣ на мѣсто совѣтника посольства; тутъ бы и жалованья, кажется, прибыло; но я не помню, кто у васъ теперь—секретарь или совѣтникъ, ибо впрочемъ сіе теперь на одно выходитъ, но зависитъ отъ новаго его представленія. У васъ секретаремъ былъ Левонтьевъ, а Карповъ принадлежитъ къ Сардинскому посту и въ Неаполѣ мѣсто занималъ на время. Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ, сказываютъ, опредѣленъ въ Москву начальникомъ, т. е. военнымъ губернаторомъ; но по сю пору указа, ни его еще здѣсь нѣтъ, хотя о томъ увѣряетъ и самъ Беклешовъ. Князь Николай Григор. Репнинъ здѣсь; у него родился сынъ Василій. Вчерась заѣзжала ко мнѣ княгиня Александра Николаевна; они проживутъ здѣсь до Октября. Новосильцовъ пожалованъ въ тайные совѣтники, уволенъ отъ званія товарища юстиціи, присутствуетъ въ Сенатѣ, оставленъ какъ при комиссіи законовъ, такъ и при

другихъ на него возложенныхъ должностяхъ. Бывшій у насъ Голандскій посланникъ Бюисъ принятъ въ подданство и пожалованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Графъ Александръ Салтыковъ, сынъ Николая Ивановича, опредѣленъ на мѣсто князя Чарторыскаго; ибо Будбергъ занялъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, опорожнившееся смертію канцлера Воронцова, безъ сего однако послѣдняго титула.

Послѣ двухмѣсячныхъ и ежедневныхъ страшныхъ дождей, дней съ десять начались несносные жары: почти всякой день бываютъ въ 30 и болѣе градусовъ.

*

Москва, 24 Сентября 1806.

Боюсь я, чтобы ты не потерпѣлъ нужды, хотя она и бываетъ очень полезна для молодыхъ людей. Отсюда переслать денегъ въ Сицилію нельзя, изъ Неаполя по кредитиву получать ихъ тебѣ не можно; но надѣюсь, что въ крайности Дмитрій Павловичъ тебя не оставитъ. Вѣдь онъ какъ-нибудь да получаетъ деньги? Впрочемъ онѣ есть у брата, и я пишу къ нему, чтобы, если найдетъ какой вѣрный случай, тебѣ ихъ удѣлилъ; а въ самой крайности можно прибѣгнуть и къ перстню, и тогда ты можешь воскликнуть, что самъ себя кормишь, какъ тотъ студентъ, который хвасталъ, что питается отъ книгъ своихъ, ибо продалъ учебныя. Не смотря на твои увѣренія, не надѣюсь я, чтобы была возможность видѣть мнѣ тебя сего года. Катерина Любимовна*) желаетъ, чтобы ты въ Петербургѣ къ ней присталъ; а она живетъ на Большой Литейной въ домѣ купца Пастухова, № 113. Радуюсь, что мнимая подагра отъ тебя отстала; берегись и впередъ, а отъ чего? Я уже къ тебѣ писалъ. Князя Вентимиля я видѣлъ въ Крыму, но познакомиться съ нимъ было недосугъ. Фризельша-губернаторша Оренбургская; сестра ея уже другой годъ въ Петербургѣ старается о разводѣ съ мужемъ. Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, военный губернаторъ Оренбургскій, проѣхалъ здѣсь въ Петербургъ 20-го Сентября, велѣлъ вамъ кланяться. Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, по пріѣздѣ для излѣченія, оставленъ генералъ-маіоромъ съ мундиромъ и зиму здѣсь проживетъ. Онъ нанялъ домъ Балка въ Басманной. Княгиня Александра Николаевна также здѣсь; я ихъ видаю часто, и все объ васъ разговоры. Посольство Китайское отозвано формально. Посолъ графъ Головкинъ еще въ Иркутскѣ боленъ, а прочіе всѣ разъѣхались. Мартыновъ здѣсь, бываетъ у меня, всякій день ѣдетъ въ Петербургъ, а все еще въ Москвѣ. Пушкины изъ деревни пріѣхали, собираются скоро въ Петербургъ на родины къ дочери Хитровой и чтобы привезти Наталью, которую съ нею туда отпустили послѣ того какъ

*) Шумлянская, мать молодыхъ братьевъ Булгаковыхъ.

было перетонули, о чемъ я прежде писалъ. Катерина очень нехороша; но надѣются, что поправится. Всѣ они вамъ кланяются. На сихъ дняхъ умеръ у нихъ дядя Андрей Родіоновичъ Кошелевъ, жившій противъ меня въ деревянномъ домѣ Головина. Нѣмцы играютъ, и очень хорошо, на театрѣ Демидова подлѣ меня; я всякій день бываю по сосѣдству. Казинской пріѣзжалъ играть въ Петербургъ съ Виленскою труппою и возвратился домой, не заѣхавъ въ Москву. У насъ очень сухо, но съ садомъ приходится разставаться: онъ сіе лѣто былъ во всей красотѣ, цвѣтовъ бездна, фруктовъ премножество, но все уже кончилось, и обѣдать въ немъ холодно.

*

Москва, 8 Октября 1806.

По долгомъ ожиданіи обрадованъ я былъ письмомъ твоимъ подъ № 110; но оно походитъ на вексель, въ которомъ пишутъ: въ 65 дней отъ сего дня, и я жду извѣстія о тебѣ поновѣе. Обѣщаешь ты скоро со мною видѣться; я того желаю, но не вѣрю. И прежде трудно было безъ опасности добраться до Вѣны, а теперь и того труднѣе, какъ по причинѣ зимы моремъ, такъ по причинѣ новыхъ у васъ происшествій сухимъ путемъ. Итакъ оставляю сіе на волю Божію, а тебя прошу не рисковать понапрасну и лучше подождать благопріятнаго расположенія дѣлъ и обстоятельствъ. Мнѣ кажется, что ты посбавилъ спѣси съ своею Сициліею, и она уже не такъ тебѣ кажется пріятною: ко всему привыкаешь, и никогда первымъ воображеніямъ не надобно давать воли. Я и здѣсь, и въ моихъ лѣтахъ, чувствую сильно il dolce far niente: ни за что̀ не хочется приняться; уже читаніе и писаніе скучаетъ; часто откладываю даже отвѣты на получаемыя письма и съ охотою за перо принимаюсь, только когда сбираюсь писать къ вамъ. Ты говоришь: la sera, la notte il dolcissimo far l'amore, и при семъ случаѣ дѣлаешь мнѣ довѣренности. Послѣднее похвально, и я, кажется, того сто̀ю; но прошу тебя быть осторожнѣе. Самолюбіе и ревность въ Итальянкахъ всегда соединены съ измѣною, и часто подвергаешься опасности, когда того не ожидаешь и не предвидишь. Всѣ мы здѣсь желаемъ успѣховъ въ Неаполѣ Англичанамъ, и дай Богъ, чтобы доходящіе сюда о томъ слухи были основательны.

Отсюда желалъ бы тебѣ сказать что-нибудь пріятнаго и веселаго, но не знаю что̀. Поищемъ. Я цѣлую недѣлю прожилъ съ пріѣзжими и отъѣзжими. Вчерась проѣхала въ Петербургъ на зиму графиня Браницкая со всѣми дѣтьми. Она, потерявъ большаго сына и выдавъ дочь за князя Сангушка, оставила на долго Бѣлую Церковь и ѣдетъ лѣтомъ куда-нибудь къ водамъ. Завтра ѣдетъ въ С.-Петербургъ здѣшній гра-

доначальникъ Т. И. Тутолминъ и гр. Ал. Ив. Пушкинъ, а по первому пути графиня съ дѣтьми на родины къ дочери своей Хитровой. Между пріѣзжими находится фамилія Трубецкихъ кн. Николая Никитича. Они продали деревню около Одессы и здѣсь поселились. Живутъ въ бывшемъ нашихъ Щербатовыхъ домѣ противъ Католицкой церкви. Я у нихъ по сосѣдству бываю часто. Княгиня Ал. Ник. Волконская поѣхала въ Петербургъ, а князь Ник. Гр. Репнинъ нанялъ домъ Балка на Басманной противъ Петра и Павла и сдѣлался здѣшнимъ жителемъ; вчерась у меня обѣдалъ. Въ Палерму опредѣленъ вице-консуломъ какой-то титулярный совѣтникъ Болоньи. Вышелъ указъ о наборѣ рекрутъ съ 500 душъ по 4. Демидовъ поѣхалъ въ Сибирь до Генваря. Въ его домѣ продаютъ премножество антиковъ, камеевъ, мозаиковъ, пурпуриновъ и пр. и пр. Хотя увѣряютъ, что вещи принадлежатъ людямъ его, но мнѣ кажется, самому ему; ибо есть осыпанныя бриліантами, тысячъ по 8, по 6 каждая, а всего будетъ тысячъ на 300; но продаютъ очень дорого. Въ землѣ онъ мнѣ отказалъ, говоря, что самому нужна; но ежели станетъ продавать домъ, тогда охотно мнѣ, отдѣля ее, продастъ.

*

Москва, 12 Ноября 1806.

Радуюсь я, что Дм. Павл. продолжаетъ тебя любить. Ежели бы крестъ, мѣсто и окладъ и не удалось ему выхлопотать, но того уже довольно, что предстательство его будетъ въ Петербургѣ извѣстно; а я на выборъ того или другаго совѣта дать не могу, ибо желаю тебѣ всего добраго. Боюсь я, чтобы ты не нашелся въ нуждѣ денежной. Приходитъ мнѣ на мысль: не можетъ ли опять Манзе дать тебѣ денегъ, а ты ему на меня вексель? Сіе всего бы лучше, и въ такомъ случаѣ возми у него 1.000 р., кои я тотчасъ здѣсь заплачу́. Что̀ ты ни говори, а княгиня все родитъ. Богъ ей далъ сына Александра. Фамилія Голицыныхъ такъ велика, что наконецъ можно изъ нея брать рекрутъ. Въ одномъ нашемъ собраніи (Благородномъ) насчиталъ я между членами 52 Голицыныхъ одного только мужескаго пола.

Въ Палерму консуломъ назначенъ Манзе, а вице-консуломъ Болоньи, бывшій при министрѣ комерціи и перешедшій въ Иностранную Коллегію. Онъ родомъ изъ Флоренціи, но въ Россіи больше 20 лѣтъ; говоритъ и по-русски, и по-французски очень хорошо; человѣкъ знающій, умный и пріятный; у меня обѣдаетъ часто; хотѣлъ въ Октябрѣ ѣхать въ Одессу, Константинополь и далѣе; но я его удержалъ, ибо моремъ изъ Одессы нельзя отправиться прежде Генваря, а до того времени что̀ ему въ Одессѣ проживаться попусту и въ скукѣ? Ежели онъ

застанетъ тебя въ Палермѣ, то умножитъ хорошее твое общество. Жаль и Бекера, не смотря на его медоточивое краснорѣчіе. Изъ Иностранной Коллегіи выбылъ нѣкто статскій совѣтникъ Поццо-ди-Борго [1]); онъ переименованъ полковникомъ въ свиту Государя.

*

Москва, Декабря 1806.

Былъ я у Хованскихъ. Они переѣзжають въ свой новый домъ на Знаменкѣ, купленный у Остолыпина, съ театромъ, и княжны поручили мнѣ переслать къ тебѣ билетъ, которымъ зовутъ на новоселье. Пушкины всѣ подпимаются на сихъ дняхъ въ Петербургъ, гдѣ проживутъ, можетъ быть, всю зиму. Я имъ давалъ обѣдъ прощальный, и для меня отсутствіе ихъ причинитъ великую пустоту. Недавно вышли Oeuvres posthumes de Marmontel; изъ нихъ томы 30 и 31 содержатъ метафизику и мораль. Я въ свѣтѣ не читалъ лучшихъ книгъ, и совѣтую вамъ при случаѣ ихъ достать и не только прочесть, но ежедневно читать и даже наизусть выучить. Мораль особливо есть истинный катихизисъ не только для молодежи, но и для стариковъ всякаго состоянія. Жаль, что я старъ, а то бы услужилъ отечеству, переведя ихъ на Русскій языкъ. Не знаю книги, въ которой бы съ такимъ достоинствомъ говорено было о Божествѣ, о всѣхъ обязанностяхъ человѣка, и ежели бы всѣ могли по ней исполнять, тогда бы можно было сказать, что родъ человѣческій истинно просвѣщенъ и не можетъ быть несчастливъ.

О производствахъ при случаѣ крещенія великой княжны [2]) братъ, думаю, тебѣ сообщилъ, ибо я къ нему послалъ реестръ. Здѣсь всѣ наши знакомые, по наслышкѣ о вашемъ добромъ поведеніи, интересуются и меня всегда объ васъ спрашиваютъ. Нужно сохранить сію славу и не ударить себя лицомъ въ грязь. Все наше благосостояніе зависитъ отъ добраго въ молодости поведенія.

*

Москва, 31 Декабря 1806.

Здравіе и почтеніе господину секретарю посольства! Ежели до тебя сіе извѣстіе еще не дошло, то вотъ тебѣ копія указа, полученнаго мною вчерась изъ Петербурга. Онъ меня сердечно обрадовалъ; теперь ты на ногахъ и пойдешь своею дорогою, ежели станешь продолжать вести себя хорошо, прилежно и усердно. Жалованья по сему мѣсту 1.500 р. съ курсомъ, слѣдовательно 3.000 р. на годъ, а иногда

---

[1]) Знаменитый впослѣдствіи дипломатъ.

[2]) Елисаветы Александровны.

и больше. Можно жить. Желаю тебѣ успѣха; а ты симъ одолженъ рекомендаціи Дмитрія Павловича, которому и я чувствительно обязанъ. Сорадуюсь отъ всего сердца твоимъ успѣхамъ. Ты видишь правду моихъ словъ, что за Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропадаетъ; служи и все получишь. Что касается до твоего сюда пріѣзда, оставимъ сіе на волю Божію. Ежели она позволитъ, увидимся, когда и не ожидаемъ; а теперь, я то чувствую, сему трудно сбыться. Новости наши теперь состоятъ въ побѣдахъ. Вчерась пѣли молебенъ о разбитіи Французовъ подъ Пултускомъ; о семъ братъ обстоятельнѣе сообщитъ. Будберга я знаю, но не коротко, а теперь ему за тебя благодаренъ. Теперь не братъ, а ты капиталистъ, ибо его перегналъ. Біянки еще не видалъ, но прочту мѣсто о Патти и впредъ тебѣ напишу. Ты говоришь, что 11-го Сентября танцовалъ до 4 часовъ. Долго не танцуютъ безъ волокитства; а я не помню, гдѣ читалъ и по сю пору не забылъ, ибо то правда: «à vingt ans on tue le plaisir, à trente on le goûte, à quarante on le ménage, à cinquante on le cherche, à soixante on le regrette. Княгиня*) по сю пору въ постели, но начинаетъ оправляться.

*) Т. е. княгиня Елисавета Васильевна Голицына, ур. Приклонская, племянница Я. И. Булгакова.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

1854-й годъ *).

Новый 1854 годъ, этотъ самый, коему предназначалось сдѣлаться самою жестокою эрою моей жизни, мы встрѣтили многолюднымъ баломъ у Новосильцовыхъ. Этотъ же балъ былъ первымъ для дорогой моей Анетины, но и послѣднимъ. Она была одѣта въ простенькомъ бѣломъ кисейномъ, но не безъ вкуса отдѣланномъ платьицѣ (жена моя великая мастерица въ туалетномъ дѣлѣ), танцовала отъ души и произвела всеобщее впечатлѣніе непринужденностью, граціей и скромными, но въ тоже время оживленными манерами. Да и тридцатисемилѣтняя моя жена была еще очень авантажна и казалась старшею сестрой своей дочери. Я былъ внѣ себя отъ гордости, глядя на мою Анну. Но кто бы повѣрилъ? Хотѣлось мнѣ при этомъ случаѣ пококетничать самому въ роли нестараго еще отца таковой красотки, и вотъ я принялся ухаживать и любезничать съ молодою Маркеловой, съ коею хотя я и встрѣчался у Хвощинскихъ, но думаю, что и этой дѣвушкѣ должно было казаться довольно страннымъ мое неотступничество отъ нея, даже за ужиномъ, для чего я подсѣлъ къ ней въ концѣ стола, гдѣ размѣстилась одна молодежь, тогда какъ мнѣ слѣдовало сѣсть въ болѣе степенной компаніи или даже ближе къ губернаторшѣ, такъ какъ я былъ одинъ изъ интимнаго ея кружка. Помню, что находившійся тутъ на балѣ и за ужиномъ Тамбовскій мой знакомый г. Полетика замѣтилъ мое волокитство и лукаво подмигнулъ мнѣ на мою сосѣдку, чѣмъ я крайне былъ прельщенъ. Я и теперь затрудняюсь психологически пояснить цѣль подобной моей фантазіи. Понятно, что я былъ совершенно равнодушенъ къ этой дѣвушкѣ, и ухаживаніе мое за нею было одно притворство. Но мало того: чѣмъ бы проводить дорогихъ моихъ двухъ женщинъ домой, расцѣловать дочь послѣ ея дебюта въ свѣтъ и поблагодарить Бога на сонъ грядущій, что Онъ удостоилъ меня встрѣтить новый годъ съ обѣими, я прямо изъ бала отпра-

---

*) См. выше, стр. 5-я.

вился къ князю Н. С. Вяземскому, который угощалъ тогда ужиномъ съ Шампанскимъ своихъ игрушекъ «миланчиковъ» съ ихъ антрепренеромъ Нѣмцовымъ, и я не пропустилъ случая порядочно кутнуть. Да! Я недостоинъ былъ имѣть своею дочерью столь чистое, столь неземное существо, каковымъ была моя Анетина!..... «Блажени яже избралъ и пріялъ еси, Господи! Души ихъ во благихъ водворятся.»

Въ Январѣ 1854 года пришлось мнѣ въ первый разъ ѣхать въ уѣздъ по дѣлу обвиненія Сапожковскаго исправника Б. въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ по службѣ. Мало надѣясь на свое умѣніе по слѣдственной, новой еще для меня, части, я прибѣгнулъ къ хитрости, состоявшей въ томъ, что я выпросилъ себѣ, якобы для письмоводства, квартальнаго надзирателя по фамиліи Чичкова, но въ сущности, чтобы позаимствоваться отъ него слѣдственною процедурой. Дѣлать это надо было мнѣ половчѣе, не давая ему понятія о моемъ невѣдѣніи. Произведенное мною слѣдствіе обнаружило, дѣйствительно, кое-какіе грѣшки этаго субъекта, не очень, впрочемъ, вопіющіе и общіе тогдашней его братіи; но я подвергся слѣдующему никакъ неожиданному оскорбленію. Въ одинъ изъ сеансовъ, когда обвиняемый Б. писалъ при мнѣ отвѣты на вопросные пункты, изложенные въ заготовленной для этого тетради, онъ заявилъ мнѣ о желаніи передать мнѣ кое-что наединѣ, такъ какъ при допросѣ его находились уѣздный стряпчій (мною приглашенный къ слѣдствію для большей оффиціальности), мой псевдописьмоводитель-полиціантъ и сословный депутатъ изъ ратуши; послѣдній находился тутъ по той причинѣ, что хотя дѣло возникло по доносу одного Сапожковскаго мѣщанина, но и самъ доносчикъ оказался по дѣлу неправымъ, и потому требовалось закономъ въ подобныхъ случаяхъ, чтобы при слѣдствіи находился депутатъ отъ мѣщанскаго сословія для огражденія обвиняемаго отъ пристрастныхъ дѣйствій слѣдователя. Когда же я вышелъ съ исправникомъ въ сосѣднюю комнату (она была моею спальней и кабинетомъ), онъ подалъ мнѣ запечатанный конвертъ, который я принялъ за дополнительное его свѣдѣніе, но по распечатаніи конверта я оробѣлъ, усмотрѣвъ въ немъ вмѣсто свѣдѣнія препорядочную пачку кредитныхъ билетовъ. Я не столько разсердился, сколько сконфузился и чтобы не наговорить этому господину какихъ-нибудь колкостей, вертѣвшихся у меня на языкѣ, я сунулъ ему обратно въ руку этотъ проклятый пакетъ и вышелъ въ залъ, гдѣ была моя канцелярія, попросивъ и его послѣдовать за мною. Но я оплошалъ тѣмъ, что вышелъ первымъ изъ моего кабинета, и вотъ почему. Что г.г. слѣдователи подкупались, было не безызвѣстно мнѣ; но я, графъ Бутурлинъ, никакъ не ожидалъ быть причисленнымъ къ ихъ разряду, и по-

тому, болѣе растерялся чѣмъ что другое и, дабы скрыть мой конфузъ, я поспѣшилъ выйти въ залъ и тамъ попросилъ исправника Б. пояснить болѣе подробно его отвѣты на мои вопросы по указанію на нихъ моимъ письмоводителемъ; а самъ я ушелъ обратно въ свой кабинетъ, чтобы успокоиться, да и кстати чтобы окончить начатое письмо къ моей матери во Флоренцію. Когда же, докончивъ страницу письма̀, я перевернулъ листъ на бѣловую его сторону, то увидалъ, что между этимъ листомъ и открытымъ бюваромъ, лежитъ та самая кипа кредитныхъ билетовъ, но уже безъ обертки. Это значило, что господинъ Б. принялъ мой конфузъ за колебаніе или за застѣнчивость и воспользовался минутою, когда онъ оставался одинъ въ моемъ кабинетѣ, чтобы состряпать эту ловкую, по его (вѣроятно) понятіямъ, штуку. Хорошо еще, что дѣло обнаружилось до его выхода изъ моей канцеляріи; а не будь той случайности, что я перевернулъ почтовый листъ, деньги остались бы у меня безъ моего вѣдома до слѣдующаго дня, и исправникъ могъ бы, пожалуй, думать, что штука его удалась. На этотъ разъ я уже не вытерпѣлъ и, выскочивъ въ канцелярію, бросилъ прямо въ него ненавистную пачку, и она скользя по его мундиру, упала на полъ, при чемъ я, съ усиленною и несвойственною пылкому моему характеру сдержанностью, сдѣлалъ ему слѣдующую нотацію. «Милостивый государь (имя рекъ), какое вы нанесли мнѣ оскорбленіе, вамъ, конечно, недоступно это понять. Какъ христіанинъ, я вамъ прощаю; но какъ должностное лицо, я васъ предупреждаю, что о вашемъ поступкѣ доведу до свѣдѣнія общаго нашего начальника, губернатора». Ассистенты мои вытаращили глаза, а г. исправникъ добрался до дверей, какъ шальной. Немудрено, что съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ какъ будто бы онъ принялъ двойной пріемъ касторовaго масла, и въ испугѣ онъ поскакалъ къ уѣздному предводителю, Александру Васильевичу Колебакину (женатому съ 1852 года на воспитанницѣ Новосильцовыхъ Маріи Петровнѣ), жившему въ своемъ имѣніи селѣ Песочномъ, въ 20 верстахъ отъ Сапожка, и, разсказавъ ему, какъ онъ попалъ впросакъ, просилъ выручить его изъ бѣды. Г. Колебакинъ *), не церемонившійся вообще съ кѣмъ бы то ни было (славный онъ малый: что̀ на умѣ, то на языкѣ), не прибѣгнулъ къ обинякамъ и махнулъ охранителю благочинія и спокойствія своего уѣзда: «Надо быть такимъ осломъ, какъ вы, чтобы предложить деньги графу Бутурлину. Хоть бы вы предварительно спросили у меня, что̀ это за человѣкъ? Конечно, онъ все разскажетъ губернатору».

---

*) Онъ нынѣ президентъ Московскихъ рысистыхъ бѣговъ. Марья Петровна умерла въ 1871 (кажется) году, и Александръ Васильевичъ вторично женился.

Чтобы покончить съ этою исторіей, добавлю, что когда, возвратившись въ Рязань, я съ негодованіемъ, но неофиціально, передалъ Петру Петровичу, какимъ афронтамъ подвергаются его чиновники, онъ, къ изумленію моему, расхохотался. «Vous pouvez vous attendre, mon cher, сказалъ онъ, à recevoir souvent de tels affronts. Demandez un peu à Bernard, si pareille chose ne lui arrive pas aussi, quand je le prends avec moi dans mes tournées de revision [1]). Ссылка на Евгенія Михаиловича Бернарда, конечно, не могла меня удовлетворить; но Петръ Петровичъ принадлежалъ къ школѣ того Греческаго философа, котораго не раздражали никакія человѣческія слабости, а возбуждали въ немъ только смѣхъ.

По произведенному мною слѣдствію, исправникъ Б. былъ преданъ суду и отрѣшенъ отъ мѣста; но въ числѣ обвиненій, вызвавшихъ это рѣшеніе, не упомянуто было о его посягательствѣ подкупить меня, такъ какъ я не далъ офиціально огласки этому эпизоду.

Въ концѣ Февраля двоюродная моя сестра Надежда Александровна убѣдительно просила меня письмомъ прибыть къ ней въ Тамбовъ по случаю рожденія перваго ея ребенка Маріанны [2]), въ чемъ Петръ Петровичъ отказалъ мнѣ безъ всякой видимой причины, но, конечно, не ради служебной пользы, такъ какъ онъ вообще мало интересовался ходомъ моихъ занятій. Подобныя необъяснимыя выходки были у него въ характерѣ, да и рѣдкіе примѣры пробудившейся въ немъ служебной взыскательности не шли какъ-то ему къ лицу и были напускнымъ дѣломъ.

Въ день, когда моей Аннѣ совершилось 17 лѣтъ (28 Февраля), по странной случайности, всѣ полученные ею подарки были розоваго цвѣта. Я ей далъ 10-рублевый кредитный билетъ (розоваго тогда оттиска), мать подарила ей розовую шляпку, Новосильцовы принесли ей опаковый темно-розовый стаканъ, и былъ еще, помнится мнѣ, какой-то другой сдѣланный ей подарокъ того же цвѣта.

Въ одно солнечное Мартовское утро, на второй или третьей недѣлѣ Великаго поста, я пошелъ съ моею Анночкою гулять. Она была совершенно здорова и весела. Прошлись мы по всей Астраханской и Почтовой улицамъ до Новаго базара, повернули на Соборную и воз-

---

[1]) Вы будете, мой милѣйшій, часто подвергаться подобнымъ афронтамъ. Спросите-ка у Бернардо, не тоже самое бываетъ и съ нимъ, когда онъ сопровождаетъ меня на ревизіяхъ.

[2]) Нынѣ моя невѣстка, графиня Маріанна Васильевна Бутурлина.

вратились домой началомъ Семинарской улицы мимо Варварина гостиницы. Могъ-ли кто-нибудь предсказать, что менѣе чѣмъ черезъ недѣлю Анну мою вынесутъ изъ этого дома въ гробу!

На слѣдующій день (или быть можетъ черезъ день) въ Понедѣльникъ, я ѣздилъ съ Меропою Александровною въ подгородное имѣніе Масловыхъ, гдѣ были замѣчательныя оранжереи камелiи въ полномъ тогда расцвѣтѣ. Подобное цвѣтеніе я въ Россіи видѣлъ только однажды въ заведеніи графа Нессельроде на Аптекарскомъ острову (въ Петербургѣ), и вотъ я перенесся моментально въ Флорентинскій нашъ садъ этихъ растеній, на который выходили окна комнаты, гдѣ родилась наша Анночка. Позднѣе, вспомнивъ объ этомъ сближеніи, я принялъ его какъ нѣчто въ родѣ непонятáго въ свое время предзнаменованія судьбы моей дочери.

Пріѣзжаю домой, и мой человѣкъ говоритъ мнѣ, что Анна Михайловна не совсѣмъ здорова и лежитъ съ утра на диванѣ въ гостиной. Я поспѣшилъ туда, но ничего особеннаго въ ней не нашелъ, кромѣ нѣкоторой всеобщей слабости. На повѣрку оказалось, что, гуляя со мною, она промочила ноги (улицы были грязны) въ такое время, когда надо было особенно беречься этого, такъ какъ у ней были женскія періодическія отправленія. На слѣдующій день (это было во Вторникъ) она слегла въ постель. Мы тотчасъ послали за годовымъ нашимъ врачемъ Петромъ Ѳедоровичемъ Малининымъ, который нашелъ, что она дѣйствительно простудилась, и онъ что-то прописалъ ей. Въ Середу, въ день Благовѣщенія, я въ страшномъ безпокойствѣ простоялъ обѣдню въ Зимнемъ соборѣ и когда послѣ службы я устремился къ иконѣ Божіей Матери, ко мнѣ подошли обѣ молодыя Вишневскія съ распросами о состояніи моей дочери. Я отвѣчалъ, чтъ г. Малининъ (который былъ также домовый врачъ Вишневскихъ) не видитъ ничего опаснаго въ ея положеніи, но что его увѣренія не успокоиваютъ меня и что я голову теряю, какъ онѣ сами могли видѣть. Въ этотъ день (въ Середу), ей стало гораздо хуже, у нея сдѣлалось внутреннее воспаленіе (это мы узнали уже впослѣдствіи), которое врачъ думалъ преодолѣть каломелью. Вечеромъ онъ повторилъ пріемъ того же медикамента, и въ этотъ же день (если не ошибаюсь) онъ приказалъ поставить ей восемнадцать или двадцать піявокъ. Въ Четвергъ утромъ, видя, что болѣзнь не уступаетъ, г. Малининъ усилилъ дозы каломеля и однакоже приказалъ посадить больную въ ванну. Когда ее вынули оттуда, она болѣе еще ослабла. Хотя я не подозрѣвалъ всей опасности ея состоянія, но страшная тревога овладѣла мною: я ушелъ къ

себѣ въ кабинетъ, бросился на диванъ и зарыдалъ. Ко мнѣ взошла сердобольная Софья Егоровна Путята и старалась успокоить меня, говоря, что рыданія мои можетъ услыхать больная и этимъ испугаться, что еслибы была какая-нибудь опасность, то г. Малининъ настолько добросовѣстенъ, что призвалъ бы консиліумъ; и такъ какъ въ эту минуту онъ взошелъ ко мнѣ, чтобы прописать новый рецептъ, Софья Егоровна сказала ему: «Не правда ли, Петръ Ѳедоровичъ, что для успокоенія графа, вы не будете имѣть ничего противъ созванія консиліума?» «Сдѣлайте милость», отвѣчалъ онъ, и тутъ же присѣвъ, написалъ приглашенія къ шести часамъ вечера того же дня двумъ изъ первыхъ Рязанскихъ врачей, г. Попову и Ивану Христіановичу Шенроку. Жена моя и теща провели день съ возраставшимъ безпокойствомъ, а что̀ до меня, я не въ силахъ былъ оставаться подолгу у кровати моей Анны; но теща не отходила почти отъ нея. Въ продолженіи дня больная то впадала въ бредъ, то возвращалась къ сознанію. Вдругъ говоритъ она моей тещѣ (меня тутъ не было:)—«Знаете что̀ бабушка? Я болѣе не хочу никогда бывать въ театрѣ» (она пристрастилась, какъ я уже сказалъ, къ этой для нея новости).—«Зачѣмъ же, мой другъ», спросила Елисавета Ивановна; «тутъ дурнаго ничего нѣтъ.»—«Да вѣдь вы, бабушка, сами не бываете же въ театрѣ?»—«Это совсѣмъ другое: я старуха, а тебѣ семнадцать лѣтъ.» Искренній нашъ другъ, Варвара Николаевна Ляпунова, не отходила отъ насъ во весь почти день, и по ея указанію на чудотворную икону Казанской Божіей Матери, находящуюся въ Рязанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, я съ нею отправился туда. Мы привезли съ собою икону, и у насъ отслужили молебенъ монастырскіе священникъ съ діакономъ. Въ шесть часовъ пришли всѣ три доктора, и начался консиліумъ, длившійся два часа, въ продолженіи коего всѣ три врача то и дѣло что входили по одиночкѣ къ больной. Совѣщаніе происходило въ залѣ, въ полголоса и по латыни, и потому я ничего не разслыхалъ и не понялъ изъ того что̀ врачи говорили. Выходя отъ насъ въ 9-мъ часу, И. Х. Шенрокъ сказалъ мнѣ только, что его собратъ Малининъ лѣчилъ больную правильно, но г. Поповъ ничего мнѣ не сказалъ. П. Ѳ. Малининъ остался у насъ. Поставили четырнадцать или пятнадцать піявокъ къ животу, послѣ чего докторъ ушелъ. Средство это было или недостаточно сильнымъ или уже слишкомъ опоздало, а усиленные пріемы каломеля выходили у больной рвотою. Жена, видя мое разстройство и что я почти что весь день плакалъ, уговаривала меня воздерживаться и что если наша дочь увидѣтъ меня такимъ, то это ее встревожитъ и ей можетъ сдѣлаться отъ этого хуже, и потому, когда я входилъ къ ней, я оставался за перегородкою. Вдругъ она спрашиваетъ у меня по-француз-

ски что̀ значить Итальянское слово «seccatori», тогда какъ она почти что забыла говорить по-итальянски. Предполагая, что ея вопросъ относится къ чему-нибудь что̀ мерещилось ей въ бреду, я однакоже отвѣчалъ: «Это значить надоѣдающіе люди. Не примѣняешь ли ты, мой другъ, этого слова къ докторамъ, которые одинъ за другимъ входили къ тебѣ?» — «Ну да», сказала она: — «Я желаю одного Петра Өедоровича». Нравственно и физически утомленный, я ушелъ къ себѣ и кинулся на постель...

Здѣсь нужно сказать, что по предварительной просьбѣ Меропы Александровны, гг. Поповъ и Шенрокъ по выходѣ отъ насъ отправились прямо къ ней и сообщили ей, что не знаютъ, зачѣмъ нашъ домашній врачъ Малининъ созвалъ ихъ на консиліумъ, тогда какъ у молодой графини уже внутренній Антоновъ огонь и ей *остается жить только нѣсколько часовъ.* Мужъ и жена Новосильцовы такъ и ахнули при мысли, что родители ничего не подозрѣваютъ объ угрожавшемъ имъ ударѣ.

Итакъ, я лежалъ у себя въ полузабытьи, какъ внезапно слышу крикъ изъ гостиной и затѣмъ стоны моей жены. Вбѣгаю туда и вижу жену въ полуобморокѣ на рукахъ г. Малинина. «Michel», едва могла она проговорить, «Петръ Өедоровичъ сказалъ, что нѣтъ никакой болѣе надежды!» Я остолбенѣлъ и взглянулъ на врача. «Ну... да...» подтвердилъ онъ слабымъ голосомъ и самъ, помнится мнѣ, прослезившись. «Крѣпитесь... вы христіане и покоритесь Божіей волѣ.» — «А можетъ быть еще не поздно?» воскликнулъ я. «Не созвать ли опять докторовъ?» — «Пожалуй,» слабо процѣдилъ сквозь зубы разстерянный медикъ. Я побѣжалъ съ раскрытою головою къ г. Попову, жившему не подалеку отъ насъ, но не засталъ его, и когда я возвратился домой, Аленушка (няня) встрѣтила меня въ коридорѣ роковымъ извѣстіемъ, что «все кончено, она отошла отъ насъ!»...

Это было въ 10 часовъ вечера, 26 Марта 1854 года, въ день Собора Архангела Гавріила...

Въ промежутокъ времени, что̀ я лежалъ въ забытьѣ у себя и бѣгалъ отыскивать доктора Попова, случилось слѣдующее.

П. Ө. Малининъ, ушедъ отъ насъ послѣ ставки піявокъ, возвратился, безъ посылки за нимъ; въ половинѣ десятаго или около того. Онъ прошелъ прямо къ Анночкѣ и, убѣдясь (вѣроятно), что нѣтъ никакой надежды спасти ее, вышелъ съ моею женою въ гостиную, гдѣ и произошла вышеописанная сцена. А между тѣмъ какъ я побѣжалъ

за г. Поповымъ, теща моя и няня оставались вдвоемъ при Анночкѣ, съ которой вдругъ сдѣлалось какъ бы дурно. Теща моя, приподнявъ съ усиліемъ ея головку и подозвавъ поближе Аленушку, приказала ей скорѣе принесть спирту, полагая, что съ ея внучкою сдѣлался обморокъ. Няня подошла и, пристально посмотрѣвъ на семнадцатилѣтній предметъ ея попеченій, сказала. «Елисавета Ивановна, неужели вы не видите, что она отошла!»

Ни одна изъ этихъ трехъ женщинъ не ожидала подобной развязки; но сердце мое какъ бы чуяло еще наканунѣ, что настаетъ часъ вѣчной моей разлуки съ неземнымъ этимъ существомъ............. Отчетливо не припомню, что̀ со мною происходило въ первыя минуты послѣ сказанныхъ мнѣ словъ нянею въ коридорѣ; но когда, нагнувшись надъ неподвижною моею Анною, я приподнялъ и крѣпко сжалъ ее въ мои обьятія (она была вся какъ бы въ огнѣ), умъ отказывался вѣрить въ дѣйствительности ея вѣчнаго сна. Тутъ же я увидалъ стоявшую у подножья кровати, безмолвную и скрестившую руки Меропу Александровну. Я бросилъ вопрошающій взоръ на нее, всегда ко мнѣ дружелюбную, не выпуская изъ моихъ объятій моей Анны, и она, угадывая мою мысль, протяжно сказала: «Да, мой другъ, она скончалась; тутъ никакого сомнѣнія быть не можетъ, и вамъ надо въ томъ убѣдиться».

Поздно ночью, сынъ мой, Митя, давно заснувшій, вдругъ выскочилъ изъ своей кроватки и, въ одной рубашкѣ выбѣжавъ въ коридоръ, началъ кричать всхлыпывая: «Сестра умерла, сестра умерла». Этотъ плачъ шестилѣтняго ребенка, не понимавшаго еще значенія смерти, былъ потрясающій, въ своемъ родѣ, эпизодъ........

Первую ночь Анна осталась на своей постели, а на слѣдующее утро, въ Пятницу, ее положили на столъ. Новосильцовы и Вишневскіе прислали много цвѣтовъ, коими мы обложили ея головку..........

Жена и теща съ Митею переѣхали въ этотъ день на квартиру Николая Адріяновича, и я остался одинъ въ домѣ*). Панихиды служилъ два раза въ день священникъ приходской нашей церкви, Симеона Столпника, о. Стефанъ Родосскій, а для чтенія псалтыри призвана была монахиня чтица изъ Казанскаго монастыря, въ коемъ, по совѣту Петра Петровича, рѣшено было похоронить нашу дочь.

*) Передавъ въ мое распоряженіе свой домъ, Дивовъ нанялъ небольшую для своихъ пріѣздовъ въ Рязани квартиру, почти что у самой Астраханской заставы.

Узнавъ о постигшемъ насъ несчастіи, шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ прискакалъ въ Рязань съ старшимъ своимъ сыномъ Сергѣемъ, ровесникомъ нашей покойницѣ*). До дня похоронъ, бывшихъ въ Понедѣльникъ, я проводилъ часть ночей у ея гроба. Сила эта дана была мнѣ свыше; она не свойственною казалась нервной и впечатлительной моей натурѣ.......

На открытомъ фортепіанѣ такъ и оставалася печальная мелодія Шуберта:

‹Adieu! Des voix étranges
T'appellent dans les airs,
Charmante soeur des anges;
Leurs bras te sont ouverts.
Parmi le choeur céleste
Vas tu prier un peu
Pour le banni, qui reste,
Et qui te dit: adieu›.

Въ предшествующіе ея заболѣванію дни, Анночка какъ-то особенно пристрастилась къ этой элегіи, и не взирая на просьбы ея матери выбрать что нибудь не столь меланхолическое, она принималась за эту мелодію; а года два позднѣе, разбирая однажды въ Знаменскомъ ея вещи и въ томъ числѣ ея альбомъ, куда она вписывала Русскія и Французскія стихотворенія, которыя особенно ей нравились, я былъ пораженъ, наткнувшись на извѣстную мнѣ давно элегію Шатобріана на смерть одной молодой дѣвушки, изъ коей помню два стиха.

‹Vous avez terminé vos fraîches matinées,
Jeune fille et jeune fleur›.

Въ ней былъ также стихъ, давно сдѣлавшій на меня впечатлѣніе:

‹Mais ton père, Célina, sur ta tombe s'incline›.

Носился впослѣдствіи слухъ, что, во время проѣзда моей жены съ дочерью черезъ Москву въ Рязань, кто-то изъ близкихъ къ Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой сдѣлалъ вопросъ пишущему столу (или тарелкѣ) о житьѣ-бытьѣ моей дочери въ новомъ ея мѣстопребываніи, и что отвѣтъ былъ будто бы: ‹она умретъ›. Но достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ я не могъ еще по сю пору добиться........

.... Въ Воскресеніе, наканунѣ похоронъ, Меропа Александровна, ежедневно меня навѣщавшая, говоритъ мнѣ:—‹Бутурлинъ, зав-

*) Онъ только что опредѣлился тогда юнкеромъ въ бывшій мой Павлоградскій гусарскій полкъ.

тра предстоитъ вамъ ужасный день; постарайтесь быть благоразумнымъ». Я ей отвѣчалъ:—«Завтрашній день ничѣмъ не хуже сегодняшняго или вчерашняго. Весь ужасъ удара разразился уже три дня назадъ и ничто сильнѣе не можетъ постичь меня завтра». Такъ и вышло въ дѣйствительности........

Къ выносу останковъ дорогой моей Анны собралось почти что все Рязанское общество; даже губернскій предводитель П. Н. Бухвостовъ и его жена, съ которыми я не имѣлъ никакого короткаго знакомства, долгомъ сочли лично заявить ихъ соучастіе въ постигнувшемъ насъ несчастіи. Какъ же не помянуть мнѣ всѣхъ ихъ, добрымъ словомъ? Молодежь изъ моихъ сослуживцевъ подняли и, очередуясь, несли гробъ вплоть (какъ помнится мнѣ) до церкви Симеона Столбника что̀ на Старомъ базарѣ......... Петръ Петровичъ не отходилъ отъ меня во все время шествія, а Мерона Александровна поручила домашнему ихъ врачу Шенроку присматривать за мною во время заупокойной литургіи и отпѣванія. Но предосторожность эта была лишняя: я былъ слишкомъ убитъ морально, чтобы впадать въ обморокъ; да и силы даны были мнѣ милосердымъ Промысломъ. Внутренній голосъ нашептывалъ мнѣ увѣреніе, что созданіе, похищенное во всей чистотѣ и непорочности, на сколько то доступно человѣческой бренной натурѣ, сподобится быть принятымъ въ селенія праведныхъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.........

Петръ Петровичъ не допустилъ меня идти одному за гробомъ и самъ шелъ все время рядомъ со мною. Воздухъ былъ сыръ, вездѣ страшная слякость, и по временамъ порхалъ снѣжокъ, а Петръ Петровичъ былъ болѣзненнаго сложенія........

...... И такъ, Анна моя покоится нынѣ въ Рязанскомъ дивичьемъ монастырѣ, гдѣ и я надѣюсь лечь, если не рядомъ, то не подалеку отъ нея*). Могила ея была у самыхъ южныхъ дверей лѣтней церкви, но съ тѣхъ поръ какъ церковь эту перестроили и расширили, могила Анны взошла въ нее, подъ самый правый клиросъ. . . . . . .

Всѣ хлопоты и распоряженія по печальному сему дѣлу добровольно принялъ на себя мой товарищъ Александръ Ивановичъ Протасьевъ, съ родственною вполнѣ готовностію. Мнѣ было не до того, да и денегъ на эти издержки не было у меня: ихъ выдалъ немедленно Петръ Петровичъ, даже не сказавъ мнѣ ничего о таковомъ одолженіи. Когда Николай Адріановичъ возвратился изъ Петербурга весною, онъ уплатилъ этотъ долгъ своими деньгами, также какъ и прочіе расходы,

*) Надежда эта исполнилась. П. Б.

относившіеся къ болѣзни и кончины моей дочери. Много добра сдѣлалъ мнѣ на своемъ вѣку этотъ человѣкъ! Впослѣдствіи я узналъ, что когда княгиня Марія Семеновна Черкаская, проведшая зиму въ Петербургѣ, извѣстила Дивова о Рязанскомъ происшествіи, съ нимъ сдѣлалось дурно.

Черезъ недѣлю, мое семейство перешло обратно въ Дивовскій домъ, а по истеченіи шести недѣль переѣхало въ Городище, куда давно передъ тѣмъ возвратился Николай Адріяновичъ. До переѣзда моего семейства въ Городище пріѣхали изъ Тарусы раздѣлить наше горе и поклониться свѣжей могилѣ Анны Тридонъ и его жена. «Вотъ другъ мой», сказалъ мнѣ Осипъ Августиновичъ, «какъ всѣ наши предположенія обманчивы. Разставаясь съ Анетиною въ Тарусѣ, я взялъ было съ нея обѣщаніе, что, въ случаѣ моей кончины, она приметъ подъ свое попеченіе мою Лиленьку»........... Намъ разсказывали позднѣе, что̀ произошло въ Знаменскомъ, когда вѣсть о кончинѣ нашей Анны была получена тамъ. Тамошній прикащикъ Тимофей Егоровъ, узнавъ первоначально о ея болѣзни, распорядился отслужить въ нашей церкви молебенъ о ея здравіи. Служба уже началась, какъ вдругъ онъ вбѣгаетъ въ церковь. «Батюшка», говоритъ онъ священнику Ѳедору Егоровичу Бриліантову, «не о здравіи, и о вѣчномъ покоѣ Анны Михайловны намъ надо молиться: сей часъ получено изъ Рязани извѣстіе, что она скончалась». Бѣдный отецъ Ѳедоръ такъ и обомлѣлъ!........

Во время болѣзни моей Анны, пронесся было по Рязани слухъ, что ей стало лучше. Дружелюбный ко мнѣ всегда Аркадій Африкановичъ Болдыревъ, выѣхавъ изъ Рязани въ Москву въ Середу, поспѣшилъ, по прибытіи туда, успокоить Зинаиду Сергѣевну на счетъ любимой ею Анночки, и тѣмъ сильнѣе поразило мою кузину полученное два дня спустя извѣстіе о ея кончинѣ... ...

... ... Долго ходилъ, какъ ошеломленный, бѣдный врачъ Малининъ. Жалостно было смотрѣть на него. «Ваше несчастіе», говорилъ онъ мнѣ, «въ тоже время и мое». Хотя онъ былъ ученикъ Ѳедора Ивановича Иноземцова, но на нашу бѣду далъ, какъ говорили его собратья, діогностическій промахъ, не угадавъ въ чемъ заключалась болѣзнь его паціентки, вслѣдствіе чего первоначальные его приступы были слишкомъ слабы. Докторъ Шенрокъ (методъ коего отличался смѣлостію) утверждалъ позднѣе, что если бы во Вторникъ (когда Анночка слегла) поставили ей сорокъ и даже пятьдесятъ піявокъ, вѣроятно, что она осталась бы жива. Недѣли черезъ три послѣ сего событія, теща моя заболѣла тѣмъ же воспоЛеніемъ, какъ и ея внучка (въ меньшемъ, быть

можетъ, размѣрѣ), и не взирая на ея преклонные года (ей было 67 лѣтъ) и щедушный организмъ, г. Шенрокъ поставилъ ей до тридцати (помнится мнѣ) піявокъ, и она вскорѣ оправилась. Мало того: одновременно почти съ болѣзнію Анночки захворала также восполеніемъ восьмидесятилѣтняя г-жа Дубовицкая (мать Тульскаго Николая Александровича) проживавшая въ собственномъ домѣ въ Рязанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и ее поставилъ также на ноги тотъ же г. Шенрокъ, и она прожила еще шесть или семь лѣтъ......

Въ началѣ или около середины Апрѣля 1854 г., я получилъ письмо отъ моей матери со вложеніемъ въ немъ письма для Анны уже не живой *). Это неважное по себѣ обстоятельство легло новою тяжестію на мою душу...

Когда я былъ въ состояніи писать, я извѣстилъ мою невѣстку, графиню Аврору Осиповну, о постигшей насъ потерѣ, прося ее передать эту грустную вѣсть, какъ она лучше съумѣетъ, нашей матери. Невѣстка моя приняла всѣ возможныя въ подобномъ случаѣ осторожности, но принятое выраженіе *приготовить* одно лишь пустословіе. Развѣ возможно приготовить кого либо къ неожиданному, ошеломляющему его удару?.... Едва графиня Аврора Осиповна сказала нашей матери, что ей пишутъ изъ Россіи, что Анночка опасно заболѣла, какъ мать моя воскликнула: «она умерла»! Ахъ бѣдный мой Михайло!»...

Такъ какъ мое семейство намѣревалось возвратиться на лѣто въ Знаменское, то я просилъ Петра Петровича уволить меня къ нимъ, чувствуя себя неспособнымъ заниматься служебными обязанностями. «Ни на одинъ день не отпущу васъ», отвѣчалъ онъ: «я знаю по опыту, мой любезнѣйшій, что служба есть единственное развлеченіе въ подобныхъ моральныхъ потрясеніяхъ». Этотъ отказъ, кромѣ кажущейся его жестокости, не могъ, по тогдашнему моему разумѣнію, достигнуть предполагаемой Петромъ Петровичемъ; цѣли. Я ошибся. Чрезвычайно тяжело было мнѣ приняться за занятія но чувство долга, что человѣческіе интересы могли бы пострадать отъ моего бездѣйствія, помогло преодолѣть моральную мою атонію, и мало по малу я дошелъ до того, что единственныя минуты, въ которыя я отвлекался отъ моей скорби, были тѣ, когда я углублялся въ мои служебныя занятія. Да и иныя дѣла были довольно важны. Казавшеюся столь суровою мѣра; П. П. Новосильцова вышла спасительная, и я впослѣдствіи понялъ что только она и отвратила отъ меня угрожавшее мнѣ сумасшествіе....

*) Такъ какъ не было еще тогда желѣзныхъ дорогъ, то письма изъ Флоренціи въ оскву и Петербургъ проходили на семнадцатый только день, и потому извѣстіе о кончинѣ любимой ея внучки мать моя не могла получить ранѣе половины Апрѣля.

Много также помогло душевному моему успокоенію сближеніе мое съ соборнымъ протоіереемъ Иваномъ Ефимовичемъ Любимовымъ [1]), съ коимъ я познакомился осенью 1853 г., у Хвощинскихъ и къ коему съ перваго раза почувствовалъ такое влеченіе, что избралъ его въ духовные себѣ отцы и пригласилъ священнодѣйствовать при похоронахъ моей Анночки. Съ этого времени началась моя дружба съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, двадцати годами нынѣ скрѣпленная и поддерживающаяся перепиской. Онъ и графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой сдѣлались моими преобразователями; первый въ духовномъ направленіи, а второй сдѣлалъ изъ меня, бывшаго дотолѣ космополитомъ, Русскаго человѣка. Онъ же познакомилъ меня короче съ церковнымъ уставомъ (въ которомъ онъ свѣдущъ до малѣйшихъ подробностей) и направилъ историческіе и иные мои взгляды, въ числѣ каковыхъ тотъ, что поспѣшная и насильственная Петровская реформа имѣла столько же пагубныхъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствій», (а въ частности исказила Русскій семейный бытъ), сколько и блистательныхъ для организаціи отечества. Но о вліяніи на меня графа Дмитрія Николаевича здѣсь слишкомъ еще рано говорить.

Я получалъ отовсюду соболѣзновательныя письма, въ числѣ коихъ глубоко тронули меня нѣсколько теплыхъ строчекъ, начертанныхъ карандашомъ княгинею Маріею Петровною Волконской изъ Петербурга [2]), и также сочувственное письмо старухи графини Риччи, съ коею я не видался съ 1828-го года, извѣстившейся о моей потерѣ отъ княгини Маріи Семеновны Черкасской [3]).

Въ числѣ посѣщавшихъ меня съ добрымъ намѣреніемъ разсѣять по возможности горькія мои думы былъ новый мой знакомый Петръ Ивановичъ Фроловъ, тотъ самый, что̀ стрѣлялся въ Москвѣ въ 1844 году съ графомъ Саліасомъ. Въ Рязани онъ бывалъ единственно по чувству признательности къ Петру Петровичу вступившемуся за него

[1]) Магистръ Кіевской Духовной Академіи и нынѣ законоучитель при Рязанской гимназіи.

[2]) Я ее извѣщалъ, что дочь моя покоится рядомъ съ ея матерью Маріею Ардаліоновною Кикиной и ея бабушкою Торсуковой.

[3]) Напоминаю, что графиня Риччи (рожденная Лунина) та самая что̀ удостоивалась быть вѣнчанною за ея пѣніе въ Римскомъ Капитоліи, между 1814 и 1818 годами, и участвовала, какъ примадонна, въ операхъ у княгини Зинаиды Александровны Волконской въ Москвѣ въ 1826 и 1827 годахъ. Живя съ мужемъ (красавцемъ двадцатью годами моложе ея) на слишкомъ широкой ногѣ, они покончили весьма значительное ея состояніе и затѣмъ разъѣхались. Въ началѣ 50-хъ годовъ графиня Риччи проживала кое-какъ въ оставшемся у нея незначительномъ имѣніи подъ Коломною, не имѣя средствъ жить въ столицахъ.

въ то время, когда графъ Закревскій сослалъ его въ полярный городъ Колу, но за что именно, я не припомню. Оригинальный этотъ человѣкъ началъ службу въ Черноморскомъ флотѣ и отличился, будучи еще въ нижнемъ чинѣ, какимъ-то доблестнымъ подвигомъ о чемъ свидѣтельствовалъ солдатскій Георгіевскій его крестъ. Безпокойный и буйный когда-то его нравъ завлекъ его въ разныя приключенія и поединки, и онъ слылъ дуэлистомъ. Однажды онъ возымѣлъ намѣреніе подняться съ однимъ воздухоплавателемъ, но полетъ его не состоялся по той причинѣ будто бы, какъ онъ разсказывалъ, что тогдашній оберъ-полицеймейстеръ Берингъ распорядился, чтобы не впущено было бы въ шаръ нужнаго количества газа, или что-то въ этомъ родѣ, дабы подвергнуть жизнь П. И. Фролова еще бо́льшей опасности. Быть можетъ, что это вымыселъ, такъ какъ нельзя было всегда давать вѣры его словамъ, но за что купилъ, за то и продаю. Когда я упоминалъ о немъ въ событіяхъ 1844 года, то выставилъ, кажется, высокую черту его самоотверженія, состоявшую въ томъ, что онъ отдалъ незамужнимъ своимъ сестрамъ все свое, хотя незначительное, имѣніе въ Коломенскомъ уѣздѣ. Жаль, что послѣ столь примѣрнаго поступка онъ не обратился снова къ службѣ для независимаго своего существованія, а предпочелъ ей унизительную роль паразита и пикъ-ассіета [1]), чѣмъ и пріобрѣлъ незавидную извѣстность въ Москвѣ. Но вѣдь кромѣ Лукулловыхъ наслажденій съ отборнымъ Лафитомъ (до коего г. Фроловъ былъ великій охотникъ) есть много и другихъ житейскихъ потребностей, удовлетвореніе коихъ невозможно безъ денегъ и особенно въ великосвѣтской сферѣ, коей г. Фроловъ упорно придерживался до конца Московской своей жизни; но откуда бралъ онъ средства, чтобы прилично одѣваться, платить за квартиру и посѣщать клубы и театры, было для всѣхъ энигмою. Хотя онъ и поигрывалъ въ карты, но не по значительному кушу, а въ шулерство не слыхать было, чтобы онъ пускался. Добавлю, что вездѣсущая его свѣтская дѣятельность въ послѣднія десять лѣтъ Московской его жизни (1863—1873) была изумительна. Городскія новости находили въ немъ свѣжаго всегда передатчика, и его можно было встрѣчать повсюду и почти въ одно и тоже время: по утрамъ ковылявшимъ [2]) по Кузнецкому мосту, а по вечерамъ на концертахъ, въ двухъ клубахъ (Англійскомъ и Дворянскомъ), на частныхъ балахъ, на дворянскихъ выборахъ, въ лучшихъ Французскихъ ресторанахъ, на похоронахъ (гдѣ не упускалъ онъ случая усердно уписывать на заупокойныхъ трапезахъ), по воскреснымъ днямъ у обѣд-

---

[1]) „Pique-assiette" зовутъ искателей даровыхъ обѣдовъ съ угодничествомъ къ ихъ амфитріону.

[2]) Онъ ходилъ съ костылемъ.

ни въ бомондной церкви Успенія на Овражкѣ, что въ Газетномъ переулкѣ, а оттуда съ утреннимъ визитомъ къ Московскому викарію Леониду, коего онъ считалъ своимъ сослуживцемъ; словомъ, П. И. Фроловъ повсѣмѣстно разсыпался и всѣмъ надоѣдалъ, но тѣмъ не менѣе запертыхъ для него дверей не встрѣчалъ никогда. Правда, что онъ въ этихъ случаяхъ бралъ нахрапомъ (il payait d'audace). Можно себѣ представить мое удивленіе, когда, находясь во Флоренціи въ концѣ 1862 года, гдѣ я жилъ у бывшаго моего воспитателя и благодѣтеля г. Слоана, дверь растворилась, и ко мнѣ влетаетъ, насколько дозволяла ему хромота, Фроловъ съ поклономъ отъ моего кузена Н. А. Дивова изъ Парижа, съ коимъ онъ туда пріѣхалъ изъ Петербурга. Въ обществѣ онъ былъ довольно забавенъ оригинальнымъ своимъ умомъ, но былъ болтунъ. Бѣдный П. И. Фроловъ кончилъ свое поприще трагически. Когда всѣ его извороты для поддержанія себя въ Московскомъ аристократическомъ кружкѣ истощились, онъ собралъ послѣднія свои крохи и уѣхалъ весною прошлаго 1873 года въ Монако, гдѣ существуетъ публичная азартная игра въ рулетку. Тутъ онъ поставилъ сразу весь свой денежный кушъ: панъ или пропалъ! Банкометъ убилъ его карту, и несчастный игрокъ тутъ же принялъ заготовленный заблаговременно, пріемъ сильнаго яда.

Возвращаюсь къ событіямъ весны 1854 года. Англійское военное судно «Тигръ» попавъ на мель у Одесскаго прибрежья, принуждено было сдаться военноплѣннымъ. Командиръ судна заболѣлъ и остался въ Одессѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ; офицерамъ и нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ экипажа назначено было мѣстопребываніемъ Рязань, а два каютъ-юнга (по-англійски «midshipmen») отвезены въ Москву для окончанія ихъ образованія при Московскомъ университетѣ подъ присмотромъ, кромѣ мѣстныхъ властей, пастора Московской Англиканской церкви: распоряженіе довольно странное, но совершенно въ духѣ покойнаго императора Николая. Въ Рязань, препровождены были старшій лейтенантъ Александръ Гамильтонъ, сорокалѣтній съ небольшимъ и солидный человѣкъ; младшій лейтенантъ Вебъ Элфинстонъ - Стонъ, весьма общественный и романическаго оттѣнка молодой человѣкъ, даже сердечкинъ (ему было лѣтъ 28), старшій шкиперъ, пожилыхъ уже лѣтъ, и два или три матроса. Шкиперъ и остальныя лица прибыли въ Рязань много позднѣе двухъ вышеназванныхъ офицеровъ, въ началѣ осени. Квартира, отведенная для двухъ офицеровъ, была помѣстительна и опрятна, а содержаніе, назначенное имъ, весьма изрядное (въ чемъ заключалось послѣднее, не упомню хорошо, но кажется болѣе рубля въ день); а какъ оба были люди со средствами, то они зажили

очень прилично. Г. Элфинстонъ обзавелся лошадкою съ таратайкою въ родѣ кабріолета, а г. Гамильтонъ, какъ охотникъ, лягавою собакою. Такъ какъ для нихъ требовался переводчикъ, губернатору предписано было въ случаѣ неимѣнія на мѣстѣ чиновника знающаго Англійскій языкъ, снестись съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, откуда долженъ былъ быть высланъ переводчикъ изъ тамошнихъ чиновниковъ; но Петръ Петровичъ, имѣя въ виду мое знаніе этого языка, назначилъ меня въ эту должность, безъ увольненія меня отъ слѣдственныхъ занятій и безъ увеличенія моего оклада. Послѣднее обстоятельство было, по моему, несовсѣмъ правосудно: вѣдь не случись я въ Рязани, пришлось бы откомандировать чиновника съ экстреннымъ для сего жалованіемъ. Впрочемъ, я не ставлю этого въ вину Петру Петровичу; экономическій этотъ расчетъ состоялся, вѣроятно, помимо его. Но не надо думать, что новая моя обязанность заключалась лишь въ томъ, чтобы служить толмачемъ для личныхъ нуждъ военноплѣнныхъ: на мнѣ лежала неблаговидная обязанность прочитывать всѣ письма, ими полученныя и отправляемыя въ Англію и съ нихъ дѣлать переводы по-русски (или по-французски, хорошо не помню); переводы мои отсылались въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, а иныя изъ полученныхъ семейныхъ писемъ были иногда на восьми страницахъ, и переводческій трудъ отвлекалъ меня отъ настоящихъ моихъ занятій. Да и кромѣ того, сблизившись съ этими офицерами (они были люди отлично образованные и привыкшіе къ хорошему обществу и со мною обращались подружески), я всегда стыдился моего невольнаго соглядатайства. Не взирая однакоже на фальшивое мое положеніе, я сыскалъ (самъ не знаю какъ) искреннюю ихъ дружбу и впослѣдствіи даже переписывался съ ними. Глубоко тронуло меня письмо, полученное однажды на мое имя отъ отца лейтенанта Элфинстона, Англійскаго пастора, въ коемъ онъ горячо благодарилъ меня за вниманіе оказанное его сыну. Петръ Петровичъ былъ очень ласковъ съ обоими офицерами: они нерѣдко обѣдали у него, и онъ возилъ ихъ къ Дивову въ Городище и къ княгинѣ М. С. Черкасской, ежегодно проводившей лѣто съ ея дочерью княжною Маріею Петровною въ своемъ имѣніи подъ Рязанью. Повѣрить ли кто, что за это гуманное и свойственное просвѣщенному человѣку обхожденіе съ плѣнными подобнаго ему уровня нашлись въ Рязани ретрограды или желчнаго темперамента люди, которые упрекали Петра Петровича и находили, что и на плѣнныхъ надо смотрѣть какъ на враговъ отечества? Наши Англичане познакомились также съ нѣкоторыми ближайшими къ Рязани помѣщиками и гостили у нихъ по нѣскольку дней, о чемъ они однакоже всегда увѣдомляли губернатора. Лейтенантъ Элфинстонъ былъ красивый мужчи-

на, хотя ростомъ невеликъ, женствененъ въ манерахъ и мягкой, впечатлительной натуры: разставаясь съ Рязанью со вздохомъ (когда осенью размѣнены были съ обѣихъ сторонъ плѣнные), онъ оставилъ тамъ не одну горемычную Дидону.

Началось формированіе всеобщаго въ Россіи ополченія, и многіе изъ статскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ опредѣлились офицерами въ Рязанскія дружины. Въ числѣ послѣднихъ, былъ Аполлонъ Николаевичъ Волковъ, поступившій въ Михайловскую дружину, такъ какъ онъ былъ помѣщикъ этого уѣзда, а въ начальники всего Рязанскаго ополченія выбранъ былъ генералъ (въ отставкѣ) Павленко, женатый на сестрѣ Н. Г. Рюмина. Меломанъ и старый театралъ князь Алексѣй Дмитріевичъ Волконскій устремился было снова на службу; его выбрали въ начальники Зарайской дружины, и онъ уже облекъ было свой дворовый (и весьма сносный) оркестръ въ мундиры; но когда онъ, разсорился, не помню за что, съ начальствомъ или съ дворянами уѣзда, военный его пылъ остылъ, и онъ остался дома. Рязанскою дружиною командовалъ гвардейскій офицеръ, но Рязанскій уроженецъ и житель, молодой Грегоріусъ.

Когда обнародованъ былъ манифестъ объ ополченіи, случилась вотъ какая исторія. Между крестьянами Тамбовской губерніи и смежныхъ съ нею Рязанскихъ уѣздовъ разнесся слухъ, что кто только поступитъ въ ряды ополченцевъ, тотъ уже на всегда увольняется отъ крѣпостнаго состоянія, и вотъ крестьяне гурьбою направлялись черезъ Рязанскую губернію въ Москву, гдѣ, какъ они увѣряли, должно собираться все ополченіе. Толпы изо ста и болѣе крестьянъ являлись одна за другой къ графу Закревскому, который высылалъ ихъ обратно по этапу на ихъ мѣста жительства. Когда одна таковая партія бѣжала по шоссе между Баграмовскою почтовою станціи и селомъ Луховицами, въ участкѣ Зарайскаго уѣзда, тамошній исправникъ Дмитрій Васильевичъ Улитинъ, изъ себя колосъ и силачъ, вздумалъ было одинъ и Геркулесовою своею персоною преградить ей путь. Его сшибли съ ногъ и порядочно, кажется, намяли ему бока. Узнавши объ этомъ приключеніи, Петръ Петровичъ отозвался, что по дѣло̀мъ ему дураку. Не даровитъ дѣйствительно былъ этотъ исправникъ, но усерденъ по службѣ и честенъ (сирѣчь, не взяточникъ), за что былъ любимъ губернаторомъ, а внѣ службы былъ флегматиченъ и молчаливъ. Проводивъ, бывало, губернатора черезъ участокъ своего уѣзда, онъ заѣдетъ отдохнуть у своего друга-пріятеля Дмитрія Николаевича Апраксина (Дивовскаго сосѣда) въ сельцѣ Горяинцовѣ и, взойдя къ нему въ домъ и едва

поздоровавшись съ хозяиномъ, растянется на его постели, не говоря ни слова. «Чай, губернатора своего провожалъ?» Начнетъ Апраксинъ, зная, что не добьется слова отъ своего гостя «Да», отвѣчаетъ тотъ, и за тѣмъ опять молчаніе. «Такъ разскажи хоть что нибудь про это?» — «Нѐчево сказать: все давно переговорено. И этимъ кончался разговоръ.

Газеты и вся Русская публика восторгалась тогда подвигомъ молодаго артилериста Щеголева, который съ своею полубатареею (или цѣлою батареею), стоявшею въ Одесской гавани, выдерживалъ огонь Англійскаго флота, бомбардировавшаго городъ, и мѣткими выстрѣлами своихъ орудій Щеголевъ даже повредилъ непріятельскія суда. Не отрицая доблести этого юноши, все таки спрашиваю, какъ могъ бы онъ иначе поступить? Не бросить же былъ ему своего поста и утекать? Севастопольскія событія, отступленіе отъ невзятой Силистріи и поспѣшное очищеніе нашими войсками Придунайскихъ княжествъ, уязвляли до нѐльзя національное чувство: подобнаго позора Русское оружіе не видало со временъ Петровскаго пораженія при Прутѣ. Высадка союзниковъ на Крымскій полуостровъ и осада Севастополя съ суши могли, пожалуй, настигнуть Россію врасплохъ какъ непредвидимыя случайности; но что же это такое, спрашивали мы другъ у друга, что и съ Турками мы не совладаемъ и отступаемъ передъ ними? Конечно, очищеніе Молдаво-валахіи произошло вслѣдствіе Австрійской вооруженной демонстраціи на сѣверной границѣ княжествъ; но она вышла бы опоздалою угрозою, еслибы Государь согласился на смѣлую программу Катакази, и наши войска устремились бы на Константинополь переходомъ черезъ Балканы и моремъ, не замѣшкавшись въ Придунайскихъ княжествахъ.

Но вотъ забавный бонъ-мо, приписываемый тогда князю Меншикову. Во время блистательной, но сумазбродной атаки Англійскаго драгунскаго полка имени королевы Викторіи, командиромъ коего былъ лордъ Кардиганъ (офицеры полка были съ букетомъ въ петлицѣ по случаю дня рожденія королевы и, какъ говорятъ, мертво пьяны), попался въ плѣнъ молодой офицеръ этого полка лордъ Дункѐли и былъ препровожденъ къ нашему главнокомандующему. Въ экзалтированномъ чаду отъ пороха и, быть можетъ, винныхъ паровъ и въ естественной досадѣ быть взятымъ въ плѣнъ, молодой милордъ отнесся къ князю Александру Сергѣевичу съ заносчивымъ словомъ: «Mon prince, vous aurez beau faire, mais nous prendrons Sébastopol». — «A, vous avez vrai, milord», отвѣчалъ нашъ острякъ, «jusqu à aujourdhui, j'ai toujours crains ce résultat; mais maintenant que vous n'êtes plus dans les

rangs de nos ennemis, je commence à espérer que nous tiendrons bon jusqu' à la fin»[1]).

Весной этою 1854 года умерли два Тарусскіе старожила: Петръ Ильичъ Заславскій и Авдотья Ивановна Нарышкина. Утрата послѣдней была горестнымъ событіемъ для всего околодка, для коего открытый ея домъ служилъ давнѣйшимъ и гостепріимнымъ центромъ. Наслѣдникомъ П. И. Веселовскаго былъ дальный его родственникъ г. Зубовъ женатый на фрейлинѣ Эйлеръ и служившій въ почтовомъ департаментѣ въ превосходительномъ чинѣ; но, какъ человѣкъ и безъ того достаточный, онъ не спѣшилъ вступить немедленно въ наслѣдственныя свои права и предоставилъ двумъ старухамъ-сестрамъ покойника, Аннѣ и Авдотьѣ Ильинишнымъ (третья сестра Татьяна давно уже померла) пользоваться до конца жизни имѣніемъ ихъ брата[2]).

По истеченіи шести недѣль послѣ кончины моей Анночки, мое семейство переѣхало, какъ я уже говорилъ, въ Городище, а въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня возвратилось въ Знаменское. Въ Городище же пріѣзжалъ тогда Августъ Осиповичъ Понятовскій, чтобы совѣщаться съ Николаемъ Адріяновичемъ на счетъ дѣлъ моего (и также его) племянника графа Дмитрія Петровича, довѣрителемъ коего онъ былъ. Братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ умеръ почти что въ одно время съ его повѣреннымъ Иваномъ Антоновичемъ Кавецкимъ въ предъидущемъ (1853) году, а сей послѣдній оставилъ дѣла своего довѣрителя въ запутанномъ довольно положеніи. Г. Кавецкій остался также должникомъ моей матери по покупкѣ ея имѣнія с. Бѣлкина, вслѣдствіе чего мать моя снабдила Николая Адріяновича довѣренностію для взысканія этихъ денегъ съ дочери умершаго г. Кавецкаго, Варвары Ивановны Обнинской. По рекомендаціи (вѣроятно) П. П. Новосильцова, Дивовъ и Понятовскій препоручили взысканіе этихъ долговъ адвокату Михайлу Ивановичу Бернару, коему выдано было впередъ тысяча рублей на необходимые расходы. На сколько М. И. Бернаръ подвинулъ дѣло моего племянника, мнѣ мало извѣстно; но на счетъ долгу моей матери, не взыскано еще было ни копѣйки до 1857 года, когда умеръ М. И. Бернаръ, и мнѣ пришлось хлопотать по этому дѣлу, какъ увидимъ дальше.

---

[1]) Князь, какъ бы вы ни старались удержать Севастополь, но мы его возьмемъ. „Если сказать вамъ правду, милордъ, я самъ боялся до сегодяшняго дня этого схода; но теперь вы болѣе уже не находитесь въ рядахъ нашихъ враговъ, и я начинаю надѣяться, что мы отстоимъ Севастополь до конца".

[2]) Сынъ этого г. Зубова женился позднѣе на дочери Кокошкина, бывшаго нашимъ представителемъ при Туринскомъ дворѣ и женатаго на дочери знаменитой когда-то пѣвицы Каталани, Валабрекъ.

На первыхъ порахъ постигшаго меня удара, мнѣ жилось легче въ Дивовскомъ имѣніи нежели въ Рязани, такъ какъ не было въ Городищѣ никакихъ мѣстныхъ воспоминаній о моей дочери. Временному этому перемѣщенію не воспротивился Петръ Петровичъ, но и я самъ не злоупотреблялъ его снисходительностію и принуждалъ себя исподволь заняться служебными дѣлами, для чего часто отлучался въ Рязань. Правда, что бывшія у меня въ производствѣ слѣдствія немного затягивались, но недостатка не было въ занятіяхъ и по переводамъ кореспонденціи Англійскихъ военно-плѣнныхъ, а келейную помощницу въ этой работѣ я пріобрѣлъ позднѣе въ лицѣ княжны Маріи Петровны Черкасской, и дѣло пошло у меня поспорнѣе.

Теперь вся отрада моей жизни сосредоточилась въ единственномъ моемъ дѣтищѣ, коему минуло семь лѣтъ, и естественно, что съ отъѣздомъ въ Знаменское моего семейства одиночество мое сдѣлалось еще чувствительнѣе. Меропа Александровна уѣхала въ мужнино имѣніе с. Воинъ надъ Мценскомъ, куда и Петръ Петровичъ по нѣскольку разъ отлучался изъ Рязани, и безотрадные мои дни протекли бы среди чуждыхъ мнѣ людей, если бы Провидѣніе не послало мнѣ утѣшительницъ въ княгинѣ и княжнѣ Черкасскихъ, коими я былъ принятъ въ семейно-интимную ихъ жизнь, и до конца этого лѣта я часто проводилъ по нѣскольку дней и ночей сряду у нихъ въ деревнѣ.

Оба Англійскіе моряка постоянно бывали у Черкасскихъ. Общество молодой княжны Маріи Петровны, владѣвшей Англійскимъ нарѣчіемъ съ рѣдкою элегантностію, было слишкомъ могучимъ талисманомъ для мягкосердечнаго Элфинстона, чтобы не плѣниться ея особою; но этого исхода мы никакъ не подозрѣвали (впрочемъ, быть можетъ, я одинъ по моей недальновидности не замѣчалъ того что̀ было достаточно ясно для прочихъ), и потому меня поразило, когда по отъѣздѣ Англичанъ изъ Рязани и Черкасскихъ на зиму въ Петербургъ, княжна Марія Петровна извѣстила меня оттуда о полученіи ею письма изъ Англіи отъ лейтенанта Элфинстона съ декларацією нѣжныхъ его чувствъ и съ предложеніемъ его руки. Бѣдняжка была сама такъ озадачена этою неожиданностію, что затруднялась какъ формулировать повѣжливѣе свой отказъ.

Съ этимъ молодымъ морякомъ я чуть не подвергся крайне-непріятному приключенію. Отправились мы однажды вдвоемъ рисовать съ натуры живописную мѣстность усадьбы И. Н. Дубовицкаго, село Дядьково, стоящей на горѣ въ двухъ верстахъ отъ Рязани, и насъ окружила толпа любопытныхъ крестьянскихъ дѣтей, къ коей приткну-

ли мало-по-малу взрослые крестьяне, которые начали насъ распрашивать, какіе мы люди и чтò мы тутъ дѣлаемъ. Хотя къ подобнымъ распросамъ я и привыкъ, когда мнѣ и прежде случалось рисовать на открытомъ воздухѣ, однакоже мнѣ показалось, что на этотъ разъ на насъ смотрѣли какъ-то подозрительно и со мною не разговаривали со свойственною имъ почтительностію. Когда же при первой моей встрѣчѣ съ Дубовицкимъ я разсказалъ ему, что наше рисованіе на открытомъ воздухѣ вызвало чуть ли не всѣхъ крестьянъ его села, онъ отвѣчалъ, что нѣсколько человѣкъ изъ нихъ приходили къ нему съ заявленіемъ, что какіе-то, кажись, не-Русскіе люди, а должно быть изъ непріятелей «снимаютъ планты» съ его вотчины, такъ не прикажетъ ли онъ задержать ихъ, и вотъ, благодаря только его приказаніямъ оставить насъ въ покоѣ, мы избѣгли насильственныхъ дѣйствій.

Осенью состоялся размѣнъ Англійскихъ военноплѣнныхъ съ Русскими, вслѣдствіе чего въ началѣ Октября мнѣ поручено было препроводить Англійскихъ моряковъ въ Москву и сдать ихъ тамъ графу Закревскому. Это былъ первый случай чтò я его видѣлъ. Генералъ-губернаторская пріемная была полна высшимъ и низшимъ служебнымъ мѣстнымъ составомъ, и мое появленіе въ парадномъ мундирѣ съ рапортомъ, вложеннымъ, какъ слѣдуетъ, между петлицами мундира и во главѣ Англійскихъ моряковъ, также облекшихся въ полную форму, произвело сенсацію лестную (сознаюсь) малодушному моему самолюбію. Но каковò было всеобщее и мое удивленіе, когда на этой аудіенціи лейтенантъ Элфинстонъ, выступивъ впередъ, произнесъ, съ невозмутимою Британскою флегмою, короткую, но довольно правильную аллокуцію графу Закревскому, изученную имъ впередъ. Исполнивъ мое порученіе, я поѣхалъ въ сопровожденіи Радзиковскаго *) провѣдать мое семейство въ Знаменское; но воспоминанія дочери были тамъ такъ живы, что я не въ силахъ былъ оставаться болѣе одного дня, и самъ добрый нашъ мѣстный врачъ Викторъ Яковлевичъ Яковенко сказалъ моей женѣ: «Гоните, матушка, поскорѣе вашего мужа отсюда; моральное его разстройство усиливается здѣсь.» Въ Москвѣ, гдѣ я пробылъ четыре или пять дней, я часто видѣлся съ Зинаидою Сергѣевною, и мы поплакали вдвоемъ, сколько душамъ нашимъ хотѣлось. Когда, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, я вторично представлялся графу Закревскому, онъ съ любезностію и улыбаясь сказалъ мнѣ: «Имѣю васъ увѣдомить, графъ, что опекаемые вами Англичане благополучно уже отправлены во свояси.»

*) Его кондитерская, на углу Никитской и Верхняго Кисловскаго переулка, начинала тогда входить въ славу

Возвратившись въ Рязань, я переѣхалъ изъ Дивовскаго дома, проданнаго имъ совѣтнику Зайцову, на квартиру на Левицкой улицѣ, а для облегченія платежа за нее Николай Адріяновичъ назначилъ мнѣ по 100 рублей ежегодно. Это перемѣщеніе было благотворно для меня, такъ какъ здѣсь не было никакихъ раздирающихъ воспоминаній. Хотя Петръ Петровичъ былъ внимателенъ ко мнѣ еще до постигшаго меня несчастія, но съ этого времени обхожденіе его со мною сдѣлалось еще дружественнѣе. Медики совѣтовали ему тогда пѣшій моціонъ, и онъ просилъ меня заходить ежедневно къ нему въ два часа, чтобы заставить его исполнять этотъ гигіеническій режимъ. Во время нашихъ прогулокъ вдвоемъ, онъ высказывался на распашку о придиркахъ, коимъ онъ безпрестанно подвергался отъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Дмитрія Гавриловича Бибикова, и дѣйствительно, онѣ были до того невыносимы, что я удивлялся долготерпѣнію Петра Петровича. Почему желчный и безъ того Дмитрій Гавриловичъ такъ открыто высказывалъ свое нерасположеніе къ личности Рязанскаго губернатора и не цѣнилъ его безкорыстія, мнѣ неизвѣстно; но вотъ какой былъ особенный случай, поддавшій еще болѣе пару враждебному и несправедливому настроенію министра. Въ Губернскомъ Правленіи продавалось съ аукціона какое-то имѣніе; одно изъ лицъ, торговавшихъ это имѣніе, было рекомендовано Петру Петровичу самимъ министромъ. Окончательный срокъ переторжки былъ назначенъ въ 12 часовъ, и едва одинъ изъ прочихъ торговавшихъ нанесъ еще цѣну, какъ начался бой двѣнадцати часовъ; рекомендованный же министромъ господинъ въ туже минуту поднялъ цѣну; но губернаторъ объявилъ ему, что онъ опоздалъ, такъ какъ стукнуло уже 12 часовъ и хотя торгующій заявилъ протестъ, что онъ не лишался права окончательной наддачи на томъ-де основаніи, что въ это время бой часовъ еще не ударилъ до двѣнадцати разъ, но Губернское Правленіе присудило продаваемое имѣніе его сопернику, какъ заявившему послѣднюю надбавку до начала часоваго боя. Д. Г. Бибиковъ счелъ это рѣшеніе придиркою и, оскорбясь неуваженіемъ къ нему Петра Петровича, началъ пріискивать всякаго случая, чтобы дѣлать ему непріятности. Министерская гроза еще пуще разразилась по слѣдующему многосложному дѣлу о Рязанскомъ исправникѣ Г., коему покровительствовалъ, къ сожалѣнію, губернаторъ. Не служившій нигдѣ помѣщикъ Ж. лишилъ невинности какую-то дѣвчонку (кажется, солдатскую дочь) насильственно-ли, или съ ея согласія, не упомню, о чемъ тетка ея подала прошеніе въ Рязанскій Земскій Судъ, и возникло дѣло. Г. исправникъ, содравъ (какъ мнѣ разсказывали) значительный кушъ съ помѣщика Ж. и не подѣлившись ни съ кѣмъ, сжегъ все начатое слѣдствіе. Обдѣленный уѣздный

стряпчій, попавъ случайно (годъ или два спустя послѣ этого происшествія) въ исправляющіе должность губернскаго прокурора, поднялъ снова все дѣло, обвиняя исправника въ уничтоженіи начатаго формальнымъ порядкомъ уголовнаго слѣдствія [1]). Губернское Правленіе потребовало первоначально объясненія отъ исправника противъ прокурорскаго объявленія, и онъ показалъ, что производилъ-ли становой форменное дознаніе о будто бы изнасилованіи сказанной дѣвки, ему исправнику неизвѣстно, но что никакого письменнаго производства о томъ у него въ Земскомъ Судѣ не было никогда, что вслѣдствіе словесной (или на бумагѣ) жалобы тетки онъ приказалъ становому сдѣлать первоначальные исподволь лишь распросы, а отнюдь не формальное дознаніе, что изъ собранныхъ свѣдѣній обвиненіе противъ помѣщика Ж. не подтвердилось и что сверхъ сего, тетка дѣвки принесла жалобу по истеченіи уже срока опредѣленнаго закономъ для освидѣтельствованія физическихъ слѣдовъ и потому, онъ, исправникъ, оставилъ безъ вниманія и дальнѣйшихъ дѣйствій навѣтъ просительницы. При производствѣ о томъ (т.-е. о дѣйствіяхъ исправника) слѣдствія по указу Губернскаго Правленія моимъ товарищемъ (если не забылъ) Иваномъ Карповичемъ Мартенсомъ, становой, освирѣпѣвшій отъ надменности своего принципала, поднялъ руки на себя и показалъ, что не простые распросы, а форменное какъ есть дознаніе онъ производилъ по письменному предписанію исправника, что иныхъ изъ свидѣтелей онъ допрашивалъ подъ присягою, на какую мѣру онъ, становой, не отважился бы, не имѣвъ предписанія произвести дознаніе по формѣ и что онъ представилъ произведенное имъ дознаніе въ Земскій Судъ, каковое осталось тамъ безъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и что онъ узналъ стороною, якобы начатое дѣло было тамъ уничтожено. Спрошенный въ свою очередь непремѣнный членъ Земскаго Суда, соображаясь (какъ я угадываю изъ хода всего дѣла), что утайка и уничтоженіе начатаго уголовнаго дѣла обнаружатся безъ сомнѣнія при дальнѣйшемъ о томъ слѣдствіи, и основываясь на законѣ, что чистосердечное и во время сдѣланное признаніе уменьшаетъ въ послѣдствіи степень взысканія [2]),

---

[1]) Производство по дѣламъ о личной обидѣ можетъ прекратиться миролюбивою сдѣлкою, но уголовное дѣло никогда, хотя бы истецъ заявилъ, что онъ прощаетъ отвѣтчика.

[2]) Ни становой, ни непремѣнный членъ земскаго суда не могли ссылаться для ихъ оправданія, что первый изъ нихъ утаилъ то, что онъ зналъ о поступкѣ исправника, а второй сдѣлался даже соучастникомъ исправника, изъ подчиненія къ ихъ начальнику; ибо законъ не только не повелѣваетъ исполнять незаконныя требованія начальствующаго лица, но за исполненіе таковыхъ подчиненный подлежитъ равной своему начальнику отвѣтственности. Для несвѣдущихъ по юридической части не лишними будутъ, полагаю, слѣдующія поясненія. Если жалоба или заявленіе близкою родственницею изнаси-

показалъ, что форменное дознаніе было дѣйствительно представлено становымъ приставомъ въ Земскій Судъ, и тамъ, по распоряженію исправника, уничтожено безслѣдно. Заручившись этими показаніями, слѣдователь на основаніи статьи изложенной въ Сводѣ уголовныхъ законовъ, взошелъ съ представленіемъ въ Губернское Правленіе, чтобы во время производства имъ слѣдствія исправникъ Г. былъ *на время* удаленъ отъ занимаемой имъ должности, дабы онъ не могъ бы подѣйствовать на своихъ подчиненныхъ *). По свойственной сердцу его добротѣ, не хотѣлось Петру Петровичу опозорить любимаго имъ исправника безъ болѣе очевидныхъ противъ него уликъ, и онъ сдѣлалъ предложеніе въ этомъ духѣ Губернскому Правленію, мотивируя отказъ требованія слѣдователя преждевременностью подобной мѣры. Вице - губернаторъ и всѣ три совѣтника согласились съ его мнѣніемъ; но противъ этого опредѣленія взошелъ съ протестомъ ассесоръ Губернскаго Правленія Дмитрій Александровичъ Гвоздевъ. Конечно такое ничтожное лицо, какъ ассесоръ Губернскаго Правленія, не посмѣло бы идти на перекоръ губернатору, не будь у него подпорою родной его братъ Александръ Александровичъ Гвоздевъ, тогда директоръ департамента общихъ дѣлъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, взошедшій въ большую силу при Бибиковѣ. Вслѣдствіе протеста ассесора Губернскаго Правленія, вопросъ о временномъ отстраненіи отъ должности исправника Г. перешелъ на разсмотрѣніе Министерства или самаго Сената (про этотъ фазисъ дѣла я немного позабылъ); но результатъ былъ тотъ, что назначена была коммиссія для продолженія начатаго слѣдствія надъ исправникомъ Г., въ составъ коей былъ назначенъ чинов-

---

лованной дѣвушки было подано по истеченіи опредѣленнаго на то срока закономъ (срокъ назначенъ, кажется, три дня), то исправникъ Г. правильно поступилъ, отказавши дать ходъ дѣлу; но если онъ предписалъ становому произвесть о томъ форменное дознаніе (т.-е. приступы къ формальному слѣдствію), это было сдѣлано съ цѣлью запугать помѣщика Ж. и выманить у него деньги, слѣдовательно исправникъ Г. былъ юридически виновенъ, что пустилъ въ ходъ дѣло, котораго не слѣдовало пускать, а морально и во всякомъ случаѣ уголовно виновенъ, что выманилъ деньги застращиваніемъ по какому бы дѣлу ни было. Но такъ какъ слѣдствіе возникло изъ-за того, что онъ обвинялся въ *прекращеніи* начатаго уголовнаго дѣла, по производившіе слѣдствіе должны были основываться на томъ, что исправникъ *имѣлъ* законныя данныя начать производство о растлѣніи дѣвки, а если онъ началъ, то не долженъ былъ прекратить. А что до того, правильно-ли, или неправильно онъ поступилъ принявъ жалобу тетки этой дѣвки, не могло, (по моему разумѣнію) входить въ составъ изслѣдованія о его (исправника) дѣйствіяхъ, такъ какъ вѣроятно, не было объ этомъ, никакихъ данныхъ, и вотъ почему, исправникъ Г. такъ упорно стоялъ на томъ, что онъ не приступалъ ни къ какимъ формальнымъ (т.-е. офиціальнымъ дѣйствіямъ).

*) Во время моей службы я всегда дѣйствовалъ такимъ же образомъ, и требованія мои о временномъ удаленіи исправника, надъ которымъ я производилъ слѣдствіе, были всегда уважены, какъ законныя и согласныя съ здравымъ смысломъ.

никъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, статскій совѣтникъ Аршеневскій, и почти одновременно съ этимъ перемѣщенъ былъ изъ Рязанскаго Губернскаго Правленія въ Симбирское старшій совѣтникъ Документовъ по секретному на него извѣту, что онъ управлялъ Рязанскимъ губернаторомъ. Немудрено, что еслибы Петръ Петровичъ не упрямился и удалилъ бы на время исправника Г., дѣло о немъ могло бы кончиться въ самомъ Рязанскомъ Губернскомъ Правленіи, семейнымъ, такъ-сказать, образомъ, а именно. Когда слѣдователь представилъ бы туда оконченное имъ слѣдствіе, Губернское Правленіе, при разсмотрѣніи дѣла, могло бы, въ угодность губернатору, найти, что обвиненія противъ исправника Г. не на столько доказаны, чтобы предать его суду, и дѣло кончилось бы тогда или выговоромъ или, въ крайнемъ случаѣ, килейнымъ приказаніемъ, чтобы онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ [1]); впрочемъ, еслибы и въ этомъ случаѣ не послѣдовало опозиціоннаго протеста отъ ассесора. Какъ бы то ни было, но Новосильцовы, мужъ и жена, пришли въ большое негодованіе отъ новаго оборота дѣла, и бѣдный ассесоръ Гвоздевъ, чувствуя всю фальшивость своего положенія въ Рязани, перешелъ въ Тверское Губернское Правленіе, а на мѣсто переведеннаго въ Симбирскъ старшаго совѣтника Документова назначенъ былъ изъ Министерства нѣкій г. Просвиринъ, по поводу коего Петръ Петровичъ скаламбурировалъ мнѣ: «Je le recevais comme du pain béni» [2]). Новая слѣдственная коммиссія начала съ того, что удалила все-таки на время исправника Г. отъ занимаемой имъ должности и посадила въ острогъ несчастныхъ становаго и непремѣннаго члена, и хотѣли было сдѣлать тоже съ главнымъ обвиняемымъ исправникомъ Г., но нашлось столь много о немъ ходатаевъ, что слѣдователи воздержались отъ этой справедливой мѣры на томъ-де основаніи, что супруга этого господина находилась въ интересномъ положеніи и могла бы подвергнуться выкидышу въ случаѣ тюремнаго заключенія ея сожителя. Ничего подходившаго къ подобной любезности

---

[1]) Исправника отъ короны губернаторъ имѣлъ право отрѣшить отъ должности по собственному своему произволу; но исправникъ по выбору отъ дворянъ не иначе могъ быть отрѣшенъ какъ съ преданіемъ его суду, чего именно хотѣлось избѣгнуть Петру Петровичу, и вотъ онъ оказалъ безсознательно медвѣжью услугу своему протеже.

[2]) „Я приму его какъ благословенный хлѣбъ (то-есть, какъ просвиру).“ Совѣтникъ Документовъ, проѣзжая позднѣе через Рязань изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ въ отпуску, разсказывалъ намъ, что когда онъ являлся къ министру и просилъ его объяснить, чѣмъ онъ заслужилъ его немилость, каковою онъ долженъ былъ считать непрошенное свое перемѣщеніе въ Симбирскъ, Дмитрій Гавриловичъ отвѣчалъ: „Мы оба съ вами уже съ сѣдиною и потому можемъ понять другъ друга безъ особенныхъ объясненій.“ Я очень сожалѣлъ объ удаленіи г. Документова, какъ единственнаго толковаго человѣка во всемъ нашемъ Губернскомъ Правленіи, да и самъ онъ былъ очень *комъильфотный*.

къ женскому полу, не могло быть, конечно, въ уголовномъ сводѣ, и я не разъ упрекалъ впослѣдствіи моего товарища и друга Мартенса (находившагося въ составѣ слѣдственной коммиссіи) за подобную неумѣстную снисходительность. Я забылъ сказать, что жена этого исправника (коей дано было между нами прозвище «недорѣзанной индюшки» отъ томной и полуплачевной всегда интонаціи ея голоса и протяжнаго говора) взошла въ большой *форсъ* при губернаторшѣ. Дѣло это тянулось болѣе двухъ лѣтъ и, не смотря на сильную (и для меня необъяснимую) поддержку этого господина, Сенатъ опредѣлилъ отрѣшить его отъ службы, впредъ никуда не поступать и къ дворянскимъ выборамъ не допускать. Открытымъ покровительствомъ человѣка, пользовавшагося непохвальною репутаціею, Петръ Петровичъ повредилъ себѣ въ общественномъ мнѣніи.

Въ Рязань тогда пріѣзжалъ сошедшій съ Московской сцены первый теноръ Бантышевъ. Онъ былъ принятъ особенно ласково и, какъ старый знакомый Петра Петровича, обѣдалъ у него и даже, помнится мнѣ, что на прощаньи Петръ Петровичъ обнялъ его и подарилъ что-то ему въ знакъ памяти; но давалъ-ли нашъ ветеранъ-пѣвецъ концертъ въ Рязани, не упомню, такъ какъ въ это время меня не интересовали городскія происшествія.

Между тѣмъ служебный нашъ штатъ измѣнился и отчасти увеличился. Еще осенью 1853 года опредѣлился изъ студентовъ Московскаго университета нѣкій Купинъ, который получилъ мѣсто секретаря въ отдѣленіи Губернскаго Правленія, коимъ завѣдывалъ совѣтникъ Документовъ. Купинъ былъ малый способный и умѣвшій себя держать въ хорошемъ обществѣ; онъ сразу попалъ въ интимный кружекъ Меропы Александровны. По переводу въ Тверь ассесора Гвоздева, его мѣсто занялъ въ Губернскомъ Правленіи мой товарищъ Иванъ Карловичъ Мартенсъ, а на вакантное мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій опредѣленъ былъ Михайловскаго уѣзда молодой, но совершенно лысый, Казначеевъ; на вакансію же перешедшаго во Владимиръ А. И. Протасьева (тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ Рязани) поступилъ молодой дворянинъ Рязанской же губерніи Ладыженскій. Кстати разскажу, какой новый фокусъ придумалъ А. И. Протасьевъ, чтобы заставить допрошаемаго свидѣтеля показать «всю сущую правду», безъ привода его къ присягѣ. Онъ предложитъ, бывало, допрошаемому произнести слѣдующую форму: «Лопни моя утроба, если лгу». Простолюдины чуждались произнести эти грозныя, по ихъ взгляду, слова. «Вѣдь ты обѣщаешься же говорить всю правду?» спроситъ Протасьевъ.— «Истинно такъ, ваше благородіе; облыжно ничего не покажу».— «Такъ

зачѣмъ же ты боишься сказать: лопни моя утроба? Вѣдь ты къ этому себя присуждаешь только въ случаѣ, если солжешь.» — «Оно все такъ, батюшка; да зачѣмъ же лопнуть то ей, моей утробѣ?» И ни за что, бывало, не урезонитъ онъ мужичка произнесть это заклинаніе [1]).

Опредѣлился также въ губернаторскую канцелярію нѣкій Рыжковъ, племянникъ Ряжскаго предводителя г. Яблочкина, но его употребляли также и для производства слѣдствій наравнѣ съ чиновниками особыхъ порученій; а изъ состава послѣднихъ віолончелистъ Кущевъ перешелъ около этого времени къ Орловскому новому губернатору Сафоновичу. О Кущевѣ я однажды только упомянулъ, потому что онъ какъ бы чуждался насъ и не показывался никогда въ обществѣ; но о слѣдственной его дѣятельности ходилъ между нами, его сослуживцами, слѣдующій разсказъ. Производилъ онъ однажды слѣдствіе въ Касимовскомъ (кажется) уѣздѣ надъ однимъ отставнымъ рядовымъ или унтеръ-офицеромъ, и вотъ задаетъ онъ обвиняемому письменный допросъ «по пунктамъ», по установленной на то формѣ. На первый вопросъ «какъ тебя[2]) зовутъ?» Отвѣтъ былъ «Хаджи Магометъ» или «Ибрагимъ», или нѣчто въ этомъ родѣ, такъ какъ на сей разъ субъектъ былъ изъ Татаръ. На второй (вписанный также заранѣе) вопросъ «какого ты вѣроисповѣданія?» Отвѣтъ послѣдовалъ «Магометантскаго». Затѣмъ появился и третій, по установленной формѣ, вопросъ «бываешь-ли ты каждогодно на исповѣди и у святаго причастія; если же не бываешь — *то почему*?» Какъ бы ни казался абсурднымъ этотъ анекдотъ, на практикѣ онъ могъ бы дѣйствительно случиться, и вотъ почему. Бывало, мы, слѣдователи, отступая иногда отъ правилъ (или точнѣе, наказа), выписывали заранѣе всѣ нужные вопросные пункты на приготовленной для того тетради съ одного боку каждой страницы, предоставляя допрошаемому самому вписывать его отвѣты на оставшейся половинѣ страницы, параллельно нашихъ вопросовъ. Если допрошаемый былъ безграмотенъ, со словъ его писалъ тотъ, кому онъ довѣрялъ, при чемъ

---

[1]) Куда хитеръ нашъ народецъ! Во время слѣдственной моей практики я узналъ, что при приводѣ крестьянъ къ присягѣ надо слѣдователю зорко смотрѣть, чтобы они громко прикладывались ко кресту, безъ чего они не считаютъ клятвопреступничествомъ показать неправду послѣ произношенія клятвеннаго обѣщанія. (Азъ, нижеименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, и проч.), а чтобы избѣгнуть этого, они лишь наклонятся ко кресту и дѣлаютъ видъ, что прикладываются къ нему, но безъ чмоканія и, по выходѣ отъ слѣдователя, говорятъ, что мы-молъ не цѣловали креста.

[2]) Общепринятая нынѣ формула „вы“ употреблялась тогда при допросахъ однихъ только дворянъ, купечества, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія, а для лицъ остальныхъ сословій, какъ то крестьянъ, рядовыхъ, унтеръ-офицеровъ и мѣщанъ, употреблялось „ты“. Это было отчасти и логично въ томъ отношеніи, что равенства передъ закономъ въ практическомъ примѣненіи этого слова тогда не было; наприм. законъ дозволялъ разспрашивать „знатныхъ лицъ“, у нихъ на дому.

случалось даже (въ чемъ я долженъ сознаться), что мы дозволяли обвиняемому, для бóльшаго ему удобства, уносить къ себѣ на домъ эту тетрадь и тамъ наполнять ее по его усмотрѣнію. Немудрено, что такъ поступилъ въ данномъ случаѣ г. Кущевъ; а быть можетъ также, что онъ не счелъ себя въ правѣ отступить на волосъ отъ установленной формы при дачѣ предварительныхъ, такъ называемыхъ, вопросовъ (цѣль коихъ было опредѣлить тождество обвиняемаго или допрошаемаго лица), довольствуясь оставить въ пробѣлѣ отвѣтъ на вопросъ, не подходившій къ дѣлу. Вѣдь существовалъ же законъ, что «всякое отступленіе отъ принятыхъ формъ уничтожаетъ сущность дѣла»?!

Для болѣе спораго хода дѣлъ и уменьшенія траты времени на разъѣзды чиновниковъ особыхъ порученій, Петръ Петровичъ придумалъ весьма дѣльную мѣру, назначивъ по два уѣзда (изъ всѣхъ 12 Рязанской губерніи), на каждаго изъ его шести чиновниковъ особыхъ порученій; но изъ уваженія, быть можетъ, къ моимъ лѣтамъ или свѣтскому положенію пришелся на мою долю городъ Рязань съ однимъ его только уѣздомъ. Отъ этого казавшагося облегченія (относительно уменьшенія разъѣздовъ по губерніи) занятія мои усилились несравненно болѣе противъ тѣхъ изъ моихъ товарищей, которые имѣли на рукахъ два уѣзда, такъ какъ случалось, что въ иныхъ уѣздахъ не было никакого дѣла по шести мѣсяцевъ, и между тѣмъ я сдѣлался единственнымъ слѣдственнымъ приставомъ по губернскому городу, гдѣ наплывъ дѣлъ никогда не прекращался. Новые и юные мои сослуживцы не оказывали вообще особеннаго рвенія къ занятіямъ, такъ что предъ концомъ моей службы въ Рязани тружениками были только Степанъ Тимоѳеевичъ Словутинскій (изъ давнѣйшихъ чиновниковъ, еще при губернаторѣ П. С. Кожинѣ, образцовый слѣдователь) и я.

Былъ въ Рязани въ это время губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ нѣкій изъ правовѣдовъ г. Дитель, престранный господинъ, фамилію коего мы измѣнили на «Дятелъ». У него высказывались иногда такія сужденія, что давали поводъ подозрѣвать, въ полномъ ли онъ разсудкѣ, а между тѣмъ онъ занимался литературными предметами и даже небезуспѣшно: въ одномъ современномъ періодическомъ журналѣ (кажется, въ Архивѣ, изданіи 1860 г. Н. В. Калачова) онъ помѣстилъ довольно интересный историческій обзоръ Зарайска и его уѣзда; но тутъ онъ попалъ въ курьезный археологическій промахъ, сказавъ, что въ имѣніи генерала Дивова, въ сельцѣ Городищѣ, видны по сю пору слѣды древнихъ укрѣпленій, между тѣмъ какъ они не что иное, какъ тѣ многостоящіе валы и канавы, перерытые съ мѣста на мѣсто моимъ

почтеннѣйшимъ кузёномъ между 1848 и 1856 годами, о чемъ я уже разсказывалъ *).

Въ Декабрѣ, незадолго передъ Рождествомъ, Николай Адріяновичъ вызвалъ меня къ себѣ въ Городище, чтобы объявить мнѣ о новой семейной потерѣ: мать моя скончалась во Флоренціи въ Ноябрѣ, 77 лѣтъ отъ роду. Это былъ третій ударъ, постигшій меня въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ. Я долженъ былъ прекратить на время служебныя мои занятія и, съ согласія Петра Петровича, остался на три недѣли въ Городищѣ, гдѣ я одинъ встрѣтилъ новый 1855 годъ, между тѣмъ какъ Дивовъ уѣхалъ на зиму въ Петербургъ. Мать моя долго была бодра не по лѣтамъ, но смерть моего брата мгновенно превратила ее (какъ мнѣ впослѣдствіи говорили) въ дряхлую старуху и свела въ могилу. Обозрѣвая въ Городищенскомъ моемъ уединеніи всю истекшую мою жизнь, сколько упрековъ я дѣлалъ себѣ за всѣ горести и слезы, причиненныя этой лучшей изъ матерей буйною моею молодостью, тогда какъ отъ примѣрнаго моего брата она видѣла одно утѣшеніе и отраду!....

.....Самый день новаго года я встрѣтилъ и провелъ у сосѣда Дивова, достойнаго человѣка, но бирюка по привычкамъ жизни, Дмитрія Николаевича Апраксина въ его сельцѣ Горяинцовѣ, втроемъ съ ветеринаромъ Городищенскаго коннаго завода Константиномъ Петровичемъ Василевскимъ, человѣкомъ, оказавшимъ мнѣ живѣйшее сочувствіе во время и даже послѣ постигшаго меня несчастія.

---

*) Этотъ г. Дитель устроилъ было свою судьбу весьма укромно, женившись на одной богатой вдовѣ Калужской губерніи. Я встрѣтилъ его однажды въ Калугѣ (въ концѣ 50-го и въ началѣ 60-го годовъ) франтомъ и разъѣзжавшимъ въ своемъ экипажѣ; но онъ кончилъ незавиднымъ образомъ. Онъ и жена его находились подъ судомъ въ концѣ 60-хъ годовъ по обвиненію въ умышленномъ причиненіи смерти его пасынку (уже взрослому). Мать умершаго была приговорена къ каторжной (кажется) роботѣ, а ея мужъ къ ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ правъ состоянія; но онъ померъ еще въ острогѣ.

ЧЕТВЕРОСТИШІЕ А. С. ПУШКИНА КЪ ПОРТРЕТУ П. Х. МОЛОСТВОВА.

Панфамиръ Христофоровичъ Молоствовъ, помѣщикъ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, участвовалъ въ походахъ 1812-го и 1814-го годовъ и былъ въ Парижѣ. Возвратившись изъ этого похода, онъ продолжалъ службу офицеромъ въ Царско-сельскихъ гусарахъ, а по выходѣ въ отставку жилъ постоянно въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ на Сергіевской улицѣ. Точно опредѣлить время его знакомства съ А. С. Пушкинымъ трудно; нельзя даже сказать, было-ли это послѣ или до выхода его въ отставку. Вѣроятно поводомъ къ знакомству послужило то обстоятельство, что Молоствовъ былъ Царско-сельскій гусаръ, а съ гусарами, какъ извѣстно, поэтъ и въ Лицеѣ, и въ первые годы по выходѣ оттуда водилъ сношенія. Если Молоствовъ и былъ во время знакомства его съ Пушкинымъ въ отставкѣ, то это ничего не значитъ, такъ какъ и вышедшіе изъ полка гусары поддерживали дружбу со старыми товарищами. Тѣмъ болѣе вѣроятно это по отношенію къ Молоствову, что онъ жилъ въ своемъ домѣ, гдѣ старые товарищи принимались на совершенно свободную, холостую ногу. Знакомство съ поэтомъ, благодаря уму и образованію Молоствова, скоро перешло въ столь близкія отношенія, что Пушкинъ сталъ часто бывать у него въ домѣ, а впослѣдствіи былъ съ нимъ въ перепискѣ. Въ этотъ-то періодъ болѣе близкаго знакомства, когда Александръ Сергѣевичъ бывалъ у Молоствова въ домѣ, и было написано сохранившееся у меня четверостишіе, продиктованное ему Музой въ веселую минуту, быть можетъ, холостой пирушки. Вотъ это четверостишіе.

Небольшой онъ Русскій баринъ,
Дуракомъ онъ не былъ вѣкъ:
Онъ Татаринъ, онъ Татаринъ,
Онъ же Русскій человѣкъ!

А. С. Пушкинъ и П. Х. Молоствовъ находились оба въ хорошихъ отношеніяхъ съ нѣкіимъ Криницынымъ, помѣщикомъ Псковской губерніи (Лужскаго уѣзда). Криницынъ былъ одно время высланъ за границу, но потомъ прощенъ и жилъ безвыѣздно у себя въ деревнѣ. Быть можетъ, тамъ сохранились бумаги или письма, относящіяся къ Пушкину.

Портретъ П. Х. Молоствова принадлежитъ нынѣ его племяннику В. Т. Молоствову, живущему въ Петербургѣ. Стихи Пушкина написаны имъ на оборотѣ этого портрета карандашомъ. Письма же Пушкина, хранившіяся у В. Т. Молоствова въ его селѣ Никольскомъ, сгорѣли въ пожаръ 1840 года.

Н. Г. Молоствовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИХАИЛѢ ПЕТРОВИЧѢ ПОГОДИНѢ.

Я обучался въ первой Московской гимназіи, въ одномъ классѣ съ сыномъ Михаила Петровича. Когда установились товарищескія отношенія съ добрымъ Дмитріемъ Михайловичемъ, я нерѣдко бывалъ въ домѣ почтеннаго академика. Вслѣдствіе отдаленности этого дома отъ центра Москвы и незаселенности поля, которое отдѣляло его отъ города, мнѣ приходилось по нѣскольку часовъ оставаться у моего товарища и даже ночевать. Это обстоятельство сблизило меня съ семьей его, но, конечно, не съ отцомъ. Михаилъ Петровичъ иногда приходилъ въ комнату сына; стоя слушалъ наши разговоры или наблюдалъ за нашими занятіями кратко, отрывисто высказыва свое мнѣніе и уходилъ, не допуская ни возраженій, ни разъясненій. Съ его стороны я не замѣчалъ къ себѣ особеннаго расположенія, да предполагаю, что ничѣмъ и не вызывалъ его.

При окончаніи гимназическаго курса, по успѣхамъ я занялъ мѣсто третьяго ученика; Погодинъ стоялъ ниже. Мое поступленіе въ университетъ было радостнымъ событіемъ въ нашемъ семействѣ, особенно для моей матушки, которая высоко цѣнила университетское образованіе: ей нравилась даже студенческая форма, какъ внѣшній признакъ просвѣщающагося юноши. Поэтому я поспѣшилъ надѣть эту форму, удовлетворяя и собственному желанію отличаться отъ другихъ.

Для какой-то надобности мнѣ нужно было зайти въ Правленіе Университета. Здѣсь я узналъ, что я не принятъ въ число студентовъ: секретарь объяснилъ мнѣ, что Государь ограничилъ это число въ Московскомъ университетѣ опредѣленнымъ комплектомъ. Неожиданность этого извѣстія до того поразила меня, что я нѣсколько минутъ не зналъ, чтò мнѣ дѣлать: уходить ли изъ Правленія или дожидаться пріема въ университетъ. Опасаясь въ такой же степени поразить матушку, я не рѣшился идти домой. Это рѣшеніе было сознательнымъ; но чтò мнѣ предпринять, объ этомъ у меня не было никакого представленія, и я безсознательно пошелъ по улицамъ, безсознательно пришелъ на Дѣвичье поле. Тутъ ужъ было естественно зайти къ товарищу. Онъ погоревалъ со мной, сообщилъ о моемъ горѣ старшей сестрѣ своей и сказалъ, что онъ принятъ въ университетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Михаилъ Петровичъ позвалъ меня къ себѣ. Онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ.

— «Чтò, не приняли?» спросилъ болѣе сурово, чѣмъ участливо Михаилъ Петровичъ.

— Не приняли, отвѣчалъ я.

— «А учиться хотите?»

— Хочу.

— «Сядьте.»

Михаилъ Петровичъ подвинулся къ столу, написалъ письмо, запечаталъ его и, передавая мнѣ, спокойно сказалъ:

— «Поѣзжайте къ ректору университета Альфонскому. За Бутырской заставой.»

Поблагодаривъ за письмо, которое рѣшало мою судьбу, я тотчасъ отправился за Бутырскую заставу, гдѣ жилъ ректоръ на дачѣ.

Ректоръ Альфонскій, прочтя письмо, нѣсколько минутъ внимательно смотрѣлъ на меня.

— «Вы знаете содержаніе этого письма?»

— Нѣтъ.

— «Михаилъ Петровичъ проситъ уволить сына изъ университета и принять васъ вмѣсто него.»

Увидя мое смущеніе, ректоръ продолжалъ: «Этого сдѣлать нельзя; снимите мундиръ и поступайте въ университетъ вольнослушающимъ.»

Немного помолчавъ, онъ прибавилъ: «попросите попечителя.»

Генералъ Назимовъ принялъ меня, съ каской на головѣ, сходя по парадной лѣстницѣ своей квартиры и надѣвая перчатки. На мою просьбу онъ отвѣчалъ крикомъ, который я не сумѣлъ перевести на доступный мнѣ языкъ, а только сообразилъ, что нужно поскорѣе уходить съ дороги.

* * *

Если современный читатель объяснитъ просьбу Михаила Петровича принять въ университетъ меня, вмѣсто собственнаго сына, обыкновеннымъ расчетомъ, основаннымъ на увѣренности, что сына его ни въ какомъ случаѣ не уволятъ, то это обнаружитъ въ читателѣ незнаніе характера и нравовъ того времени, къ которому относится разсказъ. Въ тогдашнее суровое время порядокъ ставили выше справедливости, и необычайная просьба отца могла быть принята. Слѣдовательно, письмо Михаила Петровича не было искусственнымъ пріемомъ, и на ректора оно не произвело впечатлѣнія хитрой лжи. Ложь возбудила бы въ немъ смѣхъ или, по крайней мѣрѣ, улыбку; но онъ бросилъ на меня проницательный взглядъ, думая особенностью моей личности объяснить приводящее въ изумленіе содержаніе письма. А въ этой личности не было ничего, кромѣ общихъ задатковъ будущаго или, лучше сказать, могущаго быть развитія. Не личныя мои достоинства вызвали христіанскій поступокъ М. П. Погодина, а высокій порывъ собственной души его.

Татлинъ.

Москва, 7-го Мая 1898 года.

О ПАМЯТНИКАХЪ ИМПЕРАТОРАМЪ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ И АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

(Изъ письма къ профессору И. В. Цвѣтаеву),

4 Іюня 1634 года, по заключеніи имѣвшаго великое значеніе для Россіи Поляновскаго мира между царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и королемъ Владиславомъ, Польскіе паны, на радостяхъ, говорили нашимъ посламъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву и князю Алексѣю Михайловичу Львову: „На томъ бы мѣстѣ, гдѣ такое великое и славное дѣло совершилось, гдѣ стояли шатры, для вѣчнаго воспоминанія насыпать два большіе кургана и сдѣлать на нихъ два столба каменные, одинъ на Московской, другой на королевской сторонѣ, и на тѣхъ столбахъ написать государскія имена, также годъ и мѣсяцъ, какимъ образомъ и посредствомъ какихъ пословъ такое великое дѣло учинилось“.

Шереметевъ и князь Львовъ не согласились на такое предложеніе и отвѣчали Полякамъ: „Въ Московскомъ государствѣ такихъ обычаевъ не повелось, и дѣлать этого не для чего. Все сдѣлалось волею Божіей и съ повелѣнія великихъ государей, и написано будетъ въ посольскихъ книгахъ“. Они донесли о томъ въ Москву въ Посольскій Приказъ, и въ Москвѣ похвалили ихъ за такой отзывъ. „Дѣло нестаточное, писали имъ оттуда, бугры насыпать и столбы ставить. Быть тому не пригоже и не для чего; потому что доброе дѣло учинилось по Божьей волѣ, а не для столбовъ и бугровъ бездушныхъ“. (Соловьева, Исторія Россіи, изд. 1894 г. II. стр. 1216).

Таковое было мнѣніе умныхъ предковъ нашихъ, и хотя прошло слишкомъ два съ половиною вѣка съ тѣхъ поръ, какъ оно выражено, многомилліонный *христіанскій* народъ нашъ, въ большинствѣ своемъ, думаетъ и теперь тоже самое. Онъ несъ въ обиліи свои трудовыя деньги *на поминъ души* Великаго Государя, котораго *изъ сердца не выкинешь*, какъ выразился про него одинъ простолюдинъ, и конечно, храмъ Св. Александра Невскаго, воздвигаемый въ Москвѣ на Міусской площади, будетъ Русскому народу дороже Кремлевскаго памятника, при которомъ можно бы еще устроить хотя небольшую часовню для постояннаго молитвеннаго поминовенія объ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Тоже самое, и еще въ большей степени, должно относиться къ памятнику, который предполагается воздвигнуть императору Александру Александровичу, этому безпримѣрному во всемірной исторіи Государю, который отличался, можно сказать, *стыдѣніемъ власти*. Будь онъ живъ, то отвергъ бы всякую мысль о подобномъ памятникѣ себѣ. Въ вѣчный поминъ великой и въ тоже время скромной душѣ его слѣдуетъ обратить собранныя и собираемыя деньги на благотворительное учрежденіе или на храмъ Божій и именно въ Кремлѣ. „Москву—говорилъ онъ—зовутъ сердцемъ Россіи, а Кремль Московскій—душа Россіи“.

П. Б.

КЕРЧЬ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

Воспользовавшись въ Керчи стоянкою парохода, я отправился на „Митридатъ“, который еще издали привлекаетъ вниманіе путешественника своими развалинами.

До половины горы надо подниматься по широкой каменной лѣстницѣ, а затѣмъ уже по тропинкѣ, протоптанной разнымъ людомъ, отправляющимся на гору, въ надеждѣ найти что-нибудь въ трещинахъ горы и затѣмъ продать найденное туристамъ.

Поднявшись на гору, я невольно залюбовался прекраснымъ видомъ, открывшимся на городъ, раскинувшійся у подножія „Митридада“ и на заливъ, покрытый множествомъ всевозможныхъ судовъ. Съ правой стороны виднѣются укрѣпленія Керченской крѣпости, а за ними выходъ въ Черное море. Но совсѣмъ непривлекательный видъ представляетъ сама гора „Митридатъ“, давшая немало богатствъ нашимъ и иностраннымъ музеямъ. Видно, что ею никто не интересуется, никому она не нужна, никому не дорога: повсюду. видны слѣды коровъ и пр... Развалины церкви служатъ убѣжищемъ для босовиковъ, проводящихъ здѣсь ночи и тутъ же отправляющихъ свои естественныя потребности, и повидимому, никому нѣтъ до этого никакого дѣла. Неужели же въ Керчи никому не дороги эти остатки былой старины; вѣдь есть же въ Керчи музей, слѣдовательно есть люди, которые имъ завѣдываютъ; неужели же они не видятъ, въ какомъ безобразномъ состояніи находится „Митридатъ“, не могутъ оградить его отъ нежелательныхъ посѣщеній всевозможныхъ двуногихъ и четырехногихъ туристовъ, занаваживающихъ несчастную гору?

Учились мы много, но видно все еще не доучились, отвыкнувъ любить свою исторію и дорожить ея памятниками. А такъ ли у насъ ихъ много, чтобы съ такимъ возмутительнымъ пренебреженіемъ обращаться съ подобными останками древности, какъ гора „Митридатъ?“

Около развалинъ церкви, между прочимъ, я видѣлъ надгробный камень съ прекрасно-сохранившеюся надписью. Отчего бы не перести его въ музей? Керченскій музей находится въ концѣ города и помѣщается въ двухъ небольшихъ комнатахъ. Благодаря тому, что все лучшее отправляется въ Петербургъ, музей довольно бѣденъ. Больше всего вазъ, между которыми есть довольно интересныхъ. Печатнаго каталога нѣтъ, что́ весьма затрудняетъ осмотръ музея.

Леонидъ Савеловъ.

Коротоякъ,
Августъ 1897.

Петра Великаго, а дѣдъ Иванъ Родіоновичъ Стрѣшневъ подвергался также униженіямъ: гордыня внучки была, можетъ быть, безсознательною местью.

Въ той же книжкѣ напечатаны еще двѣ біографіи: царицы Евдокіи Θеодоровны Лопухиной и княгини Е. Р. Дашковой, полныя также мѣткими замѣчаніями и отличающіяся прелестью живаго и художественнаго изложенія.

П. Б.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двѣнадцатая. Спб. 1898

Лѣтопись г. Н. Барсукова, содержащая въ себѣ изложеніе жизни и трудовъ М. П. Погодина, продолжается безостановочно. Не входя въ подробную характеристику пріемовъ почтеннаго бытописателя, уже извѣстную читателямъ изъ предыдущихъ нашихъ замѣтокъ, скажемъ здѣсь только, что по интересу изложенія 12-я книга нисколько не уступаетъ книгамъ предыдущимъ. Скажемъ болѣе: чѣмъ ближе подходитъ въ своемъ повѣствованіи почтенный біографъ къ современности, тѣмъ болѣе растетъ занимательность его разсказа. Разсматриваемая книга содержитъ въ себѣ повѣсть о событіяхъ 1852 и 1853 годовъ, которые въ жизни Погодина отмѣчены двумя выдающимися случаями: продажею въ казну его древлехранилища и поѣздкою его въ чужіе края. На фонѣ этихъ двухъ фактовъ изъ жизни Погодина его біографъ начерталъ живую и обстоятельную картину, рисующую намъ умственную жизнь Русскаго интеллигентнаго общества начала 60-хъ годовъ. Читатель съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдитъ за характерною для Русскаго образованнаго общества порою, когда печатное Русское слово подвергалось тяжелымъ испытаніямъ, когда труды Хомякова, Кирѣевскаго и Аксаковыхъ чуть-чуть не возбуждали подозрѣній и преслѣдованія, когда относились съ недовѣрчивостью къ такимъ, въ существенности, патріотическимъ изданіямъ, какъ Московскій Сборникъ Аксакова. Но рядомъ съ этимъ мы съ наслажденіемъ слѣдимъ за державною поддержкой, которую испыталъ Погодинъ при пріобрѣтеніи въ казну для Императорской Публичной Библіотеки и Московской Оружейной Палаты его Древлехранилища за 500.000 р. ассигн. Это обстоятельство обезпечило нашего труженика и дало ему возможность безъ всякой помѣхи работать надъ своими учеными задачами, между прочимъ и надъ Русской исторіей. Въ спокойномъ и, позволимъ себѣ выразиться, величавомъ повѣствованіи автора о пріобрѣтеніи Древлехранилища читатель испытываетъ извѣстнаго рода внутреннее успокоеніе, видя, какъ стремленія археолога и антиквара нашли себѣ истинную и просвѣщенную оцѣнку, поддержаны и признаны высшею властію. Не менѣе любопытно и то, что говоритъ біографъ о пятомъ путешествіи Погодина на Западъ Европы, когда онъ ѣздилъ на минеральныя воды въ Германію и побывалъ въ Парижѣ.

Читатель 12-й книги встрѣчается съ знакомыми ему лицами: съ Шевыревымъ, Леонтьевымъ, Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Т. И. Филипповымъ, Грановскимъ, Григорьевымъ, Катковымъ, Дмитріевымъ, Островскимъ и т. д. и т. д. Вмѣстѣ съ ними являются на сцену и новые дѣятели, такъ или иначе стоявшіе въ связяхъ съ Погодинымъ, напр. священникъ Белюстинъ и профессоръ М. М. Стасюлевичъ. Всѣмъ лицамъ воздается надлежащая оцѣнка, почерпаемая преимущественно изъ ихъ собственныхъ писаній. Въ этомъ и заключается, главнымъ образомъ, вся увлекательность изложенія почтеннаго біографа Погодина. Мы искренне желаемъ г. Н. Барсукову съ неослабѣвающимъ рвеніемъ докончить свое повѣствованіе и этимъ самымъ воздвигнуть Погодину памятникъ „aere perennius“.

И. Помяловскій.

Май 1898 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

(Годъ 36-й).

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный —**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.